А.А. Башков

Христианские древности Беларуси конца X - XIV вв.

(предметы христианского культа индивидуального использования)

А.А. БАШКОВ

ХРИСТИАНСКИЕ ДРЕВНОСТИ БЕЛАРУСИ КОНЦА X–XIV ВВ.

(предметы христианского культа индивидуального использования)

Минск
издатель И.П. Логвинов
2011

УДК 903.26(476)"09/13"
ББК 63.4(4Беи)
Б 333

Рецензенты:
Штыхов Г.В., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела археологии средневекового периода Института истории НАН Беларуси
Кошман В.И., кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологии средневекового периода Института истории НАН Беларуси

Башков А.А.
Б333 Христианские древности Беларуси конца X – XIV вв. (предметы христианского культа индивидуального использования) / А.А. Башков. – Минск : И.П. Логвинов, 2011. – 194 с. : илл.

ISBN 978-985-6991-21-2

В монографии впервые проведён комплексный анализ предметов христианского культа индивидуального использования конца X–XIV вв., найденных на территории Беларуси. Предметы христианского культа индивидуального использования представлены единым комплексом как значительный источник по изучению социальных и культурных преобразований на территории Беларуси конца X–XIV вв. Подключение его к системе изучения раннего христианства на Беларуси дополняет недостающие звенья в реконструкции исторических процессов и позволит проследить всю логику событий. Проведённая работа будет способствовать дальнейшему, более детальному изучению процессов христианизации восточно-славянских территорий в конце X–XIV вв.

Представленная монография может быть использована археологами, историками, музейными работниками и всеми, кто интересуется средневековой историей Беларуси.

УДК 903.26(476)"09/13"
ББК 63.4(4Беи)

ISBN 978-985-6991-21-2

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти моего брата Андрея посвящаю

ВВЕДЕНИЕ

Проблема становления христианской церкви в Беларуси в историографии не имеет однозначной оценки. Существуют многочисленные работы как белорусских, так и зарубежных авторов, в которых процесс христианизации территории Беларуси рассматривался через призму общеевропейских тенденций, имевших место в период становления раннегосударственных объединений в Восточной Европе. Однако сложность изучения данной проблемы обусловлена тесным сплетением факторов социокультурного развития общества со структурными элементами религии как системы, включающей в себя религиозное сознание, религиозные отношения, религиозные организации, религиозную деятельность. Всё это заставляет историков при изучении микрорегионов охватывать широкий спектр проблем, что увеличивает шансы появления недостаточно стройных и объективных исследовательских систем. Проецирование общих тенденций, характерных для обширного региона, на узкую территорию приведёт, на наш взгляд, к расплывчатости и даже сглаживанию отдельных региональных особенностей процессов христианизации.

Очевидно, что все проводимые исследования, касающиеся раннего христианства в Беларуси, базируются на основе тех фактов, которыми располагает историческая наука на сегодняшний день. Обработка, интерпретация и проецирование этих фактов даёт возможность формирования у общества представлений об этапах, тенденциях, темпах становления христианской религии. Конечно, во многом объективизм этих исследований зависит от того количества фактов, которое задействовано в системном построении.

Ввиду наличия в историографии христианства следующих суждений: о единстве процесса христианизации для всей территории Древней Руси, включая белорусские земли; о доминировании в этом процессе отдельных христианских центров, с учётом идеологических соображений, в частности, Константинополя и Киева, а также узкого социального слоя из княжеского окружения; о субъективных и материалистических факторах перехода к христианскому вероучению необходимо особое внимание уделить расширению круга источников по изучаемой проблеме и ввести в научный

оборот ряд фактов, дополняющих и уточняющих исследовательские системы по проблеме христианизации Беларуси.

Учитывая недостаток документальных известий по истории проникновения христианства на Беларусь в период с конца X в. (официальное принятие христианства в Древней Руси) и до конца XIV в. (время конфессиональных преобразований великих князей литовских Ягайло и Витовта), необходимо сконцентрировать внимание на археологическом материале, связанном с христианским культом. Подключение его к системе изучения раннего христианства в Беларуси дополнит недостающие звенья в реконструкции исторических процессов и позволит проследить всю логику событий.

Ввиду наличия значительных разработок по истории храмового строительства в Беларуси в эпоху Средневековья и эволюции погребального обряда, необходимо особое внимание уделить изучению предметов христианского культа (далее ПХК), найденных на территории современной Беларуси. Наличие на археологических памятниках подобного материала как показателя индивидуальной веры людей, некогда обладавших ими, может указать не только на тенденции социокультурных преобразований, но и на изменения в самосознании населения, принятия им христианской веры на мировоззренческом уровне. Однако приходится констатировать, что эта сфера в археологии Беларуси наименее разработана. Как правило, предметы христианского культа обобщённо рассматриваются в рамках археологических комплексов без какого-либо его выделения, а искусствоведческий анализ наиболее ярких памятников церковных древностей уводит исследователей в узкую область изысканий, что не даёт возможности проследить весь спектр проблемы.

В ходе изучения предметов христианского культа выделяются три этапа. Первый (третья четверть XIX – начало XX в.) характеризуется постановкой данной проблемы в ранг необходимой для научного изучения и первоначальным накоплением материала. Второй (20-80-е гг. XX в.) дал серьезную основу для накопления обширной базы данных и заложил фундамент структурного исследования отдельных категорий ПХК. Третий (начиная с 90-х гг. XX в.) подготовил почву для введения ПХК как значительного источника в изучении социокультурных преобразований на Беларуси в конце X–XIV вв.

В ходе многолетнего исследования белорусских древностей был накоплен обширный археологический материал, связанный с христианским культом, который и стал основным источником для написания данной работы. Нами учтены и использованы материалы публикаций отечественных и зарубежных авторов, музейных коллекций Брестского областного краеведческого музея (БрОКМ), Национального исторического музея Республики Беларусь (НИМ РБ), Рогачёвского краеведческого музея, Государственного историко-культурного заповедника «Заслаўе», Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника, Браславского районного объединения музеев и фондов Института истории НАН Беларуси (ИИ НАН Беларуси). Многие исследователи предоставили нам свои материалы.[1]

Результатом проведённого сбора явилось составление картотеки, включающей 86 энколпионов и их фрагментов, 225 крестов-тельников, 46 икон и 7 змеевиков. За пределами исследования оказались древности, хотя и связанные с христианским культом, но имеющие иное функциональное назначение. В частности, это предметы ритуального назначения и храмового интерьера, а также сфрагистические материалы. Кроме того, вне нашего внимания остались артефакты, принадлежность которых к христианскому культу ещё не доказана или просматривается опосредованно. К таковым относятся украшения с крестообразным орнаментом и изображениями, а также предметы, носящие надписи сакрального характера. Их рассмотрение возможно лишь в контексте. Без сомнения, некоторые вещи оказались вне поля нашего внимания и остались неучтёнными. Предметы христианского культа рассредоточены по многим районным, краеведческим и школьным музеям, а также частным коллекциям. Значительная часть материала была вывезена за пределы республики без его фиксации и публикации. Как ни прискорбно, но приходится констатировать факт ощутимого урона среди церковных древностей во времена советской власти и в период Второй мировой войны, когда шло их целенаправленное, методическое разграбление и уничтожение.

[1] Выражаю искреннюю благодарность за предоставленные сведения Г.В. Штыхову, П.Ф. Лысенко, Э.М. Загорульскому, Я.Г. Зверуго, С.В. Тарасову, Л.В. Дучиц, О.Н. Левко, Ю.А. Заяцу, О.В. Иову, А.А. Метельскому, Л.В. Колединскому, В.И. Шадыро, Г.Н. Семенчуку, М.И. Лошенкову, Т.С. Бубенько, О.А. Макушникову, Н.Н. Дубицкой, В.Е. Соболю, Ю.Н. Бохану, П.А. Русову, В.И. Кошману, С.Д. Дерновичу, А.Н. Плавинскому, Н.А. Плавинскому, Н.И. Бруевичу, Н.В. Бычкову, А.В. Войтеховичу и другим археологам и краеведам.

Кроме того, в ходе подготовки монографии в поле нашего зрения попали предметы христианского культа, обнаруженные в ходе недавних археологических исследований и материалы из частных коллекций. Не включённые в наше исследование, они будут введены в научный оборот в будущих публикациях.

Необходимо отметить, что использованные в работе источники неравноценны. Часть материала получена в результате археологических исследований конца XIX – первой половины XX в. Раскопки проводились на различном научном уровне. Наряду с отчётами, содержащими необходимую полевую документацию, как, например, материалы белорусских археологов 20-30-х гг. XX в., встречаются отрывочные и крайне скудные сведения о найденном материале. В ряде случаев оказывается затруднительной, а иногда и невозможной привязка вещевых древностей из музейных коллекций к определённым археологическим комплексам. В особую группу можно выделить источники, в которых содержатся лишь указания на находку, без его описания или графического воспроизведения. Подобные сведения учтены, но роль их крайне невелика. Однако наличие хорошо документированных источников позволяет создать типологическую и хронологическую шкалу предметов христианского культа, в которую впишутся и депаспортизированные находки. Это позволит ввести в исторический контекст событий конца X–XIV вв. в Беларуси особую категорию источников, дающих возможность усовершенствовать систему изучения белорусских христианских древностей этого времени.

Хронологические рамки представленного исследования охватывают период появления в археологических памятниках Беларуси предметов христианского культа в связи с принятием христианства в качестве государственной религии в конце X в., а также его ощутимого сокращения и видоизменения в связи с существенными социокультурными и политическими явлениями в Великом княжестве Литовском конца XIV в. Государственные преобразования времён Ягайло и Витовта привели к изменению конфессиональной ситуации в регионе и, соответственно, облику материальной культуры христиан.

Основной целью работы является введение в контекст социокультурных преобразований в Беларуси конца X–XIV вв. предметов христианского культа этого периода, используемых в качестве индивидуального оберега, найденных на современной территории республики.

Необходимость рассмотреть проблему проникновения и распространения христианства на узкорегиональном уровне с учётом уже проведённой работы в этом направлении, а также накопление достаточно объёмного материала, связанного с христианским культом, ставит следующие задачи:

- провести индивидуальный и комплексный сбор археологического материала, связанного с христианским культом;
- подвергнуть его всесторонней обработке: картографировать, классифицировать, датировать с учётом стратиграфических условий залегания;
- выделить основные тенденции в его территориальной миграции и взаимного контакта с культурными традициями соседних территорий;
- изучить проблему местного производства предметов христианского культа;
- комплексно рассмотреть данные предметы с иным археологическим материалом;
- проанализировать его с учётом социокультурных процессов в регионе и на соседних территориях в период с конца X по XIV в.

Решение указанных задач в ходе разработки данной тематики заполнит недостающие звенья в системном построении и позволит перейти к исследованию других структурных уровней религии, но уже без пробелов и недоработок на предыдущих ступенях изучаемой проблемы.

Аналитическим объектом нашего исследования является христианская религия как система в её историческом развитии, приведшая к изменению облика материальной культуры в ходе своего проникновения на белорусские земли. Однако на данном этапе разработок нас будет интересовать лишь часть этого метаобъекта, относящаяся к сфере внекультовой практической деятельности, с её элементарными частицами – артефактами (в данном случае предметами христианского культа индивидуального использования). В качестве предмета исследования будут рассматриваться различные аспекты эволюции отдельных категорий ПХК, включающие морфологические изменения, центры производства, социальные сферы бытования, пути миграции.

В методологическом плане работа построена на принципах историзма, объективизма и целостного подхода. Методика исследования определяется поставленными задачами, исходя из комплексного анализа собранного материала. Для систематизации, моделирования и структурного подхода к изучению отдельного объекта использовались научно-методические разработки, основанные на функционально-конструктивном

и морфологическом анализе артефакта. Все эти методы и приёмы способствовали созданию развёрнутых классификационных схем и расширению информативных возможностей исследуемого материала.

Научная новизна и значимость полученных результатов отражена в следующем:

1. Впервые проведён максимальный и комплексный сбор ПХК индивидуального использования конца X–XIV вв., найденных на территории Беларуси;

2. Материал проанализирован и обработан с использованием последних методологических новаций;

3. ПХК индивидуального использования представлены единым комплексом как значительный источник по изучению социокультурных преобразований в Беларуси в период конца X–XIV вв.;

4. Результаты изучения археологических источников, связанных с данной проблемой, станут прочным фундаментом для последующих научных построений;

5. Проведённая работа будет способствовать дальнейшему, более детальному изучению процессов христианизации белорусских территорий в конце X–XIV вв.

К сожалению, приходится констатировать отсутствие в работе металлографического, минералогического и химического анализа исследуемых артефактов, что было вызвано финансовой и технической невозможностью проведения подобных анализов. Надеемся, что в скором будущем данное направление в исследовании будет плодотворно реализовано. Не всегда удовлетворительное изображение публикуемых и фиксируемых в полевой документации артефактов, а также плохая сохранность некоторых предметов повлекли за собой определённую реконструкцию автора при их зарисовке, что в определённом смысле можно посчитать как искажение. Значительная рассредоточенность материала не позволила автору сделать идеально полный подбор, а также непосредственно познакомиться с каждым из известных артефактов. Как следствие могли быть упущены некоторые незначительные нюансы, касающиеся их морфологических признаков, которые были также не зафиксированы предыдущими исследователями.

Тем не менее, введённый в работу круг археологических источников, не являясь абсолютно полным, вполне достаточен, на наш взгляд, для научного анализа и объективных выводов. Как показывают многочисленные исследования, посвящённые белорусскому средневековью, потребность в своде предметов христианского культа назрела давно. Дальнейшее расширение источниковой базы в ходе полевых сезонов и плановых музейных закупок, вряд ли серьёзно изменит ту картину, которая вырисовалась исходя из материалов, собранных в ходе многолетнего изучения белорусских древностей.

Выводы и фактический материал исследования дают возможность использовать работу в качестве свода археологических источников, где представлены отдельные категории ПХК, для изучения процессов христианизации и особенностей материальной культуры эпохи Средневековья в Беларуси.

Представленный материал может быть использован при подготовке обобщающих научных работ по истории и археологии Беларуси, а также при разработке лекционных и специальных курсов для образовательных учреждений.

ГЛАВА I
ИСТОЧНИКИ. ИСТОРИОГРАФИЯ. МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Источники

В ходе многолетнего исследования белорусских древностей был накоплен обширный археологический материал, связанный с христианским культом, который и стал основным источником для написания данной работы. Отметим, что использованные в работе источники далеко не равны по своей научной значимости. Часть материала собрана в результате археологических исследований конца XIX – первой половины XX в., когда они проводились на различном научном уровне. Наряду с профессиональной полевой документацией белорусских археологов 1920–1930-х гг., встречаются отрывочные и крайне малоинформативные сведения о найденном материале. В основном это дореволюционные работы описательного характера, где основной упор делался не на детальную фиксацию археологического материала на памятнике, а на общие выводы об исторических процессах на основе обнаруженных артефактов. Кроме того, на начальном этапе археологических изысканий при отсутствии специализированной методики раскопок артефакт как объект являлся основной целью исследований, без внимания к его пространственному и временному контексту. Иногда в более позднее время находки также не фиксировались в полевой документации достаточно чётко. Возможны были лишь указания на памятник и слой, где они были найдены. Вероятно, подобные явления связаны с несвоевременной фиксацией находок в процессе раскопок и нахождением артефактов уже в отвале.

В особую группу можно выделить источники, в которых содержатся лишь указания на находку, без его описания или графического воспроизведения. К таковым относятся каталоги предметов старины, представленных на выставке или же находящихся в частных коллекциях. Что же касается современных музейных каталогов и сборов, то краткость информации в ней не позволяет в полной мере получить исчерпывающую информацию о предмете. В ряде случаев оказывается затруднительной, а иногда и невозможной привязка вещевых древностей из музейных коллекций к определённым археологическим комплексам.

В музейных коллекциях находятся предметы, приобретённые в ходе плановых закупок старинных вещей от населения, либо

переданные в музей на хранение из частных коллекций. Зачастую информация о данных предметах весьма незначительная. Они либо случайно найдены вне археологических комплексов, либо приобретены из «третьих» рук и информация об их археологическом контексте, соответственно, отсутствует. Кроме того, предметы, хранящиеся в музейных коллекциях с довоенных времён, утратившие сопутствующую документацию, или переданные вследствие формирования и ликвидации отдельных музейных единиц, также без документации, позволяют нам использовать их лишь в качестве общей статистики и для создания типологических схем. Все подобные сведения учтены, но роль их крайне невелика.

Опубликованные сведения и материалы архива археологической научной документации Института истории НАН Республики Беларусь, содержащие сведения о раскопках на территории Беларуси за последние 60 лет, явились основной источниковой базой для настоящей работы. Как правило, в них дана полная информация о находке того или иного интересующего нас артефакта. Это, в свою очередь, даёт возможность проводить комплексный анализ материала, исходя из чётко представленного изображения и информации о стратиграфических условиях залегания. На основании этого возможен морфологический анализ с выделением пространственно-временного контекста для каждой исследуемой категории находок. Об информативности отдельного артефакта как источника подробнее речь пойдет ниже, когда будет рассматриваться методика исследования.

Подобная работа влечёт за собой необходимость подключения обширного археологического и исторического материала соседних территорий. Поиск и изучение аналогий становится неотъемлемой частью исследования, поэтому источниковая база не ограничена пространственными показателями. Активное использование зарубежных иконографических источников лишь повышает уровень проводимой работы.

Таким образом, наличие хорошо документированных источников позволяет создать типологическую и хронологическую шкалу предметов христианского культа, в которую впишутся и депаспортизированные находки. Это позволит ввести в исторический контекст событий конца X–XIV вв. в Беларуси особую категорию источников, дающих возможность усовершенствовать систему изучения белорусских христианских древностей этого времени.

Историография

ПХК, найденные на территории Беларуси, всегда были объектом пристального внимания научной общественности. История их изучения берёт начало в дореволюционном времени и, пройдя долгий путь, не оставляет равнодушными современных исследователей.

Историю изучения ПХК условно можно разделить на несколько этапов.

Этап 1. Третья четверть XIX – начало XX в. Характеризуется фрагментарным вниманием к ПХК, найденным на территории Беларуси. Это объясняется отсутствием в этот период значительных археологических исследований в белорусском регионе, которые могли содействовать росту количества артефактов, связанных с христианством. В основном исследовались курганные древности, которые не давали широкого представления по истории проникновения христианского культа. Большинство подъёмного материала, связанного с этой проблемой, расходилось по частным коллекциям и антикварным магазинам, а затем бесследно терялось. Когда над изданием и обработкой обширных археологических, музейных, монастырских и частных коллекций России работали видные деятели российской науки А.С. Уваров, Н. Леопардов, братья Б.Н. и В.Н. Ханенко, Н.П. Кондаков, Д.Н. Анучин, Е.Е. Голубинский, Д.Я. Самоквасов, Н.А. Шляпкин, Н.И. Петров, Н.В. Покровский и др., в Беларуси круг людей, интересующихся данной проблемой, был ограничен. В рамках активно проводимой работы Археологической комиссией по изучению, в том числе и белорусских древностей, материал, связанный с христианским культом, стал появляться на страницах научных изданий. Так были введены в научный оборот кресты из каменных могил Лидского уезда Виленской губернии, исследуемых В.А. Шукевичем и Э.А. Вольтером в третьей четверти XIX в. (Предполагаемые…, 1899). Значительную роль в становлении белорусской науки сыграла работа по сбору и публикации христианских древностей Беларуси А.М. Сементовского (Сементовский, 1890). Немаловажное значение имеют описания ПХК, найденных в Минской губернии и опубликованные Г.Х. Татуром (Татур, 1892), а также представленных на IX археологическом съезде в 1893 г. (Каталог…, 1893, с. 29, 33–35, 38).

Впервые непосредственно одной из категорий ПХК – энколпионам, был посвящён доклад

Н.И. Петрова на IX археологическом съезде в 1893 г. в Вильно (Петров, 1897). Работа носила скорее описательно-этнографический характер с воспроизведением легенды о находке чудотворного образа близ д. Купятичи Пинского уезда. В ней содержались известия о его чудесных деяниях. Однако крест из Купятич был впервые рассмотрен в системе общероссийского материала и сопоставлен с известными экземплярами древних энколпионов из коллекционных собраний, монастырей и музеев.

Таким образом, уже в конце XIX в. было положено начало изучению христианских древностей Беларуси и в частности ПХК индивидуального использования.

Этап 2. 20–80-е гг. XX в. В результате систематических исследований на территории Беларуси, проводимых представителями советской науки, христианские древности нашли свое отражение среди обширного археологического материала, вводимого в научный оборот еще в довоенное время. Так, А.Н. Лявданский впервые опубликовал экземпляр, относящийся к редкой категории ПХК – змеевик из Заславля (Ляўданскі, 1928, с. 11). Кресты-тельники были рассмотрены Б.А. Рыбаковым в системе погребальных комплексов радимичей (Рыбакоў, 1932, с. 293). Подобная работа была проведена известным белорусским археологом А.Н. Лявданским при изучении курганных могильников смоленских кривичей (Ляўданскі, 1932, с. 16, 22). В этот период было положено начало исследованиям древнерусских городских центров. Исследования Старого Замка в Гродно польскими археологами дали одни из первых свидетельств о материальной культуре христианских общин в белорусских средневековых городах (Durczewski, 1939, s. 14–15).

В послевоенное время, в период активного подъема археологической науки и проведения широких исследований белорусских древностей, внимание к ПХК значительно усилилось. Они рассматривались уже не только как составляющая археологических комплексов, но и как объект специализированных исследований. Материал, связанный с христианским культом, использовали в своих научных построениях почти все представители советской исторической науки, в том числе и белорусские ученые.

Для анализа культурных контактов в эпоху Средневековья в странах Восточной Европы, ПХК из Беларуси активно рассматривались в работах А.В. Банк и Ф.Д. Гуревич (Банк, 1978; Гуревич, 1986; 1988). Кресты-тельники из янтаря и других пород камня рассмотрены Р.Л. Розенфельд в системе общероссийского материала для анализа торговых отношений Руси и Прибалтики, а также сырьевой базы этих регионов (Розенфельд, 1978).

В этот период ПХК из Беларуси используется в качестве аналогичного материала для находок с обширных территорий Древней Руси. Показательной, в частности, является работа М.В. Седовой по обработке ювелирных изделий из Новгорода, где в том числе и белорусский материал используется в качестве аналогий (Седова, 1981). Особое место занимают работы, где отдельные категории ПХК из Беларуси исследуются как обособленные группы в системе общероссийского материала. К таковым относятся работы В.П. Даркевича, посвященные произведениям западного художественного ремесла в Восточной Европе и Т.В. Николаевой по отбору и анализу древнерусской мелкой пластики из камня (Даркевич, 1966; Николаева, 1983). Огромное значение в изучении ПХК сыграла единственная в своем роде работа Л.В. Алексеева по сведению в единый каталог образцов мелкого художественного литья, найденных на территории Беларуси (Алексеев, 1974). В каталог был внесен 41 предмет с подробным описанием и сопоставлением его с накопленным на то время общероссийским материалом. До сегодняшнего дня данная работа активно используется широким кругом исследователей для изучения крестов-энколпионов и металлических иконок.

В этот период широко развернувшееся исследование белорусских древностей дало возможность значительному росту количества ПХК, вводимых в научный оборот. В первую очередь это было связано с активным изучением древнегородских центров Беларуси целым рядом видных археологов: Н.Н. Ворониным, В.Р. Тарасенко, Я.Г. Зверуго, П.Ф. Лысенко, Г.В. Штыховым, Ф.Д. Гуревич, Э.М. Загорульским (Воронин, 1954; Тарасенко, 1957; Зверуго, 1975; Лысенко, 1974; 1985; Штыхов, 1978; Гуревич, 1981; Загорульский, 1982). Однако ПХК в ходе проводимой работы рассматривались лишь как составная часть материала археологических комплексов и показателя конфессиональной принадлежности населения. Иногда некоторые артефакты, заслуживавшие особого внимания, становились объектами более детального изучения в отдельных публикациях таких исследователей, как П.Ф. Лысенко, Ф.Д. Гуревич, В.Г. Пуцко, Л.В. Дучиц и др. (Лысенко, 1967; 1972; Гурэвіч, 1982; 1983; Дучыц, 1983; Леонова, 1982). Кроме того, некоторые ПХК, являясь шедеврами древнерусского

искусства, заняли достойное место в каталогах, отражавших высокий уровень материальной культуры и колорит местных традиций белорусских земель (Дэкаратыўна-прыкладное..., 1984; Старажытныя..., 1971).

Не остались без внимания в этот период развития исторической науки и предметы, связанные с христианским культом, из средневековых могильников (Богомольников, 1974; Риер, 1976). Широкое исследование курганных древностей дало археологический материал, позволивший более детально подойти к проблеме синкретизма христианской обрядности с языческой традицией погребения. Однако найденные ПХК в средневековых могильниках рассматривались лишь как материал отдельного археологического комплекса. Только В.В. Богомольников в своих исследованиях радимичских курганов обратил внимание на территориальную локализацию крестов-тельников и сделал попытку их морфологической классификации (Богомольников, 1989, с. 87, 90).

Этап 3. С 90-х гг. XX в. Данный период характеризуется в основном сохранением традиций советской историографии и в то же время значительным вниманием к узкорегиональным процессам исторического развития. В связи с этим повышается интерес к локальным группам ПХК и отдельным их категориям. ПХК из Беларуси по-прежнему используются учеными соседних государств в качестве аналогий (Коваленко, Пуцко, 1990; Мусин, 1994; Musin, 1998; Duczko, 1997; Ягодиньска, 1993). Однако они вносятся в своды общероссийского археологического материала без какого-либо выделения (Древняя…, 1997, с. 166–178; Николаева, Чернецов, 1991). Особо необходимо выделить работу Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой по сбору и сведению в единый каталог энколпионов с территории Восточной Европы в который также вошла значительная часть белорусского материала (Корзухина, Пескова, 2003). Интерес восточнославянских исследователей к ярким экземплярам материальной культуры ранних христиан на Беларуси подтверждается рядом научных статей В.Г. Пуцко и Л.В. Алексеева (Алексеев, 1993; Пуцко, 1994б; 1997а; 1997б; 1997в; 1998). В.Г. Пуцко, в частности, концентрирует внимание на искусствоведческом анализе ПХК из Беларуси, рассматривая их в контексте общеевропейских социокультурных преобразований и межрегиональных контактов раннего Средневековья. В свою очередь, Л.В. Алексеев продолжил обработку археологического материала из Мстиславля, среди которого особое внимание было уделено ПХК (Алексеев, 1995).

Отдельно необходимо отметить интерес западных и прибалтийских исследователей к памятникам раннего христианства. Зачастую в общеевропейском контексте археологического материала упоминается и используется в качестве аналогий восточнославянский материал и, в частности, ПХК из Беларуси (Staecker, 1997; 1999; Mugurēvičs, 1998; Zemītis, 1998; Žulkus, 1998; Wołoszyn, 2000; Ginalski, 2000; 2001).

Относительно изучения ПХК представителями белорусской науки приходится констатировать, что рассмотрение его проводится традиционно в рамках археологических комплексов. Для анализа в этих случаях используются, как правило, материалы советских исследователей 1970–1980-х гг. Это касается как разработок по изучению древнебелорусских городских центров, так и погребальной обрядности средневекового населения Беларуси (Заяц, 1995; Колединский, 1991; Квятковская, 1998; Лысенко, 1997; 1999; Макушников, 1994; Марзалюк, 1998; Поздняков, 1991; Тарасаў, 1998; Штыхаў, 1992). На современном этапе развития исторической науки не остались без внимания яркие экземпляры отдельных категорий ПХК, найденные в археологических памятниках Беларуси. Более полный их анализ был представлен в публикациях ряда белорусских исследователей (Мяцельскі, 1990; Каранеўская, 1996; Семянчук, 1999; Кошман, 2001).

Таким образом, история изучения ПХК в Беларуси характеризуется поступательным повышением интереса к данному виду источника по изучению социокультурных процессов конца X – XIV вв. на белорусских землях. В ходе развития исторической науки ПХК прошли длительный путь изучения от составной части комплексного материала к объекту индивидуальных специализированных исследований. Следующим этапом в изучении ПХК должен стать системный сбор всех категорий ПХК с территории Беларуси для комплексного анализа с учётом уже проведённой научной работы.

Методика исследований

Обращаясь к методологии и методике исследований ПХК, нами были учтены последние разработки советских и российских ученых в области методики археологических изысканий и методов обработки различного рода артефактов (Археология…, 1985; История…, 1994; Клейн, 1991; Кудрявцев, 1997; Теория…, 1994; Фёдоров-Давыдов, 1987; Формализованно-статистические…, 1990).

В основе методического подхода лежит систематизация культурно и исторически однородной совокупности предметов христианского культа по признакам функционально-структурного сходства их отдельных морфологических частей (Схема 1). Особое внимание уделено конструктивному подходу, суть которого заключается в разделении вещи на составляющие ее конструктивные элементы, определяющие функции вещи. Так, например, конструкция креста (иконы)-энколпия, предназначена для сохранения и транспортировки мощей, а устройство икон-триптихов указывает на возможность использования их в качестве мини-алтаря. Выделив наибольшее число конструктивных элементов, можно проследить всё разнообразие конструкций изучаемой категории.

Каждый ПХК рассматривается нами как система, делящаяся в свою очередь на подсистемы, важнейшими элементами которых являются: морфология, технология, материал, функция (Схема 2). Обозначим функции ПХК:

– **экономическая** – ПХК являлись ценностью, о чём свидетельствуют материал, трудоёмкость и технологическая сложность в производстве,

– **техническая** – например, использование энколпиев для хранения мощей и, равно как другие виды ПХК, для указания на конфессиональную принадлежность,

– **иконическая** – ПХК несут на себе иконографическое изображение объектов поклонения,

– **знаковая**:

1. сакральная – ПХК являются объектом поклонения, почитания и неотъемлемой частью ритуального действа,

2. коммуникационная – ПХК являются визуальными посредниками в общении представителей различных конфессий, а также между единоверцами,

3. социального статуса и престижа – материал и качество ПХК указывают на социальный уровень их обладателей,

4. накопление знаний – ПХК являются объектами накопления и отражения культурных традиций,

– **эстетическая** – оказывая визуально-эстетическое воздействие, ПХК во многом являют собой шедевры древнерусского искусства.

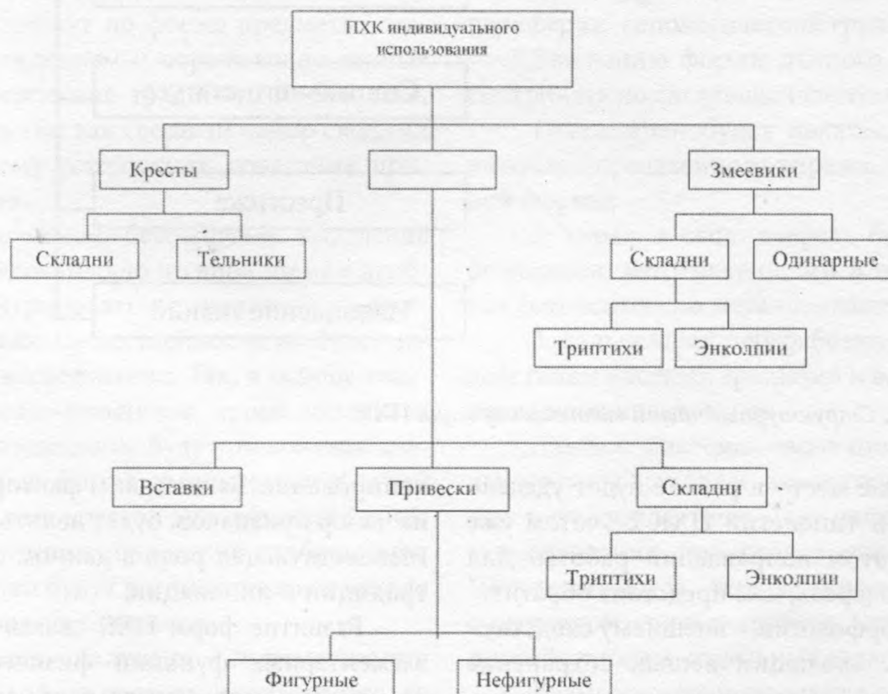

Схема 1. Системное построение ПХК по признакам функционально-структурного сходства

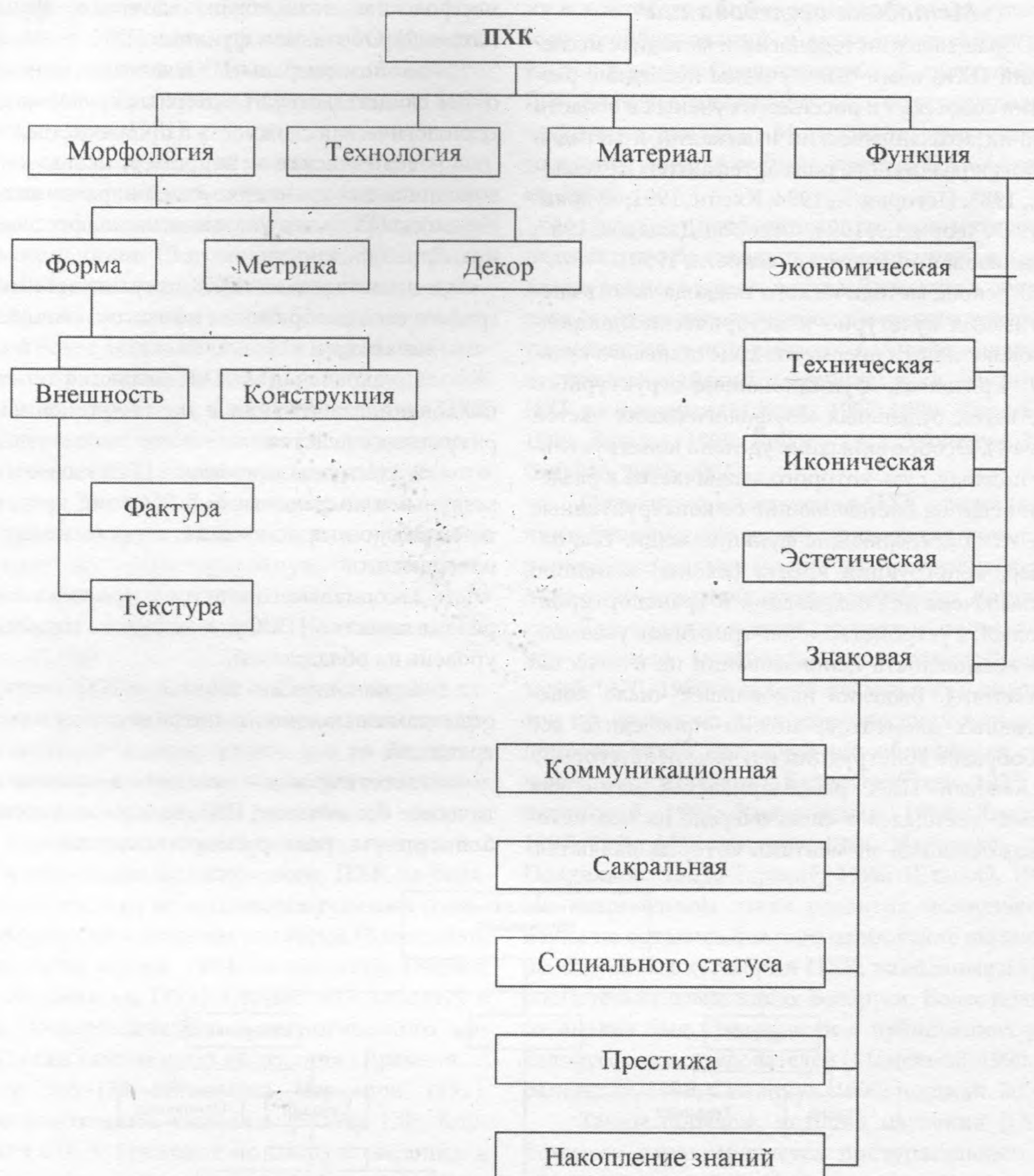

***Схема 2.** Структурные части системы изучения ПХК*

Значительное место в работе будет уделено классификации и типологии ПХК с учетом уже проведенной в этом направлении работы. Для этого, в первую очередь, нам предстоит обратиться к предмету морфологии – внешнему сходству.

В процессе эволюции вещей, сохранение или изменение набора признаков определяется закономерностями, общими для всех процессов многоэтапной передачи информации. Относительно ПХК, основным типом передачи информации будет подражание канону, или его копирование. Важнейшим фактором, влияющим на набор признаков, будет являться социальный. Главенствующая роль в данном случае отдается традиции и инновации.

Развитие форм ПХК связано с изменением элементарных функций физического материала или структуры отдельных частей вещи. Так, для сравнения, можно соотнести формы каменных крестов-тельников и металлических. Опять таки, широкое применение дерева для изготовления наперсных крестов с начала XV в. привело к

значительному изменению их внешнего вида. А исчезновение энколпионов повлекло доминирование односоставных крестов XVI–XVIII вв., которые отличались пестротой и причудливостью форм.

Укажем на основные принципы, характеризующие эволюцию и изменчивость формы ПХК:

1. **Принцип сохранения.** Какой бы формой не обладал крест, структурная форма его остается неизменной – средокрестие, ветвь, край;

2. **Принцип изменения.** Данному принципу подвержены все структурные элементы;

3. **Принцип эволюции.** Принцип, характерный для подавляющего большинства артефактов;

4. **Принцип самоорганизации или координационного развития.** Наиболее просматривается в соотношении размеров и конструктивных особенностях составных частей;

5. **Принцип сохранения информации.** Играет основную роль в передаче иконографических традиций и технологических приемов;

6. **Принцип тождественности структуры и функции.** Например, для сохранения мощей необходимы предметы из нескольких составных частей, образующих полость внутри, т.е. энколпии.

Теперь непосредственно обратимся к проблеме классификации ПХК. Основу классификации, позволяющей выявить объективные закономерности развития вещей, составляет тип. В тип объединяются близкие по форме предметы, связанные происхождением и отражающие единые культурно-исторические традиции. Кроме того, важно понимать тип как сводный набор сходных свойств и систему устойчивого сочетания признаков артефакта.

Так как возможно бесконечное выделение признаков, а следовательно и типов, то нам необходимо сконцентрировать внимание на существенных признаках. Существенность их будет зависеть от цели исследования. Так, в основу классификации крестов-тельников, кроме материала и техники изготовления, будут положены следующие признаки: форма средокрестия и лучей креста. Для анализа крестов-энколпионов важны также сюжет и техника нанесения изображения. Иконы и змеевики будут рассматриваться исходя их формы и стиля изображения.

Что касается, например, систематизации бронзовых изделий по центрам производства, то важен технический признак, выделение которого невозможно без спектрального анализа. Мы же будем использовать в данном случае лишь технологические приемы обработки и нанесения изображений. Кроме того, материал, из которого изготовлен ПХК, следует учитывать, когда он существенно влияет на функциональные качества предмета и его форму. В нашем случае металл может указать на социальную принадлежность человека, обладающего ПХК.

Нас, в первую очередь, будет интересовать хронологическая классификация. Основную роль в этом случае играют функциональные и морфологические признаки. Используя их, необходимо попытаться выделить хронологически значимые типы для всех категорий ПХК в отдельности. Для этого проведем подбор сходных свойств и признаков артефактов, служащих хронологическим индикатором. Важно, чтобы они сочетались между собой и другими признаками, локализуясь в стратиграфии и, соответственно, во времени. В дополнение отметим, что датировка ПХК, найденных в погребениях и других закрытых комплексах, будет во многом основана на определении хронологии комплекса. Укажем также на целесообразность перехода в наших исследованиях от выделенного хронологически значимого типа к более узкому понятию – датирующего типа, т.е. типа, который в географических границах бытует в определенный интервал времени и является наиболее массовым. Таким образом, это позволит объединить изделия, наиболее приближенные к эталону, в ядро типа, а менее схожие обозначат периферию типологической группы.

Эволюцию формы данного типа будем рассматривать по следующей системной цепочке:

1. оригинал будет являться матрицей для выпуска определенного тиража, т.е. копий из одной формы;

2. тираж в свою очередь будет скопирован репликами, изготовленными в пластичных формах (относительно металлопластики);

3. дальнейшая переработка формы под воздействием местных традиций и вкусов приведет к появлению новых типов.

Данная система эволюции формы отдельного типа наиболее адаптирована к памятникам металлопластики. Так, например, в момент заимствования происходит упрощение формы. Прослеживаются технологические различия с оригиналом: литье грубеет, становится менее проработанным, отдельные детали смазываются.

Возможно существование предметов, которые нельзя будет внести в какую-либо из групп в связи с наличием импортного влияния, эксперимента мастера и т.п. Тогда подобные экземпляры должны объединиться в группу «прочие». Однако

именно эксперимент мастера является первопричиной зарождения новых типов, существующих со старыми, постепенно вытесняя их.

Приходится констатировать, что не всегда возможно выделение типа. Так, например, при создании каменных икон мастеру полностью была предоставлена свобода творчества в трактовке изображения. Главным было лишь сохранение композиционного канона. Поэтому относительно каменных икон выделяются «стили», т.е. специфические приемы трактовки изображения, характерные для одного или группы мастеров, объединенных временной или пространственной лакуной. Таким образом, классификация каменных икон возможна лишь по первым трем основным уровням таксономической иерархии: категория, группа, отдел (Таблица 1).

***Таблица 1.** Соответствие категорий таксономической иерархии уровню эволюции формы и структуры ПХК*

Уровень	Таксономическая единица	Основные дефиниции
I	Категория	Основные функциональные назначения
II	Группа	Физический материал
III	Отдел	Геометрическая форма (структура)
IV	Тип	Культурная, историческая, физическая и т.п. однородность группы предметов

В рамках рассмотренного подхода к типологии можно решать следующие задачи:

1. выделять типы, исторически принадлежащие данной культурной среде;

2. выделять типы, культурно и генетически не свойственные рассматриваемой культурной среде;

3. определять условно начальные уровни развития конкретной системы ПХК с учетом исходных типов, физического материала и технологии;

4. воссоздать историческое развитие конкретной системы ПХК на основе дедуктивного подхода при недостаточном фактическом материале.

Кроме того, при создании типологической шкалы мы исходили из основной задачи: за выделенными типами должна стоять определенная историко-культурная информация. Однако лишь имея максимальную информацию об обществе и его культуре в целом, можно получить работоспособные типологии. Поэтому важно рассматривать весь интересующий материал в контексте материальной культуры, включая сопредельные территории, и исторические события конца X–XIV вв. Несмотря на громоздкость подобной системы, взаимосвязи ее структурных частей можно проследить на схеме 3.

Таким образом, в нашем исследовании мы будем стремиться проследить развитие форм ПХК в виде закономерного процесса, адаптированного к формализованному анализу и моделированию.

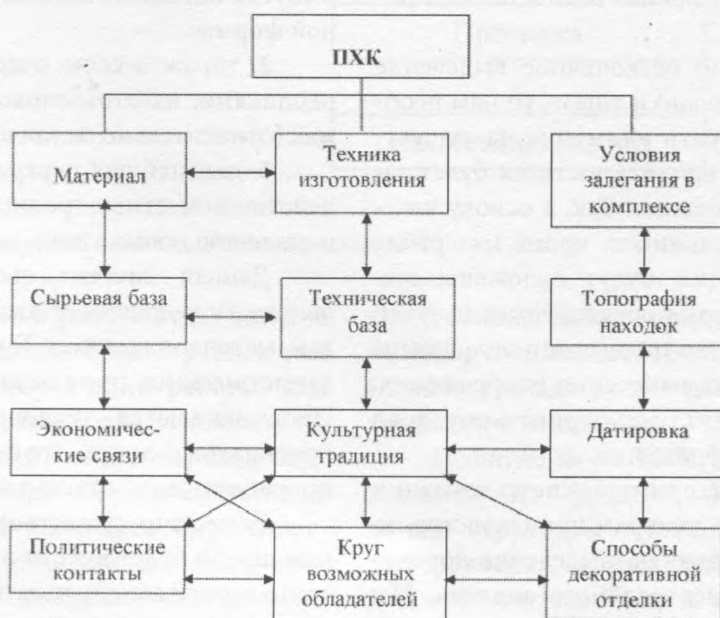

Схема 3. *ПХК в системе контекстных взаимосвязей*

ГЛАВА II
КРЕСТЫ-ТЕЛЬНИКИ

Основной проблемой при изучении данной категории ПХК на территории Древней Руси является точная идентификация того или иного объекта как христианского символа. К этому вопросу обращаются исследователи начиная с конца XIX в. и до сегодняшних дней. По этой причине можно выделить несколько мнений относительно данной проблемы:

1. Крестики, найденные в курганах, являются инвентарем языческого погребения (Уваров, 1872, с. 62–66);

2. Крестики в курганах и других археологических комплексах возможно принадлежат к христианским символам (Анучин, 1899, с. 258–259; 1900, с. 85–87; Мугуревич, 1974, с. 273; Мусин, 1999, с. 116; Фехнер, 1968, с. 213);

3. Наличие крестов в курганах является результатом христианизации погребенных (Мотя, 1987, с. 72–76; Мусин, 1999, с. 141; Недошивина, 1983, с. 224; Седов, 1987, с. 40–43);

4. Находки крестов в погребениях не дают возможности точно указать конфессиональную принадлежность погребенных (Макаров, 1991, с. 19; Недошивина, 1995, с. 71).

Причиной столь бурной полемики стала глубокая история креста как сакрального объекта с многочисленной трактовкой его символики. Неоднократно этой проблеме уделялось внимание в научной и публицистической литературе советских, российских, белорусских и зарубежных авторов (Ляпунов, 1993, с. 64; Рыбаков, 1987, с. 524, 525, 552, 553, 573; Цітоў, 1997, с. 47–51). Крест рассматривался как символ скрещивающихся путей, четырех сторон света, человека, орудия добывания огня, летящей солнечной птицы, древа жизни, божества преисподней, солнечного божества, солнца, колеса со спицами (крест в окружности), неба и земли (крест в окружности (Голан, 1994, с. 97–119)).

Основательное и специализированное исследование в этом направлении провел Ариэль Голан (Голан, 1994, с. 97–122). Он проследил всю историю креста в культуре человечества с эпохи каменного века, дав при этом весьма нестандартную трактовку роли данного символа в различных регионах и культурных сферах. Исследователь указал на преемственность христианской традиции почитания креста со времен языческих культов.

Пройдя долгий эволюционный путь, крест был воспринят христианами как вселенский символ Божественного единения, воскресения и бессмертия. Появившись на христианском надгробии в 134 г., он в дальнейшем стал главным символом христианской религии, каковым был объявлен после принятия Константином Великим в 313 г. Миланского эдикта о веротерпимости (Алексеев, 1993, с. 70).

Появление креста-привески следует отнести ко второй половине IV в., о чем свидетельствуют письменные источники. На это указал в одной из своих работ М. Волошин, подобрав ряд наиболее ярких примеров:

1. Упоминание железного креста в составе украшения сестры Григория из Ниссы (IV в.);

2. Посылка креста из дерева Святого Креста папой Григорием Великим (VI в.) в подарок королеве лангобардов Феоделинде;

3. Рассуждение папы Николая I о ношении креста на теле в обращении к болгарам по поводу их христианизации (IX в.);

4. Указание патриарха Никифора на использование крестов в золотых и серебряных окладах (IX в.);

5. Подарок византийского императора Алексея Комнина владыке германии Генриху IV золотого инкрустированного креста (IX в.) и т.д. (Wołoszyn, 2001, s. 28–29).

Важно также отметить, что помещение креста в качестве защитного амулета в состав нагрудных украшений не является изобретением христиан. Широко известны факты ношения различного рода амулетов на груди в традициях Древнего Египта, культурного наследия евреев, представителей Греческой и Римской цивилизаций (Wołoszyn, 2001, s. 26).

Проникая на территорию Древней Руси, христианство несло с собой атрибуты веры, в том числе и крест, в своих канонических формах. Именно он стал первым визуальным показателем принадлежности к христианскому вероучению. Например, в Новгороде, предвидя насильственное крещение, жители заявили, что они уже крещены. Желая объективно оценить ситуацию, епископ Иаким распорядился, чтобы все христиане носили кресты, как металлические, так и деревянные (Прошин, 1988, с. 13). Так крест как символ христианской веры, приобретая причудливые декоративные формы под воздействием местной культурной традиции, прочно стал укрепляться в системе духовных ценностей восточнославянской общности. Распространяясь по Европе, крест, как самостоятельное украшение, так и составляющая часть декоративного ожерелья, во всем своем разнообразии форм и способов крепления, занимает, в конце концов, свое символичное место на груди верующих (рис. 1–3).

Принимая во внимание преемственность языческих традиций в христианской символике креста, существование в средневековой культуре Древней Руси такой специфической формы мировоззрения как «двоеверие», невозможность определения конфессиональной принадлежности погребенных по языческому обряду с крестами, появление на территории Беларуси привесок с четко выраженной формой креста лишь в начальный период истории христианской церкви на Руси в качестве государственной религии, целесообразно рассмотреть все виды привесок с явно выраженными формами креста как потенциально возможные символы христианской религии. Комплексный анализ данного вида артефактов в системе сопутствующего материала археологических комплексов даст возможность с более точным коэффициентом определить, в каком качестве использовался тот или иной объект и определить его хронологические рамки. Рассмотрение топографии находок позволит проследить основные регионы их локализации пути миграции отдельных типов. Эти задачи являются основными для данной главы.

2.1. Металлические кресты

Наибольшую группу среди крестов-тельников конца X–XIV вв. составляют металлические кресты (135 экз.) с многочисленными вариациями своих форм и видов декоративной отделки, достигаемой благодаря мобильности литейного производства. Основным материалом для изготовления крестов являлись сплавы на основе олова и меди. Реже использовались свинец и серебро. Сравнительная простота в изготовлении и соответствующая дешевизна обусловили массовость данного вида продукции, ставшей доступной широкому кругу потребителей.

Среди металлических крестов особо выделяются несколько **подгрупп**: *кресты с эмалью* и *кресты с изображением Распятия.* Все подгруппы, кроме крестов с изображением, разбиты на два отдела, характеризующие артефакты по объёмности форм, т.е. выделяются **отделы** *плоских* и *объемных* форм крестов. Они, в свою очередь, делятся по наличию отделки на полях – *двусторонние* и *односторонние.* В дальнейшем рассматриваются типы, исходя из конструктивных

особенностей, что позволяет выделить подтипы. Декоративная отделка полей рассматриваемых артефактов определяет варианты, к которым они относятся.

***Отдел.* Плоские**

***Подотдел.* Односторонние**

Тип 1. Кресты трёхвыступоконечные с расширяющимися лучами (рис. 12).

Обязательные признаки данного типа:

– концы каждого равноконечного креста венчают три рельефные окружности;

– наличие декоративной рельефной отделки лицевой стороны.

По второму признаку рассматриваемого типа можно выделить следующие варианты крестов.

Вариант 1 с ромбом, разделённым на четыре части, косым крестом и зернью вдоль края (рис. 12).

Крест размером 3×3,2 см (обломан верхний луч) находится в фондах НИМ РБ (КП 3520 (рис. 5:5; № 212)). Он происходит из дореволюционных раскопок, скорее всего, в бывшей Витебской губернии. Точных аналогов ему найти не удалось.

Вариант 2 с «жемчужиной» в средокрестии и четырьмя отходящими от неё лучами (рис. 12).

Крест, размером 4,2×3,8 см (с ушком), найден в кургане № 10, могильника X – первой четверти XI в. у деревни Дроздово Толочинского района Витебской области (рис. 5:10; № 74). В кургане зафиксировано три погребения в насыпи, в зольном слое, с инвентарем каждое. Крест находился возле горшка в кожаном мешочке со шнурком (крест сверху был покрыт кусочком кожи с обрывком шнурка), в первом погребении, принадлежащем мужчине. Рядом с крестом обнаружена подковообразная фибула и кусочек цветного металла (Левко, 1987-А, с. 10–11).

Близкий по форме и отделке крест найден в составе клада бронзовых вещей на городище X–XII вв. Куриста в Эстонии (Лави, 1988, с. 335).

Похожий крест найден в разрушенном кургане № 12 у деревни Колодецкая Костюковичского района Могилёвской области (рис. 5:9; № 87). Погребение в кургане было парным (найдено 2 черепа) с очень богатым инвентарём (64 предмета). Среди инвентаря особый интерес вызывают крест с грубым изображением Распятия (данный тип будет рассмотрен ниже) и бронзовая литая фигурка человека с бородой на вздыбившейся лошади. По мнению исследователей, эта вещь скандинавского происхождения (Риер, 1976, с. 188, 190).

Вариант 3 с декоративным крестиком в середине и лучами, перехваченными в основании одинарными «жгутиками» (рис. 12).

Крест, размером 3,8×3,2 см (с ушком), найден в курганном могильнике XI в. у деревни Избище Логойского района Минской области (рис. 5:3; № 80 (Штыхаў, 1992, с. 89)).

Вариант 4 с «жемчужиной» в средокрестии и лучами перехваченными в основании двойными «жгутиками» (рис. 12).

Крест, размером 3×2,8 см, найден в кургане № 2 XI в. могильника Веточка-V Рогачёвского района Гомельской области (рис. 5:2; № 17). В кургане зафиксировано одиночное женское погребение, западной ориентировки, в золистом слое, на горизонте, с богатым инвентарем, включающим: шейную бронзовую гривну, два височных кольца, три бронзовых лунницы, 46 стеклянных бус, два креста с грубым изображением Распятия (Соловьева, 1965-А, с. 14).

Вариант 5 с «жемчужиной» в средокрестии, лучами, перехваченными в основании двумя «жгутиками», и зернью вдоль края (рис. 12).

Крест, размером 4×3,2 см (с ушком), найден в кургане № 1 XI–XII вв. могильника Веточка-IV Рогачёвского района Гомельской области (рис. 5:1; № 16). Погребение в кургане женское, одиночное, западной ориентировки, на горизонте, в зольной прослойке. Сопутствующий инвентарь: два бронзовых змееголовых плоских браслета, четыре кольца, три лунницы, ожерелье и стеклянные бусы (Соловьева, 1963, с. 11,–12).

Точные аналоги данному виду крестов найдены в курганах Смоленской земли (Рыбакоў, 1932, с. 93) и землях Прионежья в женских захоронениях начала XI – третьей четверти XI в. могильника Попово (Макаров, 1990, с. 97). Известен также аналог из могильника конца X–XIII вв. на территории бывшей Витебской губернии, который исследовался в начале XX в. Крест в составе ожерелья из бус, бисера и листоподобных металлических привесок находится в экспозиции НИМ РБ (НВ 3465 (рис. 5:6; № 213)).

Вариант 6 с «жемчужиной» в круге в средокрестии, с лучами, перехваченными в основании двумя, сходящимися линзовидно, «жгутиками» и зернью вдоль края (рис. 12).

Серебряный крест, размером 3,8×3,2 см (с ушком), найден в кургане № 9 XI в. могильника у деревни Гадиловичи Рогачёвского района Гомельской области (рис. 5:4; № 53). Погребение в кургане одиночное, женское, ориентированное на запад, на горизонте, в зольной прослойке. Крест

найден у челюсти. Сопутствующий инвентарь: две бронзовых лунницы, два бронзовых перстня, стеклянные бусы, височное кольцо. К западу от скелета, примерно в метре от черепа, стоял круговой горшок (Соловьева, 1964-А, с. 11).

Вариант 7 с двойным ромбом в средокрестии, лучами, перехваченными в основании двумя «жгутиками», и зернью вдоль края (рис. 12).

Крест, размером 4,5×3,5 см (с ушком), найден в Дрисвятах на территории посада (рис. 5:8; № 73 (Семянчук, 1991-А, рис. 7:7)).

Вариант 8 со сплетенным крестообразно «жгутом», занимающим все внутреннее пространство креста, и зернью вдоль края (рис. 12).

Крест, размером 3,6×3,4 см, найден в кургане № 1 могильника XI–XII вв. у деревни Ходосовичи Рогачёвского района Гомельской области (рис. 5:7; № 188). Погребение в кургане одиночное, женское, западной ориентации, на горизонте, на зольной прослойке. Кресты найдены в районе шеи. Сопутствующий инвентарь: часть керамического горшка, обломок железной гривны, фрагмент креста с грубым изображением Распятия, три монетовидные привески, 25 стеклянных бус, два бронзовых браслета и три бронзовых перстня (Соловьева, 1969-А, с. 1).

Вариант 9 с «жемчужиной», окруженной более мелкими в середине, зернью вдоль края и по оси поперечной перекладины креста (рис. 12).

Крест, размером 4,1×3,2 см (с ушком), найден в кургане № 3 могильника у деревни Дмитровщина Полоцкого района Витебской области (рис. 5:13; № 71). Погребение зафиксировано в подкурганной яме с остатками домовины, заполненной песком вперемешку с углем. Остатки домовины покрыты пепельной прослойкой, сопутствующий инвентарь нож и обломок фибулы (Тарасаў, 1993-А, с. 19).

Вариант 10 с зернистым кругом в средокрестии и зернью вдоль края (рис. 12).

Крест, размером 4×3,7 см, найден в Волковыске на Шведской горе в слое XIII в. (рис. 5:14; № 35 (Зверуго, 1975, с. 41)).

Вариант 11 с рельефными стреловидными лучами, направленными к центру креста (рис. 12).

Крест, размером 4×3,2 см (с ушком), найден в каменной могиле № 4 раскопа 3, могильника XII–XVII вв. у деревни Кукли Вороновского района Гродненской области (рис. 5:15; № 89 (Квятковская, 1998, с. 80)).

Крест, размером 4×3,4 см (с ушком), рассматриваемого типа найден в кургане № 3 первой половины XI в. могильника у деревни Юдичи Рогачёвского района Гомельской области (рис. 5:12; № 201). Погребение в кургане одиночное, видимо, частично сожжено (сохранился череп). На горизонте золистый слой, под дёрном найдены фрагменты двух небольших гончарных сосудов. Возле черепа обнаружено: бисер, стеклянные бусы, 16 привесок (имитация под польские монеты первой половины XI в.), две лунницы (Соловьева, 1968-А, с. 10). Крест ввиду его плохой сохранности (декоративная отделка его лицевой стороны стерта) невозможно отнести к какому-либо варианту.

Подобная ситуация сложилась и в отношении креста из кургана № 34 с парным трупоположением у деревни Звезда Лепельского района. (рис. 5:11; № 203). На лицевой стороне креста просматриваются лишь окружности на концах лучей и «жемчужина» в средокрестии (Вайцяховіч, 2001-А).

Имеется упоминание о крестах из раскопок Г.Ф. Соловьёвой из могильников Громыки, Залесье, Каменка Гомельской области (Фехнер, 1968, с. 212). Информацией о них мы не располагаем, что не дает возможности включить их в нашу статистику.

За рассматриваемым типом крестов закрепилось название «скандинавских», данное им А.А. Спициным. Однако М.В. Фехнер в своей работе указала на необъективность этого названия ввиду значительно большего числа подобных находок на территории Древней Руси, чем в Скандинавии (Фехнер, 1968, с. 210–215).

Кресты «скандинавского» типа отливались из бронзы или серебра, и размеры их колебались в пределах 2–6×1,6–5,4 см (с ушком). Кресты более крупных размеров встречаются редко. Редки также кресты с двусторонней орнаментацией. Основной регион бытования подобных привесок, датирующихся концом X–XI в., Северо-Западная, Северо-Восточная Русь, Северная Европа и Прибалтика. М.В. Фехнер выделила две большие локальные группы рассматриваемого типа крестов в земле радимичей и Владимирской земле (Фехнер, 1968, с. 211). По замечанию исследовательницы, такого рода артефакты встречаются в основном среди курганных древностей XI в. в женских погребениях в составе ожерелий. Однако бытуют эти кресты вплоть до XIII в. (Недошивина, 1995, с. 71). Что касается декоративной отделки данного типа привесок, то Б.А. Рыбаков истолковал ее как изображение макрокосмоса с идеей заклинания пространства на все четыре стороны (Рыбаков, 1987, с. 553–554).

Сопоставив результаты уже проведенной работы по изучению «скандинавского» типа крестов с фактами белорусских археологических исследований, сделаем некоторые замечания.

В Беларуси на сегодняшний день зафиксировано 13 крестов «скандинавского» типа в 12 пунктах и два экземпляра из раскопок в бывшей Витебской губернии. Все найденные кресты односторонние и отлиты из бронзы, кроме экземпляра из Гадилович, изготовленного из серебра, что указывает на социальное неравенство их обладателей. В пользу высокой ценности данного вида предметов говорят также факты сокрытия их в кладах (Фехнер, 1968, с. 213; Лави, 1988, с. 335). Относительно формы крестов (расширяющиеся лучи) возможны параллели с широко распространенной формой наперсных крестов IX–XI вв. Моравии и Болгарии (Poulik, 1957, s. 343; Јанковић, 1997, с. 44–45). Кроме того, близкая схожесть по форме и декоративной отделке просматривается с крестовидными подвесками из листового серебра второй половины X – начала XI вв., которые, связываясь со скандинавской культурной традицией, в то же время признаются за показатель принадлежности к христианской религии (Недошивина, 1983, с. 224; Мусин, 1999, с. 134–150). Наличие множества вариантов декоративной отделки, различие размеров, отсутствие прямых аналогов для большинства крестов указывают на отсутствие канонических форм отделки и широкомасштабное производство с большим количеством литейных форм.

Локализация находок в радимичской земле (7 пунктов) показывает на тесные контакты с производителями данной продукции, хотя места их производства выделять пока рискованно.

Большинство крестов «скандинавского» типа найдены в курганных захоронениях XI в. (9 экз.). Три креста (Дроздово, Звезда и Колодецкая) обнаружены в групповых захоронениях, шесть – в одиночных. Лишь в Дмитровщине зафиксирована подкурганная яма с остатками домовины. В остальных случаях прослеживается погребение на горизонте, на (в) зольной прослойке с западной ориентацией. В одном случае (Дроздово) крест находился не на костяке, а возле него в составе погребального инвентаря. Именно в этом случае костяк принадлежал мужчине, а не женщине, как в остальных идентифицированных захоронениях с крестами «скандинавского» типа. Это еще раз подтверждает факт использования данного типа привесок в основном женским населением, а в указанном случае крест служил, видимо, прощальным даром женщины своему родному человеку. Нахождение креста в кожаном мешочке указывает на желание скрыть от посторонних глаз данный тип амулета, обладание которым для мужчин, вероятно, не был желателен, ввиду их большей приверженности к языческим традициям. В трех случаях (Дроздово, Гадиловичи, Ходосовичи) в состав погребального инвентаря входил круговой горшок, стоявший рядом с костяком, а в случае у деревни Юдичи, горшков было два, но небольших.

Необходимо отметить, что захоронения с крестами рассматриваемого типа у деревень Юдичи, Ходосовичи, Гадиловичи, Веточка, Колодецкая отличаются богатым инвентарем, что указывает на состоятельность погребенных женщин. Во всех этих случаях кресты «скандинавского» типа входили в состав ожерелий, состоящих из бисера, бус и разного рода привесок, в том числе и лунниц. Все это указывает на ярко выраженные языческие традиции погребений, характерные для данного региона и временного отрезка.

Однако особое внимание необходимо уделить фактам нахождения в составе ожерелий с крестами «скандинавского» типа, крестов с грубым изображением Распятия (Колодецкая, Веточка-V, Ходосовичи). На наш взгляд, это может служить серьёзным доказательством родственности данных типов. Невозможно представить исключительно разное семантическое толкование двух близких по форме оберегов, которые значительно рознятся от других. Прямая принадлежность крестов с изображением Распятия к процессу христианизации, как это будет показано ниже, служит доказательством в пользу пересмотра мнения о чисто языческой семантике крестов «скандинавского» типа и ещё раз подтверждает их родственную связь с влиянием северорусской и североевропейской культурной традиции на белорусские территории. Тут уместно указать на факт нахождения крестов «скандинавского» типа с крестами с грубым изображением Распятия в составе одного ожерелья в Скандинавии в памятнике третьей четверти XI в. (Седов, 1988, с. 66).

Прямая связь со скандинавским элементом прослеживается из погребения могильника у деревни Колодецкая, где, как уже отмечалось, кроме восьми крестов с изображением Распятия, была обнаружена в составе погребального инвентаря скандинавская вещь – бронзовая подвеска в виде всадника (Риер, 1976, с. 190).

В пользу возможного использования крестов «скандинавского» типа христианизированным

населением указывают факты нахождения их в населённых пунктах Волковыск и Дрисвяты со значительной долей ПХК в своих археологических слоях (Зеруго, 1975; Семянчук, 1995, с. 23–27; 1999, с. 90–92). Данные факты указывают на использование этого вида крестов среди городского населения, что пересматривает мнение о распространении их лишь в сельской среде. Это также расширяет хронологические рамки бытования крестов «скандинавского» типа на территории Беларуси до середины XIII в., так как в Волковыске крест найден в слое XIII в., а дрисвятская находка датируется первой половиной XIII века. Ещё одним подтверждением служит находка такого креста в могильнике XII–XVII вв. у деревни Кукли (Квятковская, 1998, с. 80).

В отношении экземпляров из Волковыска и могильника Кукли можно проследить определенную схожесть с крестами из Латвии, идентифицированными Э.С. Мугуревичем, как образцы местного подражания XII–XIV вв. крестам «скандинавского» типа (Мугуревич, 1987, с. 237).

Не противоречит нашим выводам и общий восточноевропейский материал. Так, крест «скандинавского» типа найден в погребении мальчика Киевского некрополя X в. с чертами христианской обрядности и трактуется как чисто христианский символ (Боровський, 1993, с. 9). Обнаружены подобные кресты в памятниках Северной Руси, оставленных христианизированным населением в первые этапы проникновения христианской религии в этих регионах (Макаров, 1997, с. 45, 151–155), а также под остатками пола храма Дмитрия Солунского, сооруженного в 1144 г. в Пскове (Фехнер, 1968, с. 213). Более позднее бытование этого вида крестов подтверждается также копией креста со «скандинавского» типа с нанесенным на нем резцом орнаментом, который датируется XIII в. из села Липлявы бывшей Полтавской губернии (Ханенко, 1899, с. 10).

Обратимся к топографии находок крестов «скандинавского» типа на территории Беларуси (рис. 14). Наблюдается локализация данного типа артефактов в земле радимичей по течению Днепра и в непосредственной близости от литовской и латышской границ. Кроме того, находки на промежуточных территориях дают нам основания объяснить появление рассмотренного типа крестов в Беларуси тесными контактами с регионами Прибалтики, Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. В подкрепление сказанному отметим наблюдения В.В. Богомольникова, который при анализе материалов из курганов радимичей указал о наличии в них черт, связанных с влиянием балтского субстрата и массового импорта из Прибалтийских земель (Богомольников, 1979-А, с. 118, 308). Таким образом, из вышеуказанных замечаний сделаем следующие выводы:

– тип крестов с трехвыступоконечными и расширяющимися лучами является одним из доминирующих на территории Беларуси в период конца X–XI вв. и показательным по количеству вариантов своей отделки;

– кресты данного типа распространены в богатых женских захоронениях, в курганах и встречаются в позднейших слоях городских поселений, что расширяет их датировку и социальную сферу бытования;

– несмотря на сохранение приверженности к языческим традициям погребений с крестами «скандинавского» типа, данные находки указывают на первоначальный этап поверхностного знакомства отдельных регионов Беларуси с основами христианской религии на уровне восприятия внешней атрибутики веры. Это происходило на уровне синкретизированного мировоззренческого фетишизма;

– появление этих крестов можно связывать с влиянием балтской и северорусской культурной традицией и ролью скандинавского элемента в раннесредневековой культуре Беларуси.

Тип II. Кресты с округлыми концами, парными выступами на лучах и прямым средокрестием (рис. 12).

Признаки данного типа:

– у основания закругления каждого из лучей имеется пара (нижнего и верхнего) выступов;

– лицевая сторона крестов имеет рельефную декоративную отделку.

По первому признаку можем выделить подтип.

Подтип А. Кресты с заостренными парами выступов на лучах, отогнутыми к округленному средокрестию (рис. 12).

Фрагмент бронзового креста, размером 2,4×2,4 см, найден на территории селища с материалами X–XII вв. около города Чаусы (Риер, 1977-А, с. 11). На лицевой стороне имеется рельефный орнамент в медальонах на концах и ромбом в средокрестии (рис. 6:11; № 190). Целый крест этого подтипа, по сообщению Н.Н. Дубицкой, обнаружен в деревне Прудок Светлогорского района (рис. 6:10; № 224).

Аналогичные кресты со слегка измененным орнаментом найдены: в городе Канев на височном кольце, датируются X–XI вв., на Княжей

горе, датируется XI–XII вв. (Ханенко, 1899, табл. XVII:201, XXI:243), на территории бывшей Смоленской губернии в курганном погребении девочки в составе ожерелья из бус (Савін, 1930, с. 233), в курганных и грунтовых могильниках XI–XII вв. Северной Руси, оставленных христианизированным населением (Макаров, 1990, с. 164; 1997, с. 366). В Новгороде такие кресты датируются последней четвертью XI – первой четвертью XII в. (Седова, 1981, с. 50). Данный подтип крестов встречен также в памятниках Прибалтики и трактуется как импорт с территории Древней Руси (Мугуревич, 1974, с. 237).

Для выделения следующего подтипа нам необходимо учесть форму концов лучей как яркий классификационный признак.

Подтип Б. Кресты с окружностями на концах лучей, полукруглым средокрестием, окантовка которого образует парные выступы на лучах и «жемчужиной» в центре (рис. 12).

Подобный экземпляр, размером 3×2,5 см (с ушком), походит из дореволюционных раскопок на территории бывшей Витебской губернии и хранится в НИМ РБ (НВ 3475). Кресты данного типа достаточно широко известны в курганных древностях Киевской Руси и Прибалтики где датируются XI – началом XII в. (Мугуревич, 1987, с. 237).

Исходя из анализа рельефно-декоративной отделки лицевой стороны крестов возможно выделить следующие варианты рассматриваемого типа.

Вариант 1 круглоконечные с декоративными круглыми розетками в средокрестии и на концах лучей (рис. 12).

Два бронзовых креста, размерами 4×2,4 см (с ушком), найдены в кургане № 10 XI в. в парном погребении на зольной прослойке у города Чаусы (рис. 6:9; № 191–192). Кресты идентичны, но отлиты в разных формах. В состав погребального инвентаря входил гончарный горшок. Аналогичные кресты известны в новгородских древностях середины XI в. (Риер, 1977-А, с. 14).

Вариант 2 с сердцевидными медальонами с пальметкой внутри и выступами на концах лучей, а также крестом из зерни по телу (рис. 12).

Крест, размером 3,5×2,5 см (с ушком), найден на месте распаханных курганов X–XII вв. у деревни Нисимковичи Чечерского района Гомельской области (рис. 6:7; № 131 (Макушников, 1985-А, с. 62)).

Кресты аналогичного типа хорошо известны в памятниках Прибалтики и Поднепровья. В то же время, отмечена схожесть этих крестов по составу металла с образцами из Подмосковья (Мугуревич, 1965, с. 66; 1974, с. 237).

На Беларуси известны еще 4 креста рассматриваемого типа. Однако в связи с их плохой сохранностью и неопубликованностью изображения (в случае с находкой из Мстиславля), невозможно выделить индивидуальные особенности находок и отнести их к какому-либо варианту.

Крест, размером 3,5×2,5 см (с ушком), найден в кургане № 31 могильника X–XII вв. у озера Лисно Верхнедвинского района Витебской области (рис. 6:13; № 91). В кургане зафиксировано два погребения, ориентированные на запад, в подкурганных ямах. На горизонте золистая прослойка. Крест рядом с бусиной найден в погребении ребенка (Сергеева, 1981-А, с. 6–7).

Кресты, схожие по формам и размерам к варианту 2, найдены в слоях городища Масковичи Браславского района (рис. 6:14; № 103 (Дучиц, 1979-А, с. 17)) и Заславле Минского райна, в слоях X – первой половины XIII вв. (рис. 6:6; № 78 (Заяц, 1995, с. 69)).

Выделим необычную находку на городище Масковичи. Оловянный крест, размером 2,7×1,7 см (с ушком), морфологически близок к рассматриваемому типу (рис. 10:10; № 108). Однако грубость и определенная доля объемности, указывает на неделикатность в подходе к его изготовлению. Вероятно, местный мастер, взяв за основу распространенный тип, попробовал поэкспериментировать, создав данный экземпляр (Дучиц, 1977-А, с. 19).

Особняком отметим экземпляр из строительного яруса В, датируемого 1325–1345 гг. в Мстиславле (№ 123 (Алексеев, 1995, с. 156)), аналогии которому есть в слоях XII–XIII вв. городища Старой Рязани (Даркевич, 1981, с. 218–232).

Рассмотренный тип крестов, имея фигурные и декоративные вариации, возник в XI в. и просуществовал на Беларуси до середины XIII в., бытуя в среде сельского и городского населения. Если в среде сельского населения их могли использовать люди поверхностно знакомые с основами христианского вероучения, то в городских поселениях с обширным количеством ПХК, как, например, Масковичи, Дрисвяты, Заславль, их принадлежность к собственности христиан не вызывает сомнений.

Исходя из общей топографии белорусских находок, укажем на локализацию данного типа крестов в днепро-сожском междуречье и у границ Латвии (рис. 14).

Тип III. Кресты с ромбовидными лучами (рис. 12).

На лицевой стороне крестов данного типа обычно имеются рельефные ромбовидные розетки.

Подобные экземпляры, размером 4×3,5 см (с ушком (рис. 6:4; № 104)) и 3,5×3 см (рис. 6:5; № 105), найдены на городище Масковичи Браславского района в слоях XI–XIII вв. (Дучиц, 1980-А, с. 37, 63; 1981-А, с. 37). Плохая сохранность не дает возможности точно определить наличие декоративной отделки на одном из экземпляров.

Связь формы крестов, рассматриваемого типа, прослеживается с некоторыми видами крестовидных подвесок из листового серебра второй половины X – начала XI вв., принадлежность которых христианизированным выходцам из Скандинавии уже доказана (Мусин, 1999, с. 134–150; Недошивина, 1983, с. 222–225). В частности, особая близость наблюдается с экземпляром из кургана № 5 Гнездовского могильника (Недошивина, 1983, рис. 1:5). В период XI–XIII вв. подобная форма была распространена в Прибалтике, где широко известны бронзовые крестообразные фибулы, щитки которых в точности повторяют форму рассматриваемых нами крестов (Бривкалне, 1974, с. 121–140). Прибалтийский след в происхождении данного типа подтверждает факт наличия прибалтийской ремесленной традиции в ювелирном деле средневекового Торопца, где также был найден аналогичный крест в слое 30-х гг. XIII в. (Фоняков, 1991, с. 220). Подобная форма крестов известна в Курляндии (Дучыц, 1991, с. 52). Костяной экземпляр креста XIII в. из села Сахновка, бывшего Каневского уезда Киевской губернии, представленный в собрании братьев Ханенко, является поздним подражанием ромбоконечным металлическим крестам (Ханенко, 1899, табл. XXII:261).

Таким образом, учитывая топографию находок ромбоконечных крестов на Беларуси и вышеуказанные замечания, видится правомерным связывать их появление на наших землях с влиянием прибалтийской культурной традиции, наблюдаемым, в данном случае, в районе Браславских озер. Не исключен также и скандинавский фактор в развитии данного типа крестов, учитывая весомую роль выходцев из Северной Европы в культурной жизни этого региона (Дучыц, 1991, с. 76–77).

Нахождение рассмотренных крестов в пунктах Масковичи, Торопец (за пределами республики) с обширным материалом, связанным с христианским культом, дает нам основание утверждать о бытовании данного типа оберега в среде христианизированного населения.

Тип IV. Кресты с прямоугольными лучами «латинского» типа (рис. 12).

На лицевой стороне изделия, размером 3,8×3 см, рельефное изображение четырехконечного «латинского» креста и прочерченная по периметру поля углубленная линия (рис. 7:9; № 1). В верхнем луче круглое отверстие для подвешивания. Найден крест в единственном экземпляре в слое XIII–XIV вв. древнего Берестья (Лысенко, 1985, с. 266), в районе наибольшей концентрации ПХК на вскрытом участке культурного слоя.

Несмотря на отсутствие прямых аналогов, укажем на факт появления подобной формы металлический крестов в древностях Руси лишь в XVII в. (Даркевич, 1981, с. 230). Исходя их этого и учитывая значительную роль Берестья в контактах с западноевропейской культурной традицией, а также высокую роль торговцев немецкого и польского происхождения в социокультурной и экономической жизни города конца XIV в. (Баравы, 1994, с. 49), видится возможным связывать появление данного экземпляра в слоях древнего Берестья с выходцами из Западной Европы.

Тип V. Кресты с большими окружностями на концах (рис. 12).

Особенностями отделки креста являются:

– наличие на конце каждого луча окружности орнаментированной рельефным веревочным узором;

– средокрестие окаймлено парами веревочных «жгутов»;

– в средокрестии небольшая орнаментированная розетка.

Крест, размером 7×5,7 см (с ушком), найден на территории Великого посада древнего Полоцка и датируется XIII в. (рис. 6:8; № 156 (Тарасов, 1988-А, с. 90).

Размеры и значительная внешняя схожесть креста с головками латгальских булавок, а также местонахождение его на посаде, где контакт с сельским населением прослеживается наиболее ярко, указывают на возможную трансформацию прибалтийских культурных традиций, существующих в среде сельских жителей, под воздействием городской культуры Полоцка XIII в. Наряду с этническим фактором, наличием балтского субстрата в северных регионах Беларуси, возможен

вариант появления крестов данного вида посредством торговых отношений с Прибалтикой. Но так или иначе, прибалтийская культурная традиция вновь нашла свое отражение в материальной культуре древних христиан Беларуси.

Тип VI. Кресты с тонкими прямоугольными лучами (рис. 12).

Особенностью данного типа крестов является удлиненный верхний луч и наличие сферических выемок на конце каждого луча и в средокрестии на лицевом поле.

Крест, размером 3×1,9 см (с ушком), найден в единственном экземпляре на Вищинском городище и датируется соответственно его с хронологией – XII – первой половиной XIII в. (рис. 10:16; № 29 (Загорульский, 1979-А, с. 5)). Учитывая многочисленность находок связанных с христианским культом на городище, принадлежность этого экземпляра к ПХК не вызывает сомнения.

Не найдя близких аналогий, мы обратились к такой заметной особенности, как сферические выемки на поле креста. Подобное явление обнаружено на случайно найденном кресте из деревни Эгли Ужвалдской волости Динабургского уезда (Материалы по археалогии…, 1890, с. 51), правда, на концах лучей были прочерчены кружки аналогично, как и на новгородском экземпляре XII в. из усадьбы художника и священнослужителя. Кроме того, на новгородском экземпляре в средокрестии было закреплено бронзовое гнездо для шиферной вставки (Колчин, 1981, с. 102). Таким образом, относительно вищинской находки, можно предположить наличие на ее лицевом поле украшения каменными вставками, либо принять сферические выемки за ячейки под эмаль, ввиду наличия археологического материала, свидетельствующего о возможности эмалевого производства на Вищинском городище (Загорульский, 1979, с. 3, 11–15; 1980, с. 5–7). В любом случае крест, рассматриваемого типа, на наш взгляд, является продуктом местного производства.

Подотдел. **Двусторонние**

Тип I. Кресты с криновидными концами лучей и ромбом в средокрестии (рис. 12).

Кресты найдены на Беларуси в трех пунктах.

Вариант 1 крест, размером 3×3,8 см (нижний луч отломан), с рельефными лепестками на поле лучей и «жемчужинами» в средокрестии и в основании криновидных концов, найден на Вищинском городище Рогачевского района Гомельской области (рис. 10:17; № 30 (Загорульский, 1980-А, рис. 19)). Датировка креста соотносима со временем существования поселения на Вищинском городище, то есть его верхняя дата – середина XIII в.

Вариант 2 крест, размером 3×2,3 см (с ушком), с гравированным орнаментом, повторяющим контуры изделия, с ромбом в средокрестии и косыми насечками по среднему полю, найден на городище Снядин в слое XIII–XIV вв. (рис. 7:4; № 181 (Иов, 1998-А, рис. 45:13)).

Аналогичный крест, больших размеров 3,5×2,5 см (с ушком), обнаружен недалеко от Минского Замчища (рис. 7:3; № 114 (Казей, 1986, с. 27)). Еще один экземпляр найден в юго-восточных землях радимичей, правда, на территории ли это Беларуси, не известно (Богомольников, 1989, с. 88).

Кресты подобного типа, берущие начало в искусстве Византии XI–XII вв. (Седова, 1981, с. 54), достаточно широко известны в древностях Восточной и Юго-Восточной Руси, причем наиболее ранние экземпляры XII–XIII вв. бытуют в Старой Рязани и Подмосковье (Беленькая, 1993, с. 17). В Торопце аналогичные кресты найдены на детинце в горизонте датируемом второй половиной XIII – началом XIV в. (Фоняков, 1991, с. 226). В Новгороде данный тип крестов укладывается в хронологические рамки начала XIV – начала XV в. (Седова, 1981, с. 54). В XIV–XV вв. подобные кресты широко используются в ожерельях на территории Прибалтики (Berga, 1997, s. 119–139), куда они импортировались или же где изготавливались по русским образцам (Мугуревич, 1974, с. 237).

Волна хронологической преемственности относительно находок крестов с криновидными концами лучей, исходя из общерусского, белорусского и прибалтийского материалов, движется с юго-востока и востока Руси через Смоленщину и Беларусь в Прибалтику и Новгородскую землю. Это дает нам основание искать центры их производства на территории Юго-Восточной и Восточной Руси. Не исключена также посредническая роль южных земель в процессе поступления их в наш регион.

Отметим генетическую связь форм металлических крестов с криновидными концами с подобными формами янтарных крестов второй половины XI–XII вв. в древностях Белоозера, Новгорода, Старой Ладоги, Ярополча Залесского, Старой Рязани (Полубояринова, 1994, с. 81). Это дает нам основание предположить процесс трансформации подобной формы крестов в металлопластике Юго-Восточной и Восточной Руси под воздействием северо-восточной и северорусской культурных традиций в период второй половины

XI–XII вв. В дальнейшем, в XIII–XIV вв., металлические кресты с криновидными концами распространились на северные и северо-западные территории, возвратив туда уже ранее знакомые формы.

Принадлежность данного типа крестов в Беларуси к кругу христианских оберегов не вызывает сомнения, так как найдены они на памятниках, изобилующих ПХК, равно как и в большинстве случаев по всей территории древней Руси. Известны случаи нахождения похожего типа крестов в раннехристианских захоронениях XII–XIII вв. на соседних с Беларусью землях, в частности, в Дрогичине над Бугом (Powlata, 1991, s. 124).

Подчеркнем многообразие в оформлении отдельных экземпляров. Мелкие различия в отделке и вариативность размеров – все это указывает на многочисленность литейных форм и популяризацию данного типа крестов одновременно в нескольких пунктах. В пользу возможности местного производства подобных крестов на Беларуси говорят асимметричность находок из Минска и Снядина и необычность отделки креста из Вищина, где наличие высококвалифицированного ювелирного ремесла не вызывает сомнений, исходя из анализа общего археологического материала данного памятника.

***Подотдел.* Гладкие без декоративной отделки**

Тип I. Кресты с трапециевидными расширяющимися лучами (рис. 12).

Крест, размером 4,5×3,8 см (с ушком), обнаружен в кургане № 3 могильника X – начала XI вв. Слободка-III Чашницкого района Витебской области (рис. 6:1; № 175). Крест входил в состав ожерелья из стеклянных бус, находящегося у черепа. Останки погребенного были обнаружены выше материка, на котором зафиксированы угольки, что указывает на использование огня в погребальном обряде (Штыхаў, 1992, с. 149).

Еще один крест данного типа, в обломанном виде, размером 1,5×2 см, найденный на городище Слободка Браславского района Витебской области (рис. 6:2; № 205).

Фрагмент похожего креста из железа найден при раскопках древнего Турова (рис. 6:3 (Полубояринова, 1961-А, рис. 21:4)).

Данная форма получила широкое распространение среди листовых крестов IX–XI вв. Встречается она среди крестов из серебряной и золотой фольги в погребениях VI–VII вв. франкской и аллемантской знати империи Меровингов (Мусин, 1999, с. 134–150). Если рассмотренные кресты имеют аналогичные формы среди листовых, а также среди форм болгарских энколпионов конца X – начала XI вв. (Миглев, 1963, с. 29), то относительно креста из Турова сделаем оговорку. Аналогичный туровской находке по материалу, форме и размерам крест XIII в. из Княжьей горы представлен в собрании братьев Ханенко (Ханенко, 1899, табл. V:73). Важно отметить наличие в полях обоих крестов отверстий для крепления, вероятно, к деревянной основе, что дает нам основание предполагать использование данных крестов в качестве декоративных накладок, а не нательных крестов. Тем не менее, использование деревянного креста с железными накладками как тельника не исключено. Отметим, что трапециеконечные нательные кресты с расширяющимися лучами известны в памятниках второй половины XII–XIV вв. в Подмосковье (курганные и городские древности), а также в Новгороде в слоях 60–80-х гг. XIV в. (Беленькая, 1993, с. 16–17; Миглев, 1963, с. 29; Мусин, 1999, с. 134–150; Полубояринова, 1961, рис. 21:4; Ханенко, 1899, табл. V:73; Штыхаў, 1992, с. 149).

Тип II. Кресты с квадратным средокрестием и квадратными щитками на концах лучей (рис. 12).

Кресты, размерами 3×2,2 см (с ушком), найдены в трех пунктах: городище древнего Друцка в пластах XII в. (рис. 8:13; № 220 (Алексеев, 2002)), на окольном городе Новогрудка (постройка № 5), в комплексе с бронзовым и каменным крестами-тельниками, деталью хороса и другим сопутствующим материалом конца XI – середины XII в. (рис. 8:12; № 132 (Гуревич, 1981, с. 54–65)), а также на городище Вищин, датируемый XII – первой половиной XIII в. (рис. 8:11; № 126 (Загорульский, 1985-А, с. 5)).

Прямая аналогия данным артефактам известна из Киевского клада 1897 г., где верхняя дата его определяется временем сокрытия клада, т.е. серединой XIII в. (Древняя…, 1997, табл. 42:8). Подобная форма крестов-тельников широко известна в Среднем Поднепровье, о чем свидетельствуют многочисленные экземпляры таких крестов в собрании братьев Ханенко (Ханенко, 1899, табл. XVII; Пуцко, 1993, с. 193–195). Вероятнее всего, кресты из Новогрудка и Вищина являются либо привозными, либо копиями с продукции южных земель.

Тип III. Кресты со стреловидными лучами и венчающими их «шишечками» (рис. 12).

Крест, размером 4×3,1 см (с ушком), в единственном экземпляре найден в слое XII в. на Замчище Волковыска (рис. 10:15; № 36 (Зверуго, 1975, с. 41)).

Отсутствие близких аналогов данному кресту не дает возможности определить регион его производства и пути культурного влияния, под воздействием которых он мог быть изготовлен. Вследствие этого возможно предположить его местное происхождение.

Тип IV. Кресты с шайбообразными завершениями лучей, плавно выходящими из средокрестия (рис. 12)

Крест, размером 1,7×1,3 см (с ушком), найден на Замковой горе в Рогачёве, наряду с несколькими бронзовыми крестами иных типов (рис. 10:11; №172 (коллекция А.Н. Рикунова)). Датируется он, на основании аналогий, XII–XIII вв. Особенностью данного типа является то, что подвесное ушко креста совмещено с окончанием верхнего луча.

Можно утверждать южнорусское происхождения данного типа крестов вследствии доказанного производства их на Райковецком городище, где была найдена литейная форма для отливки таких крестов (Гончаров, 1950, табл. XVII:6).

Еще один весьма похожий по своим морфологическим признакам крест, размером 2×1,5 см, зафиксирован И.А. Сербовым в женском захоронении кургана № 2, могильника № 6 у деревни Петуховка Чаусского района (№ 207). Захоронение имело западную ориентировку на горизонте со следами домовины, а крест, видимо, находился в составе ожерелья, так как на груди костяка были обнаружены бусы и бронзовые привески. Правда, отличают два вышеуказанных креста ушки для подвешивания. Морфологическая схожесть и близость географических пунктов, где они были обнаружены, склоняет нас к мысли о родственности их происхождения (Сербаў, 1932, с. 240–241).

***Отдел:* Объёмные**

Тип I. Кресты с перекладчатыми концами (рис. 12).

Особенностью данного типа крестов является состоящее из имитационной филиграни тело в виде соединенных четырехконечных крестов, состоящих из пяти спаянных «жемчужин». Кресты эти крепятся к большой «жемчужине» в средокрестии.

Крест, размером 3,5×2,8 см (с ушком), найден на Замчище Волковыска в слое XII–XIII вв. (рис. 8:20; № 37 (Зверуго, 1975, с. 41)).

Близкий аналог этой находке обнаружен в Нефедьевском могильнике XI–XIII вв. (Макаров, 1997, табл. 154:9).

Кресты без ярко выделенных жемчужин известны из Галича (Пастернак, 1998, рис. 69:11) и Дрогичина над Бугом (Материалы по археологии…, 1890, с. 12). Экземпляры из Прибалтики, датируемые XII–XIII вв., имея схожие формы, в то же время являются особым типом, о чем говорят иного рода средокрестия и орнаментация, к тому же, у них отсутствует объемность – они плоские. На наш взгляд, они неоправданно были отнесены к единому типологическому ряду и сопоставлены с древнерусскими экземплярами, обладающими иными формами. Вновь было признано первенство Киева в производстве таких крестов (Мугуревич, 1965, с. 65–66). Относительно ссылки Э.С. Мугуревич на находку литейных форм подобных крестов в Киеве необходимо отметить, что он указал на форму для отливки совершенно иного рода крестов. В то же время, автор высказался за наличие на территории Латвии местного производства подобных крестов (Мугуревич, 1965, с. 65–66).

Сопоставление форм рассматриваемого типа крестов указывает на наличие нескольких литейных форм и, скорее всего, производительных центров, взявших за основу идею перекладчатых концов и по-своему воплотивших их в жизнь. Волковысский экземпляр представляет собой, в этом случае, некий промежуточный вариант между ярко выраженными объемами нефедьевского креста и слабо выраженными «жемчужинами» галичской и дрогичинской находок, и, конечно, является крестом, совсем отличным от прибалтийских.

Тип II. Кресты с тонкими перекладчатыми концами и «жемчужинами» в средокрестии (рис. 12).

Особенностью данного типа крестов является: тонкие, круглые в сечении лучи, венчаемые тремя «жемчужинами», и наличие четырех «жемчужин» в средокрестии.

Кресты, размерами 2,3–2,8×1,5–2,1 см (с ушком), найдены на Беларуси в семи пунктах: на Замчище в Минске в слое 90-х гг. XII – начала XIII в. (рис. 8:14; № 113 (Загорульский, 1982, с. 225)); на детинце Новогрудка в слое XII в. (рис. 8:19; № 133 (Гуревич, 1973-А, с. 8)); на городище Масковичи Браславского района Витебской области (рис. 8:18; № 106 (Дучиц, 1981-А, с. 31)); на Замковой горе в Рогачеве (рис. 8:17; № 173

(коллекция А.Н. Рикунова)); на посаде древнего Гомеля в сооружении конца X–XII вв. в комплексе с энколпионом XII в. (№ 55 (Макушников, 1989-А, с. 47–49)); в Полоцке на Верхнем замке (рис. 8:15; № 157 (НИМ РБ, КП 14528/12)); на Шведской горе Волковыска (рис. 8:16; № 38 (Зверуго, 1975, с. 41)).

Распространение такой формы креста по всей территории Древней Руси прослеживается во второй половине XII – середине XIII в. (Беленькая, 1976, с. 89). Хронология белорусских экземпляров вписывается в эти же рамки.

Благодаря находкам литейных форм удалось четко локализовать центры производства таких крестов: Киев (Каргер, 1958, табл. LVII; XLVI), Серенск (Никольская, 1981, с. 143), Райковецкое городище (Гончаров, 1950, табл. XVII:7), Галич (Пастернак, 1998, с. 205).

Сопоставляя размеры и формы крестов, найденных в Беларуси, с изображениями на литейных формах, можно определить находки из Полоцка и Минска как продукт мастерской Райковецкого городища, а гомельскую и рогачевскую находку соотнести с киевским производителем. Особого внимания заслуживают кресты из Новогрудка, Маскович, Волковыска. Обладая более крупными размерами, они имеют утолщенные формы лучей и «жемчужин», а также удлиненную вертикальную перекладину креста, что отличает их от предыдущих экземпляров. Важной, на наш взгляд, является новогрудская находка необычной формы, интерпретированная нами как литейный брак (рис. 8:19; № 133). Отсутствие аналогов, соотношения форм и размеров новогрудского и масковичского крестов, наличие в Новогрудке в XII – 70-х гг. XIII вв. высококвалифицированного ювелирного производства, дает нам основание отнести их к продукции новогрудских мастеров. Изготовление же волковысского креста возможно и на месте, учитывая наличие подобного производства, доказанного после находки тут литейной формы (рис. 11:2 (Зверуго, 1975, с. 38)). Нахождение крестов с тонкими перекладчатыми концами в белорусских городских центрах с массовым ПХК и производство их в христианских центрах Древней Руси и Беларуси указывают на христианскую семантику этого оберега.

Тип III. Кресты с квадратным средокрестием и шаровидными завершениями лучей (рис. 12).

Особенностью данного типа крестов, размерами 2,5×1,6 см (с ушком), является квадратный щиток в средокрестии с читаемым иногда Андреевским крестом, а также круглые в сечении лучи, венчаемые шариками.

Такие кресты обнаружены в шести пунктах Беларуси: Витебске (рис. 8:5; № 20 (Штыхов, 1972-А, с. 21)), на Замчище Волковыска в слое XII в. (рис. 8:3; № 39 (Зверуго, 1975, с. 41)), на Замчище в Гродно в слое первой половины XIII в. (рис. 8:7; № 62 (Durczewski, 1939, rys. 77)), два экземпляра на городище Вищин в слое XII – первой половины XIII в. (рис. 8:4; № 32; рис. 8:8; № 33 (Загорульский, 1984-А, с. 3–4)), в кургане № 57, датируемом XI–XIII вв. могильника Патока Кличевского района Могилевской области (рис. 8:1; № 153 (Дучыц, 1998-А, с. 17–18)), в кургане № 2 могильника XI–XII вв. около города Борисова (рис. 8:2; № 11 (Ляўданскі, 1930, с. 258)), на селище Струга-II Столинского района в комплексе XII–XIII вв. (рис. 8:6; № 206 (Белицкая, 2002-А)).

Подтип А. Кресты больших размеров с меньшими, чем у предыдущих, щитками в средокрестии и шариками на концах (рис. 12).

Крест, размером 3,1×2,3 см (с ушком), обнаружен на городище Масковичи при прорезке вала (рис. 8:9; № 107 (Дучиц, 1983-А, с. 62)).

Подтип Б. Кресты больших размеров с огранкой лучевых завершений (рис. 12).

Серебряный крест данного подтипа, размером 3,1×1,9 см (с ушком), обнаружен в слое XI в. на Замковой горе Копыля (рис. 8:10; № 88 (Калядзінскі, 1998-А, с. 32)). На щитке средокрестия с одной стороны выгравирован квадрат с косым крестом (Андреевским), на другой – квадрат с прямым крестом (греческим).

Кресты рассматриваемого типа широко распространены на территории Древней Руси со второй половины XIII в. (Беленькая, 1976, с. 89). В Прибалтике они датируются XIII–XIV вв. (Мугуревич, 1974, с. 237). Основная масса белорусских находок, исходя из датировки комплексов, из которых они происходят, относится к XII – первой половиной XIII в. Особняком стоит серебряный крест из Копыля, датируемый XI в, аналог которому найден в Галиче (Калядзінскі, 1998-А, с. 32). Традиция украшения щитков средокрестия крестами и буквами подобных артефактов известна в южных землях Руси в XII–XIII вв, о чем свидетельствуют многочисленные экземпляры, представленные в дореволюционных собраниях древностей (Ханенко, 1899, 1900, табл. XVII:190–195). Это даёт нам основание приподнять датировку данного экземпляра до XII в. Исходя из

вышесказанного, обладатель копыльского креста был, скорее всего, южнорусского происхождения и принадлежал к высшим социальным слоям, о чем свидетельствует материал, из которого изготовлен крест.

Отметим также масковичскую находку креста, отличающуюся своими параметрами и необычной формой ушка, что вряд ли дает основание интерпретировать его как продукт массового производства (рис. 8:9). Это, скорее, эксперимент местного мастера, который попытался воспроизвести достаточно распространенный импортированный тип креста. Остальные белорусские находки крестов с квадратным средокрестием соответствуют многочисленному материалу соседних территорий. С точностью локализован лишь один центр их производства – Серенск, где обнаружена литейная форма для изготовления данного типа крестов (Никольская, 1981, с. 143). Исходя из картографии белорусских находок, укажем на распространение их вдоль пути «из варяг в греки», с несколькими экземплярами в бассейне Березины и на северо-западе Беларуси (рис. 14). Важно отметить принадлежность большинства находок к городским комплексам со значительной долей ПХК в своих культурных пластах. Это едва ли дает нам основание отрицать христианскую символику данного типа оберега. В то же время, использование их в женских монистах наряду с бусами, монетовидными привесками (Патока), лунницей и крестами другого типа (Борисов), обнаруженных в погребении с чертами языческой обрядности в могильниках Патока и Борисов, указывает на возможное использование таких крестов языческим населением на начальном этапе знакомства с христианской религией. На это косвенно указывает модернизированный обряд с погребением в подкурганной яме и западной ориентировкой, а также подобные случаи нахождения таких крестов в могильниках Подляшья, в погребальном обряде которых прослеживается влияние ранних христиан (Powlata, 1991, s. 111–126).

Тип IV. Кресты с ромбовидным перекрестием и круглыми в сечении лучами с утолщениями на концах (рис. 12).

Особенностью данного типа является, как правило, наличие изображения креста на щитке средокрестия.

Такой крест, размером 2,5×2 см, найден на детинце Мстиславля в слое, датируемом дендрохронологически 1360–1370-ми гг. (рис. 7:5; № 124 (Алексеев, 2000, с. 104)).

Подтип А. Кресты, аналогичные предыдущим, но имеющие выступы на лучах в месте их соединения с ромбическим средокрестием (рис. 12).

Такой крест, размером 2,5×2 см, найден в датируемом дендрохронологически слое 1307–1325 гг. детинца Мстиславля (рис. 7:6; № 125 (Алексеев, 1980, рис. 25:3)).

Аналогичные рассмотренному типу кресты известны в новгородских слоях, датируемых 60–80-ми гг. XIII в и рубежом XIII–XIV вв. (Седова, 1981, с. 54), причем в слое XIV в. была обнаружена формочка для отливки подобных крестов (Колчин, 1982, с. 220). Четырнадцатым веком датируются кресты с ромбическим средокрестием и в памятниках Подмосковья (Беленькая, 1993, с. 14), а также в Прибалтике (Мугуревич, 1974, с. 237). Очевидно, что производимые в Новгородской земле и распространившиеся на близлежащие территории Прибалтики и Восточной Руси, данный тип крестов, являясь христианским символом, проник на территорию Восточной Беларуси.

Тип V. Кресты с закругленными лучами, которые слегка сужаются на концах (рис. 12).

Особенностью данных крестов является совмещение ушка для подвешивания с верхним лучем креста.

Крест, датируемый XII в., размером 1,8×1,8 см, найден в единственном экземпляре в Слуцке (рис. 10:14; № 177 (Колединский, 1987-А, с. 99)).

Близких аналогов кресту найти не удалось. Простота формы данного экземпляра, а, следовательно, несложный процесс изготовления может свидетельствовать в пользу предположения об отсутствии массового выпуска подобного типа крестов и позволяет причислить эту находку к ряду образцов местного производства.

Тип VI. Кресты с прямыми и круглыми в сечении лучами (рис. 12).

Особенностью данного типа является нанесенная на поле креста насечка в виде прямой сетки, а также наличие круглого отверстия в средокрестии. Форма креста напоминает «латинский» тип.

Свинцовый крест, размером 5,3×3,8 см, обнаружен на Нижнем замке Витебска рядом с двумя шиферными пряслицами в слое, насыщенном керамикой XI–XVIII вв. (рис. 7:8; № 21 (Ткачев, Колединский, 1979-А, с. 1)).

Дату креста, видимо, надо связывать с периодом широкого бытования шиферных пряслиц, т.е. XII – первая половина XIII в. Кроме того, единственные параллели, возможные в этом

случае – свинцовые кресты схожих форм из Дрогичина над Бугом, относящиеся к этому же времени (Материалы…, 1890, с. 12). Однако в данном случае мы имеем дело, видимо, с единичным экземпляром местного мастера невысокого профессионального уровня.

Тип VII. Кресты с профилированными шарообразными концами тонких круглых в сечении лучей и близкой к ромбовидной форме средокрестия (рис. 12).

Крест, размером 3,2×2,4 см (с ушком), найден на Замчище Полоцка (рис. 10:13; № 216 (Штыхов, 1965, рис. 131:9)) и крест, размером 3,2×2,4 см, на его Великом посаде (рис. 10:9; № 159 (Тарасов, 1988, с. 90)).

Схожие по формам кресты известны в Прибалтике, датируемые XI–XII вв. (Мугуревич, 1974, с. 237) и памятниках Древней Руси конца XI – первой половины XIII вв. (Древняя Русь…, с. 349). Однако все они имеют конструктивные отличия либо в форме средокрестия, либо в трактовке лучевых концов. Наибольшая близость рассматриваемого экземпляра по форме средокрестия и размерам прослеживается с изображением креста на литейной форме из Полоцка, датируемой 40-ми гг. XIII в. (Штыхов, 1965, с. 154). Это дает нам основание определить полоцкие находки как продукцию местного мастера XII – первой половины XIII вв., получавшего образцы для своих экземпляров из соседних северных территорий.

Тип VIII. Кресты с профилированными утолщенными шаровидными лучами (рис. 12).

Особенностью данного типа являются шаровидные утолщения на концах лучей и средокрестие с округлыми очертаниями, плавно переходящее в лучи.

Кресты, размерами 2,5–2,7×1,9–2 см (с ушком), найдены в количестве двенадцати штук в семи пунктах Беларуси: на городище древнего Друцка (рис. 7:7; № 218 (Алексеев, 2002)), у подножия Шведской горы в Волковыске (рис. 9:8; № 40 (Зверуго, 1975, с. 41)), два экземпляра на городище Масковичи (рис. 9:6; № 109 (Дучиц, 1978, с. 14, 40, 75)), два экземпляра на городище Вищин (рис. 9:3; № 28; рис. 9:4; № 27 (Загорульский, 1982, с. 3–4, 86)), три экземпляра в каменном могильнике конца XIII–XV вв. у деревни Дворчаны Вороновского района Гродненской области (рис. 9:2; № 68–70 (Квятковская, 1998, с. 80)), в Дрисвятах (рис. 9:10; № 217 (Семянчук, 2001)), в слое XIV–XVI вв. в Турове (рис. 9:1; № 183 (Лысенко, 1974, с. 56)).

Отметим крест со сферическими концами лучей, плавно выходящими из средокрестия, размером 2,6×1,6 см (с ушком), найденный на городище Масковичи (рис. 9:7; № 110 (Дучиц, 1977-А, рис. 5:3)). Аналоги ему известны с территории Латвии, где они определены как древнерусский импорт (Мугуревич, 1974, с. 237). Схож также экземпляр, датируемый XII в. и представленный в сборе общероссийского материала (Древняя Русь…, табл. 103:18). Однако огрубленные и расплывчатые формы масковичского креста позволяют предположить его производство путем перетливки с изящного оригинала со строго очерченными формами, который был привезен с соседних латвийских территорий.

Кроме того, три свинцовых гладких креста, найденные Г.Х. Татуром в кургане у д. Дулебы Березинского района Минской области, видимо, тоже относятся к рассматриваемому типу (№ 208–210 (Татур, 1892, с. 146)).

Подтип А. Кресты, аналогичные предыдущим, но с «шишечкой» на каждом шаровидном завершении луча и шайбообразными перемычками между средокрестием и концами лучей (рис. 12).

Кресты, размером 2,6–3×1,7–2,3 см (с ушком), найдены в кургане № 2 могильника XI–XII вв. возле Борисова (рис. 9:9; № 12 (Ляўданскі, 1930, с. 258)), в кургане могильника у деревни Караевичи Лепельского района Витебской области (№ 81), в слое XI в. на Замчище Заславля (рис. 9:13; № 79 (Заяц, 1995, с. 69)).

Вариант 1 аналогичные по форме предыдущим кресты, но с изображением косого креста в средокрестии (рис. 12).

Два экземпляра таких крестов найдены на селище у деревни Городище Минского района, размером 3,3×2,3 см (с ушком), (рис. 9:16; № 60 (Штыхов, 1975, с. 9)) и на Великом посаде Полоцка, размером 3,5×2,5 см (с ушком (рис. 9:15; № 158 (Тарасаў, 1998, с. 90)).

Вариант 2 – с изображением в средокрестии косого креста в круге (рис. 12).

Один экземпляр подобного креста, размером 2,6×2 см (с ушком), найден в составе ожерелий из стеклянных бус в кургане № 8 могильника XI–XII вв. у деревни Навры Мядельского района Минской области (рис. 9:14; № 130 (Рябцевич, Плавинский, 1987-А, с. 8–9)). Детское погребение было совершено по обряду трупоположения с западной ориентировкой на зольном слое.

Подтип Б. Кресты с четко выраженным ромбическим средокрестием, шаровидными концами с «шишечками» и шайбообразными перемычками, соединяющими лучи со средокрестиями (рис. 12).

Четыре экземпляра, размерами 2,7–2,3×3,3–4 см (с ушком), найдены на городище древнего Друцка (рис. 9:20; № 219 (Алексеев, 2002)), на селище XI–XIII вв. у деревни Плусы Полоцкого района (рис. 9:18; № 155 (Штыхов, 1965-А, с. 14)), в кургане XI–XII вв. могильника Сосновка-I Гомельского района в составе ожерелья из стеклянных, каменных и глиняных бус в погребении с юго-западной ориентировкой на горизонте, на зольной прослойке (рис. 9:17; № 182 (Бруевич, 1997-А, с. 80–82)) и на Шведской горе в Волковыске (рис. 9:19; № 41 (Зверуго, 1975, с. 41)).

Вариант 1 – аналогичные по форме предыдущим кресты, но с рельефным изображением святого с обеих сторон в круглом медальоне средокрестия (рис. 12).

Два креста, размером по 2,5×2,5 см, найдены в составе женского ожерелья из стеклянных бус и трех гладких свинцовых крестов в курганном захоронении у деревни Дулебы Березинского района Минской области (рис. 9:25; № 75–76 (Татур, 1892, с. 146)).

Указанные находки отнесены к данному типу, исходя из описания, сделанного Г.Х. Татуром, так как крестов-тельников иного типа с рельефным изображением святых в круглых медальонах нет.

Аналогичные кресты, по сведениям М.В. Седовой, известны в курганном захоронении у деревни Кордон Гомельской области (№ 211) и в слоях рубежа XI–XII вв. в Новгороде (Седова, 1981, с. 52), а также прибалтийских древностях, где предположительно существовал один из центров их производства в XII–XIII вв. (Мугуревич, 1987, с. 237).

Вариант 2 – аналогичные по форме предыдущим крестам, но с изображением прямого креста в средокрестии (рис. 12).

Три креста, размером 2–2,4×3–3,4 см (с ушком), найдены в Гомеле (рис. 9:22; № 56 (Бычков, 1989-А, с. 10)), на Замковой горе в Рогачеве (рис. 9:21; № 171 (коллекция А.Н. Рикунова)), в слое XI–XII вв. посада древнего Пинска (рис. 9:23; № 154 (Лысенко, 1964-А, с. 15)).

Подтип В. Кресты с шаровидными концами с «шишечками» и средокрестием в виде креста со слегка расширяющимися лучами и косым крестом в средокрестии (рис. 12).

Крест, размером 3,5×2,3 см (с ушком), найден на селище у деревни Лучин Рогачевского района Гомельской области (рис. 9:24; № 95 (коллекция А.Н. Рикунова)).

Кресты рассмотренного типа достаточно широко известны в древностях Руси и Прибалтики, где они датируются XI–XIII вв. (Мугуревич, 1965, с. 65). В то же время Э.С. Мугуревич указывает на кресты с утолщенными профилированными концами, как на продукцию XII–XIII вв. латышских земель (Мугуревич, 1974, с. 237). На Беларуси данный тип крестов представлен во всем своем разнообразии и является одним из самых распространенных. Картография находок указывает на пути проникновения такого рода артефактов на Беларусь, с территории Прибалтики по направлению к Минску и Полоцку. Прослеживается путь их дальнейшей миграции по Березинскому и Западно-Двинскому пути через Лепель, Борисов на юго-восток Беларуси (рис. 14).

Исходя из анализа форм белорусского материала, укажем на модернизацию прибалтийского импорта под воздействием местных ремесленных традиций в сторону упрощения форм. В XII в. появляются грубые местные подражания, что привело к появлению крестов с гладкими лучами с утолщением на концах (Волковыск, Дворчаны, Масковичи). На таких экземплярах отсутствует какая-либо декоративная отделка. Подобные кресты локализуются на северо-западе Беларуси, где был центр их изготовления, о чем свидетельствует находка литейной формы для отливки подобных крестов в Волковыске (рис. 11:2 (Зверуго, 1975, с. 38)) и на севере Беларуси, на Браславщине, где, вероятно, тоже имелось такое производство. В пользу существования волковысского центра производства рассмотренных крестов говорит крест, отличающийся грубыми формами и необычной формой средокрестия и подвесного ушка (рис. 9:19; № 41). Он, возможно, являлся производственным экспериментом местного мастера, который не сделал этот вид креста массовым. Находки подобных крестов на юго-востоке Беларуси (Вищинское городище), видимо, надо связывать с Райковецким производственным центром, где найдены формочки для отливки таких артефактов (Гончаров, 1950, табл. XVII:5). Однако учитывая высокий уровень ювелирного производства на Вищинском городище, производство подобного рода оберегов было бы под силу местным мастерам. Основные параметры прибалтийских и северорусских образцов дали почву для создания крестов **подтипа Б** и его варианта с ромбовидным

перекрестием и крестом, изображенным на нем. Такие кресты, не имеющие прямых аналогов на соседних землях, локализуются основной массой (четыре из пяти) на южных и юго-восточных территориях Беларуси в бассейне Днепра, что дает основание предположить наличие их производства в этом регионе на рубеже XI–XII вв. Вероятно, образцами для них послужили кресты с изображением святого в средокрестии, найденные у деревень Дулебы и Кордон и имеющие многочисленные аналогии на северных территориях Руси и Прибалтики, где они датируются концом XI–XII вв. (Макаров, 1997, с. 366; Мугуревич, 1974, с. 237; Седова, 1981, с. 52).

Особняком стоит находка из урочища Узвалье на север от деревни Лучин Рогачёвского района (рис. 9:24; № 95). Прямых аналогов ей найти не удалось. Наиболее близкие формы просматриваются у креста, размером 4×2 см, с Царевского городища (Новый Сарай) на территории былой Золотой Орды, который принадлежал либо пленнику, либо купцу славянского происхождения, попавшему в этот регион не ранее второй половины XIII в. Это дает нам основание датировать белорусскую находку XIII в., а период бытования и эволюции крестов с утолщенными профилированными лучами в Беларуси очертить XI–XIV вв., что подтверждает находка креста данного типа в слое XIV в. в Турове.

Важно указать на распространение данного типа крестов в среде сельского и городского населения. Из 29 зафиксированных крестов с утолщенными профилированными лучами 13 экземпляров найдено в городских центрах (в Полоцке и Пинске на посаде) и на городищах, 13 в захоронениях (три из них – в каменных могилах), 3 экземпляра – на селищах.

Таким образом, доля используемых сельским населением крестов данного типа практически идентична популярности их в городах и на городищах. Учитывая близость населения городищ к сельскому кругу, сфера восприятия креста как культового символа значительно расширяется, проецируясь на широкие слои сельского населения. Однако вновь встает вопрос о возможном использовании креста как декоративного объекта, или в качестве языческого символа. Несмотря на то, что в нескольких случаях кресты найдены в захоронениях с языческой формой обрядности (Дулебы, Борисов, Караевичи, Сосновка, Дворчаны, Навры), вряд ли в городских центрах с объемным материалом, связанным с христианским культом, будет налажено производство родственных по форме оберегов, имеющих иное символическое значение. Вероятность использования языческим населением крестов без четкого понимания его символики значительна, но, как уже было отмечено выше, знакомство с христианством на начальном этапе проходило через восприятие внешней идентификационной символики. Следовательно, появление в захоронениях XI–XII вв., в данном случае, рассматриваемого типа необходимо, на наш взгляд, связывать с первыми проявлениями знакомства с новой религией.

***Подгруппа*. Металлические кресты с эмалью**

***Отдел*. Плоские**

***Подотдел*. Двусторонние**

Тип 1. Кресты двусторонние с округлыми концами и парными выступами на лучах (рис. 12).

В литературе данные кресты проходят как трехлопастноконечные. Поля этих крестов разбиты на круглые на концах и в средокрестии, и прямоугольные на лучах ячейки, заполненные желтой, зеленой, в редких случаях красной эмалью.

Подобные кресты, размерами 3,5–4×2,7–3,2 см, на Беларуси обнаружены: на городище Масковичи, слой второй четверти XII – первой половины XIII вв. (рис. 10:3; № 111 (Дучиц, 1976-А, с. 11)); два экземпляра на памятнике Лучин-I Рогачёвского райна (рис. 10:2; № 54 (коллекция А.Н. Рикунова)); на городище Михалёво-II Бобруйского района, слой XII – начала XIII вв. (рис. 10:4; № 121 (Лошенков, 1998-А, с. 15)); в кургане № 2 могильника Глыбов Речицкого райна в одном из погребений, датируемом XII в. (рис. 10:2; № 54 (Ширинский, 1958-А, с. 4–8)). Крест входил в состав ожерелья из стеклянных бус, принадлежавшего женщине 25–30 лет, погребенной на горизонте на зольно-угольной прослойке головой на северо-запад. В этом же кургане находились еще два погребения, принадлежащие мальчику 5–6 лет и девушке 15–16 лет, но совершенные не одновременно.

Подтип А. Кресты, отличающиеся от предыдущих более узкими лучами и наличием венчаемой каждый луч «шишечкой» (рис. 12).

Такие кресты, размером 3,7×3 см (с ушком), обнаружены на окольном городе Новогрудка – 2 экз. (рис. 10:5; № 134, 135 (Гуревич, 1981, с. 115)), на Замковой горе в г. Браславе (рис. 10:6; № 13 (Семенчук, Ткачёв, 1989-А, с. 28)).

Тип II. Кресты двусторонние с прямоугольными лучами (рис. 12).

Бортики, проходящие по краям поля крестов и образующие медальон в средокрестии, создают

широкие ячейки для желтой или зеленой эмалей.

Крест, размером 3×2 см (с ушком), с желтой эмалью обнаружен в культурном слое Новогрудка (рис. 10:8; № 136 (Гуревич, 1957-А, рис. 88:2)). Прямые аналогии найдены в Прибалтике (Мугуревич, 1974, рис. 1:5).

Кресты с эмалью рассмотренных типов широко известны в памятниках XII–XIII вв. по всей территории Древней Руси и Прибалтики. Особенно они многочисленны в Латвии. Так, Э.С. Мугуревич на 1965 г. собрал информацию о 72 крестах с эмалью из 30 пунктов Латвии (Мугуревич, 1965, с. 63); исследования В.А. Мальм на 1968 г. зафиксировали лишь 62 креста из 29 пунктов Древней Руси (Мальм, 1968, с. 113). Уже на то время, исходя из полученных результатов, достаточно четко была видна концентрация подобных находок на достаточно узкой территории Латвии. Картография крестов с эмалью, представленная В.А. Мальм, указывает, в свою очередь, на равномерное распределение такого рода артефактов на обширной территории Древней Руси (Мальм, 1968, с. 115). Учитывая это, удивительным, на наш взгляд, является признание первенства в производстве и распространении данного вида крестов за Средним Поднепровьем. Правда, Э.С. Мугуревич высказался за возможность производства таких крестов в Латвии, но по древнерусским образцам (Мугуревич, 1974).

Белорусские находки крестов данного типа укладываются в хронологические рамки обще древнерусского и прибалтийского материала, то есть XII–XIII вв., а топография находок указывает на распространение их как в городской, так и сельской среде. Картографирование указало на основные пути транзитной миграции подобных артефактов по территории Беларуси (рис. 14). Наряду с днепровским, прослеживается березинский путь со значительной ролью в этом процессе Браславского Поозерья. Интересным является наблюдение о локализации крестов **подтипа А** (с «шишечками») на северных территориях, а крестов **типа I** (без «шишечек») – в юго-восточной Беларуси вдоль нижнего течения Березины и белорусского течения Днепра. Это можно связывать с поступлением на Беларусь продукции различных производственных центров, то есть прибалтийского и среднеднепровского. Однако этот вопрос требует более детального изучения через обработку всего накопленного материала с территорий Прибалтики и Древней Руси.

На основании анализа комплексов, в которых были найдены кресты с эмалью, мы можем рассматривать их как показатель принадлежности к христианской вере ввиду их нахождения в слоях, насыщенных ПХК. Глыбовский экземпляр хотя и найден в погребении, совершенном по языческому обряду, занимал центральное место в ожерелье без соседства с какими-либо привесками, что в равнозначной степени может определять этот крест, воспринимаемым его носителем как сакральный символ на начальном этапе знакомства с христианской религией.

***Отдел.* Объемные**

***Подотдел.* Двусторонние**

Тип I. Кресты с ромбовидным средокрестием и шаровидными лучами (рис. 12).

Крест, размером 2×1,6 см, в средокрестии имеющий ромбовидную ячейку, заполненную зеленой эмалью, найден в постройке № 16 на окольном городе Новогрудка в комплексе с каменным крестом-тельником и фрагментом энколпиона, что дает нам основание рассматривать его как христианский символ (рис. 9:12; № 137 (Гуревич, 1981, с. 81–85)). Аналог известен в кургане могильника Засвирь Мядельского района Минской области, датируемого VI–XII вв. (рис. 9:11; № 77 (Гуревич, 1981, с. 82)). Автор находки указывает на наличие голубой стеклянной массы, нанесенной на крест, что позволяет соотнести данные артефакты (Jaskanis, 1962, s. 448). В этом случае невозможно определить сакральную символику креста, находящегося в погребении, выполненном по языческому обряду.

Форма данного типа крестов схожа с так называемыми крестами с утолщенными профилированными концами, составляющими одну из наиболее многочисленных групп металлических крестов-тельников. Вероятнее всего, рассматриваемый тип креста не является широко производимым, а скорее был результатом эксперимента местного мастера, попытавшегося придать распространенному типу крестов с профилированными концами необычную внешность. Исходя из датировки могильника Засвирь и материалов окольного города Новогрудка, где были найдены такие кресты, дата их бытования определяется XII – началом XIII в.

***Подгруппа.* Металлические ажурные кресты**

***Отдел.* Плоские**

Тип I. Овальноконечные кресты с «шишечками» на каждом из лучей и четырьмя выступающими в средокрестии (рис. 12).

Крест, размером 3,5×2,8 см (с ушком), в единственном экземпляре найден на окольном городе Новогрудка, в постройке № 5, в комплексе с бронзовым и каменным крестами-тельниками, деталью хороса и иным материалом конца XI – середины XIII в., что дает основание причислять его к ПХК (рис. 10:12; № 138 (Гуревич, 1981, с. 54–65)).

Сопоставив данную находку с ажурными крестами XII–XIV вв. из Прибалтики и учитывая упрощенность формы новогрудской находки, видится правильным считать ее продуктом местного подражания овальноконечным крестам из Латвии, где их производство было поставлено на серьезную основу (Мугуревич, 1965, с. 237). Однако близость формы данного экземпляра эмалированным крестам с сердцевидными лучами и пальметками из Среднего Поднепровья и земли радимичей указывает на знакомство производителя и с юго-восточными культурными традициями (Мальм, 1968, с. 114).

***Подгруппа.* Металлические кресты с изображением Распятия**

***Отдел.* Плоские**

***Подотдел.* Односторонние**

Тип I. Кресты со стилизованным рельефным изображением распятого Христа в длинном хитоне (рис. 12).

Внешние формы крестов характеризуются трапециеконечностью и расширяющимися лучами. Размеры крестов небольшие: 4×2,5 см (с ушком).

Особенности изображения: голова Христа поставлена прямо, округлая форма головы, большие глаза, над головой маленький крестик, длинный хитон передан множеством геометрических складок, руки переданы схематично, фигура максимально занимает поле креста.

Такие кресты найдены в пяти пунктах Беларуси в количестве 16 экземпляров: Новогрудок (1 экз. (рис. 4:4; № 139)), Колодецкая (4 экз. (рис. 4:6; № 83–86)), Шапчицы (8 экз. (рис. 4:7; № 193–200)), Веточка-V (2 экз. (рис. 4:8, 9; № 18, 19)), Харчичи (1 экз. (рис. 4:4; № 187)). Все экземпляры, кроме новогрудского, найдены в радимичских курганных комплексах XI в. Вопрос о принадлежности могильника в Харчичах к радимичскому кругу остается открытым, тем не менее, обряд захоронения в кургане № 2 (с крестом) схож с радимичскими погребениями, которые будут рассмотрены ниже.

Охарактеризуем место данного вида артефактов в археологических комплексах. В трех идентифицированных случаях кресты рассматриваемого типа находились в составе женских ожерелий наряду с бисером и бусами, это: курган № 2 в могильнике Харчичи Березинского района (Рябцевич, Плавинский, 1999-А); курган № 12 могильника Колодецкая Костюковичского района (Риер, 1976, с. 188); курган № 5 могильника Шапчицы Рогачёвского района (Соловьёва, 1968, с. 4). В кургане № 2 могильника Веточка-V Рогачёвского района наряду со стеклянными бусами в состав ожерелья входили три бронзовые лунницы и один крест «скандинавского» типа (рис. 5:2; № 17 (Соловьёва, 1965, с. 14)).

Укажем на некоторые особенности погребального обряда тех захоронений, где были обнаружены кресты с изображением Распятия. Все они произведены по обряду трупоположения на горизонте на зольной прослойке с западной ориентацией. Лишь в Колодецкой в связи с тем, что кургана № 12 разрушен, проследить обряд захоронения не удалось. Погребениям с рассматриваемым типом крестов сопутствовал богатый инвентарь. В Шапчицах погребение было парным (мужчина и женщина). Таким образом, сохранение языческой обрядности в захоронениях прослеживается во всех случаях достаточно четко.

Находка креста с изображением Распятия в одном из закрытых комплексов XII в. в Новогрудке расширяет дату бытования и делает данный тип крестов характерным для городских социальных слоев Беларуси эпохи Средневековья. В данном случае, исходя из анализа вещевого материала постройки № 35, можно определить найденный крест как собственность кого-либо из среды новогрудских ювелиров (Гуревич, 1981, с. 91).

История появления и распространения данного типа крестов с грубым изображением Распятия тесно переплетается с родственным типом оберега – крестами с грубым изображением Христа с крестовидной перевязью на груди, в набедренной повязке и крупными кистями рук.

Тип II. Кресты со стилизованным рельефным изображением распятого Христа с крестообразной перевязью на груди и в набедренной повязке (рис. 12).

Внешние формы крестов характеризуются трапециоконечностью и расширяющимися лучами. Размеры крестов больше предыдущих: 5×3,8 см (с ушком). Особенности изображения: голова Христа наклонена вправо, глаза закрыты, над головой маленький крест, на груди –

крестовидная перевязь, набедренная повязка до середины ног, кисти рук подчеркнуто крупные, на запястьях – спиралевидный орнамент.

Такие кресты найдены в трех пунктах: Полоцк (рис. 4:1; № 160), городище Яново Быховского района (рис. 4:3; № 202), могильник Ходосовичи Рогачёвского района (рис. 4:2; № 189).

Ходосовичский экземпляр, сохранившийся фрагментарно, обнаружен в кургане № 1 в одиночном женском погребении западной ориентировки, на горизонте, на зольной прослойке, в составе ожерелья из бус, трех монетовидных привесок и креста «скандинавского» типа (Соловьёва, 1969-А, с. 1). В состав погребального инвентаря кроме бронзовых украшений входил гончарный горшок, сохранившийся фрагментарно.

Места находок этого типа крестов в Яново и Полоцке подчеркивают популярность их как в среде сельского, так и городского населения. На городище Яново крест с Распятием укладывается в хронологические рамки XI в., что соответствует основному периоду их бытования (Ільюцік, 1985, с. 81). В Полоцке крест подобного типа найден в раскопе, где был вскрыт усадебный двор XI – начала XII вв., который принадлежал ювелиру (Тарасаў, 1989-А, с. 12). Отметим, что сопутствующий материал пласта III, в котором был найден крест, датируется концом XII – первой половиной XIII вв. Эти факты гипотетически позволяют нам связывать данную находку с ювелирной средой Полоцка XI в. и одновременно расширять дату бытования данного типа до рубежа XII–XIII вв.

Особо выделим необычную находку из Новогрудка. Крест-тельник, вероятно являясь переотливкой с энколпиона, не будет нами внесен в классификационную схему. Однако в каталоге он будет учтен.

Такой крест, размером 4×2,3 см (с ушком), трапециеконечный с изображением Распятия на лицевой стороне и Богоматери с распростертыми ладонями на оборотной, в единственном экземпляре найден в постройке № 18 на окольном городе Новогрудка (рис. 7:2; № 140 (Гуревич, 1981, с. 47)). Исходя из анализа археологичного материала, постройка датируется концом XI–XII вв., и принадлежала она ювелирам-златокузнецам. Приходится констатировать, что в монографии Ф.Д. Гуревич данный крест изображен неточно, что не давало возможности идентифицировать его тип. Лишь в отчетной документации обнаружено фото с четким изображением обеих сторон креста (Гуревич, 1962-А, рис. 66:7). Похож на новогрудский крест экземпляр XII в. из собрания братьев Ханенко (Ханенко, 1899, табл. 1:25). Правда, на нем просматриваются различия трактовки изображения Иисуса Христа и имеются на верхних лучах креста кириллические буквы. Значительное количество крестов подобного типа с двусторонним изображением, датируемых серединой X – концом XII в., обнаружено в памятниках Фенноскандии. Позднее этот материал был воспринят и переработан древнерусскими мастерами (Мусин, 1994, с. 158). Однако наиболее близкую аналогию изображениям и форме новогрудскому экземпляру мы находим среди новгородских древностей – это энколпионы, найденные в слое X 30-х гг. и 70–90-х гг. XII в. (Седова, 1981, с. 57), что показывает на преемственность двух этих категорий ПХК, причем первенство здесь принадлежит крестам-тельникам. Таким образом, североевропейские и северорусские культурные традиции, бытовавшие в среде торгово-ремесленной знати, вновь нашли свое отражение в материалах Беларуси.

Исходя из общих сведений о крестах с грубым изображением распятого Христа и полученных в ходе археологических изысканий в Беларуси, а также учитывая культурную родственность вышеописанных типов крестов с Распятием, сделаем несколько замечаний, рассмотрев их как единую целостность.

Данные типы крестов достаточно широко известны как в городских, так и сельских (курганные захоронения) древностях Руси, относящиеся в большинстве к концу X–XI вв. Они локализуются основной массой на северных территориях Древней Руси (Мусин, 1994, с. 154–163; Седов, 1988, с. 63–66).

Не противоречит указанным хронологическим рамкам и датировка белорусских экземпляров, расширяя, правда, верхнюю границу бытования в среде городского населения до рубежа XII–XIII вв. Однако это не ставит данный тип оберега в ранг наиболее почитаемых лишь на Беларуси, что привело к столь длительному их использованию. Подобная картина наблюдается в древностях Скандинавии, Нижнего и Среднего Подунавья, где такие кресты найдены в комплексах XI–XII вв. (Седов, 1988, с. 64–65). Подчеркивая отсутствие единого центра изготовления, исследователи четко прослеживают влияние Великоморавских и Скандинавских культурных традиций, переработанных и адаптированных северорусскими мастерами (Мусин, 1994, с. 154–163).

Интересной является особенность топографии находок данных типов крестов на Беларуси, исходя из чего сделаем определенные замечания и выводы (рис. 14).

1. На белорусских территориях сконцентрировано наибольшее количество крестов **типа I**, по мнению специалистов, являющихся местными подражаниями привозным копиям (Мусин, 1994, с. 154–163). Концентрация находок вдоль пути «из варяг в греки» и находки крестов данного типа в Новгороде в слоях 70–80 гг. X в., а крестов **типа II** – в слоях, ограничивающихся верхней датой 30–60-ми гг. XI в. (Мусин, 1994, с. 154–163), дают нам основание предполагать поступление таких крестов из Новгорода по основным торговым магистралям. В случае с крестами **типа I** новгородцы давали образцы для подражания местным ремесленникам. Учитывая концентрацию находок крестов с чертами подражания в земле радимичей, правомерным считаем искать центр подобного производства в этом регионе или на близлежащих территориях;

2. Отметим появление чисто христианских символов в курганных захоронениях Верхнего Поднепровья с яркими чертами языческой обрядности. Это указывает на первоначальный этап восприятия языческим сельским населением белорусского региона отдельных элементов христианского вероучения. Приверженец четко систематизированного языческого мировоззрения, где за каждым символом стоит конкретное объяснение, не будет использовать в своей внешней атрибутике символы, смысл которых для него непонятен;

3. Находки крестов с грубым изображением Христа в богатых захоронениях, в домах новогрудских ювелиров и в районе усадьбы полоцкого ювелира, подтверждают высокую стоимость данного типа крестов. На ценность таких предметов и социальную градацию в среде их обладателей указывают факты изготовления этих оберегов из меди, бронзы и серебра, а также сокрытие их в кладах (Мусин, 1994, с. 159);

4. Импорт в Беларусь и в другие регионы данных типов крестов с ярко выраженной культурной традицией Западной и Северной Европы из северных территорий Древней Руси, нахождение их в захоронениях с чертами косвенного влияния скандинавского элемента (погребение со скандинавскими вещами в Колодецкой и нахождение в составе монист с крестом «скандинавского» типа в Ходосовичах), дает нам основание судить о северорусском векторе христианизации в период конца X–XI вв. на белорусскую территорию, прилегающую к пути «из варяг в греки». Роль в данном процессе, несомненно, сыграла варяжская торгово-военная прослойка. Отметим и продолжение влияния северных традиций в культурной среде торгово-ремесленной знати древних белорусских городов, в частности Полоцка и Новогрудка, в более поздний период конца XI–XII вв., что отразилось в фактах нахождения рассмотренных типов крестов в поздних слоях и закрытых комплексах этих городов.

2.2. Каменные кресты

Следующей за металлическими крестами, по многочисленности, идет группа каменных (59 экземпляров без учета 28 янтарных). Большинство каменных крестов Древней Руси изготовлено из привозных пород камней, таких как: яшма, лазурит, мрамор. На территории Беларуси, наряду с подобным сырьем, широко использовался прибалтийский и местный янтарь, известняк, сланец.

Каменные кресты значительно уступают металлическим в декоративной отделке и разнообразии форм. Специфика материала, трудоемкость его обработки, а, следовательно, высокая стоимость, делали каменную декоративную пластику достоянием высших социальных слоев. Об этом свидетельствуют материалы, используемые для изготовления окладов на кресты, нахождение их в подавляющем большинстве в городских центрах и сокрытие в кладах наряду с изделиями из драгоценных металлов (Даркевич, 1982, с. 197–199; Каргер, 1958, табл. XCIX, LXIV; Кондаков, 1896, с. 95, 103; Корзухина, 1954; Ханенко, 1902, с. 19–22).

Среди каменных крестов для удобства рассмотрения и анализа выделим несколько подгрупп: янтарные кресты и каменные кресты с декоративной отделкой тела. В основу их типологии будут положены формы лучей и средокрестия. Если лучи многих экземпляров ввиду плохой сохранности, длительного использования или недостаточной шлифовки имеют округлые слабовыраженные грани, то форма средокрестия, плавно переходящая в лучи, угловатая или же ступенчатая, является заранее продуманным элементом при изготовлении. Огранка лучей, в основном, с лицевой стороны выполняет эстетическую функцию и встречается у нескольких наиболее распространенных типов крестов, что позволит нам выделить такие экземпляры в подтипы.

Тип I. Кресты с прямоконечными лучами и прямым средокрестием (рис. 19). Наиболее распространенный и многочисленный на всей территории Древней Руси тип крестов, размеры которых варьируются в широком диапазоне: 2–5×1,5–4 см. Крестов данного типа на территории Беларуси зафиксировано 41 экземпляр в 19 пунктах (каталог, табл. 1).

Подтип А. Кресты со скошенными гранями лицевой стороны и шестиугольным сечением лучей (рис. 19). Крест, размером 3,5×3 см, найден в постройке № 4 XII в. окольного города Новогрудка в комплексе с фрагментом хороса (рис. 15:12; № 141 (Гуревич, 1981, с. 93–97)). Аналогичный крест, размером 2,5×3 см (обломан), известен из культурного слоя Дрисвят, где датируется тем же временем (рис. 16:1; № 72 (Ткачоў, 1976-А, с. 109)). Наиболее близкие кресты по форме и способу огранки лучей, которая получила наибольшее распространение в XII в., известны из рязанского клада у Спасского собора (Даркевич, 1982, с. 199), Серенска (Никольская, 1981, рис. 103:8) и в собрании приднепровских древностей братьев Ханенко (Ханенко, 1899, табл. 1:14). Кроме того, известен аналог из янтаря, обнаруженный в слое начала XIII в. Минского Замчища (рис. 18:14; № 118 (Загорульский, 1982, табл. XXII:3)).

Подтип Б. Кресты со сферическим сечением лучей (рис. 19).

Крест, размером 2,5×2 см (обломан), в единственном экземпляре обнаружен в постройке № 16 XII в. на окольном городе Новогрудка в комплексе с фрагментом энколпиона и металлическим крестом с эмалью (рис. 15:9; № 142 (Гуревич, 1981, с. 81–85)).

Подтип В. Кресты со скошенными гранями обеих сторон и восьмиугольным сечением лучей (рис. 19).

Крест, размером 2×1,6 см (обломан), обнаружен на селище XI–XIII вв. Гривковичи-I Пинского района (рис. 16:10; № 61 (Иов, 1988-А, с. 12)). Более изящный крест, размером 2,2×2,2 см (обломан), обнаружен в слое первой половины XIII в. в Берестье (рис. 15:7; № 5 (Лысенко, 1985)). Ближайший аналог найден на городище-святилище у деревни Кутилив Гусятынского района Тернопольской области и датируется XII–XIII вв. (Ягодиньска, 1993, с. 70).

Подтип Г. Кресты с огранкой лицевой стороны и пятиугольным сечением лучей (рис. 19).

Крест, размером 1,3×1,5 см (обломан), известен из раскопок древнего Турова (рис. 17:11; № 184 (НИМ РБ, КП 8828/96)). Аналогичный по огранке, но значительно больших размеров, крест обнаружен в Серенске и датируется XII–XIII вв. (Никольская, 1981, рис. 103:7).

Тип II. Кресты прямоконечные со слегка сужающимися лучами (рис. 19).

На территории Беларуси обнаружено 11 экземпляров подобных крестов в 8 пунктах (каталог, табл. 1). Размеры их колеблются в пределах 2,5–3×1,6–2,1 см. Комплексный материал указывает на бытование данного типа крестов на протяжении XII–XIII вв. Наиболее ранний экземпляр четко датируется стратиграфически – это крест из Минска, найденный в горизонте, датируемом 10–20-ми гг. XII в. (рис. 17:5; № 116 (Загорульский, 1982, табл. XXII:5)), поздний – находка из Полоцка, датируемая стратиграфически 50–60-ми гг. XIII в. (рис. 17:2; № 163 (Штыхов, 1965-А, рис. 200:4)). Аналогии им известны в Среднем Поднепровье (Ханенко, 1899, вып. 1, табл.1:3, 14).

Тип III. Кресты прямоконечные с плавным соединением средокрестия с лучами (рис. 19).

Крест, размером 2,2×2 см, с подобной формой средокрестия известен в Полоцке и датируется 20-ми гг. XIII в. (рис. 16:19; № 161 (Штыхов, 1965-А, рис. 200:3)). Данная форма средокрестия широко известна у крестов, богато украшенных металлическими накладками на лучи с Южной и Юго-Восточной Руси (Каргер, 1958, табл. LXIV).

Тип IV. Восьмиконечные кресты с прямыми концами лучей (рис. 19).

Крест, размером 2,2×1,6 см, в единственном экземпляре обнаружен в погребении № 8 на кладбище XIII–XIV вв. на месте Нижней церкви в городе Гродно (рис. 16:7; № 63 (Воронин, 1954, с. 181)).

Каменные кресты аналогичной формы неизвестны, однако бронзовые восьмиконечные экземпляры больших размеров получили распространение в землях Московской Руси с XIV в. (Беленькая, 1993, с. 13–15). Трудно сказать, в каких землях первоначально зародился подобный тип крестов, но связь с восточнорусскими землями, в данном случае, нашла свое отражение в декоративной каменной пластике Беларуси.

***Подгруппа.* Каменные кресты с декоративной отделкой тела**

Тип I. Кресты прямоконечные с прямоугольным сечением лучей и декоративной плетенкой на лицевой стороне (рис. 19).

Крест, размером 4,7×4 см, найден в культурном слое окольного города Новогрудка (рис. 15:11; № 143 (Гуревич, 1981, с. 115)). Близкий аналог ему обнаружен на городище-святилище у деревни Крутилив Гусятынского района Тернопольской области, где он датируется XII–XIII вв. Там же

найден схожий по отделке и орнаментации крест больших размеров (Ягодиньска, 1993, с. 60). Вероятность изготовления данных крестов одним мастером происхождением с Юго-Западной Руси достаточна высока.

Тип II. Кресты прямоконечные со ступенчатым средокрестием, декоративной отделкой обеих сторон и четырьмя сквозными отверстиями в поле (рис. 19).

Единственный крест, размером 3,3×3 см (с учетом облома), найден на Замчище Минска и стратиграфически датируется 80–90-ми гг. XII в. (рис. 17:4; № 115 (Загорульский, 1982, табл. XXII:6)). Аналогов ему по форме и декоративной отделке (рельефная плетенка вдоль вертикальной перекладины креста) найти не удалось. Лишь форма нескольких янтарных крестов из Новгорода, датируемых XIII в., и наличие в них сквозных отверстий напоминают минскую находку (Розенфельд, 1978, с. 205). Материал, из которого сделан крест, – известняк – наводит на мысль о параллели с известняковыми отделочными плитами Минского храма. Это дает нам основание предположить изготовление данного артефакта местным мастером из куска отделочного материала, который использовался при строительстве Минского храма XII в.

Тип III. Кресты с квадратным средокрестием и круглым сечением лучей (рис. 19).

Особенностью данного типа является наличие бочкообразных лучей с декоративной отделкой в виде рельефного жгутика и шайбообразными перемычками на концах и в основании. Поле квадратного средокрестия разбито на прямоугольные треугольники. Шиферный крест данного типа, размером 2,2×2,2 см (с учетом облома), найден в постройке № 12 на окольном городе Новогрудка в комплексе с инвентарем конца XI–XII вв., среди которого выделим мраморный «корсунчик» и перстень с латинскими буквами (рис. 15:14; № 144 (Гуревич, 1981, с. 36–44)).

Подтип А. Кресты с сужающимися бочкообразными лучами (рис. 19).

Особенностью данного вида крестов, размером 3,7×3,2 см, является отсутствие декоративной отделки средокрестия и, орнаментированные поперечными насечками, круглые в сечении и более массивные, чем у предыдущего креста, лучи. Такой крест обнаружен в культурном слое окольного города Новогрудка (рис. 15:13; № 145 (Гуревич, 1981, с. 115)).

Прямых аналогов двум видам рассмотренных выше крестов из Новогрудка обнаружить не удалось. Правда, определенная схожесть просматривается с образцами византийского камнерезного ремесла, представленными в сборе Калаврезона-Максайнера (Kalavrezon-Maxeiner, 1985, Pl. 1). Родственная близость форм новогрудских экземпляров, единый материал, использованный для изготовления, нахождение на одном памятнике, указывают на возможное местное производство данного типа крестов под заказ представителями высших социальных слоев города. В этом случае, возможно, были взяты за образцы кресты византийского происхождения.

Каменные кресты, так называемые «корсунчики», широко распространились в городских центрах Беларуси в период XII–XIV вв. Однако наибольшее их количество приходится на слои XII–XIII вв., что в первую очередь необходимо связывать с доминированием южнорусских культурных традиций во главе с Киевом на соседние территории и в том числе Беларусь. В то же время, отметим посредническую роль Юго-Западной Руси, в частности, Волыни и Припятско-бужского водного пути в проникновении данной категории ПХК на белорусские земли. Об этом свидетельствуют особые формы и способы отделки крестов. Например, гравированные и декоративно отделанные кресты, имея аналоги в землях Южной Руси, найдены на близлежащих территориях (Гривковичи, Туров) и в Новогрудке, который имел тесные торговые и социально-культурные контакты с Галицко-Волынским и Киевским княжествами.

Роль в региональной миграции каменных крестов по Беларуси, несомненно, отыграли водные пути в бассейне Припяти, Немана, Днепра, Западной Двины. Однако необходимо отметить малочисленность находок каменных крестов вдоль Припяти и Днепра. Наибольшее сосредоточение данной категории артефактов прослежено в Северной, Центральной и, особенно, Западной и Северо-Западной Беларуси (рис. 20). Интересным является факт практического отсутствия каменных крестов в курганных захоронениях и на селищах. Лишь на селище XI–XIII вв. в Гривковичах обнаружены крест с гравированными лучами и прямоконечный крест на месте курганного могильника у деревни Слобода Суражского района Витебской области (рис. 17:9; № 176 (Штыхов, 1972-А, с. 46)). Объяснение этому, по-видимому, необходимо искать в социальном статусе носителей данного вида оберега.

На наш взгляд, учитывая следующие факты:

– нахождение каменных крестов в основном на территории детинца;

– отсутствие данного типа оберега в составе женских украшений и малочисленность в сельской местности;

– наличие богатого сопутствующего материала в комплексах с каменными крестами;

– нахождение крестов в комплексе с оружием (Новогрудок);

– дороговизна производства данного вида продукции;

– массовость отдельных типов крестов (наиболее простых по форме);

– признание семантики камня как мужского начала силы и мужества,

считаем правомерным предположить, что основными носителями данной категории ПХК являлись представители воинского сословия. Не противоречит этому выводу и материал древнего Новогрудка, где каменные кресты найдены на территории ювелирного квартала, а раннеремесленные объединения, как в дальнейшем и цехи, являлись одновременно и военной единицей.

Комплексно сопоставляя каменные кресты, найденные в тех или иных городских пунктах, можно отметить наибольшее разнообразие форм, а, соответственно, и типов, в Новогрудке, где некоторые из них найдены в закрытых комплексах и не имеют прямых аналогов на всей территории Древней Руси. Это дает основание предположить местное производство, в том числе некоторых декоративно отделанных крестов из привозного сырья – шифера. В свою очередь, эксперимент минского мастера отразился в кресте из известняка со сквозными отверстиями. Зафиксирована также попытка сверления отверстия для подвешивания в брестском экземпляре (крест с обломанным лучом), видимо, после утраты металлического оклада (рис. 15:1; № 8). В остальных пунктах типологический набор каменных крестов практически однороден и скуп, что вызвано использованием привозных наиболее ходовых образцов, поступавших из Среднего Поднепровья и Северо-Восточной Руси. Со второй половины XIII в. число каменных крестов на территории Беларуси уменьшается в связи с упадком южнорусских производственных центров, а с конца XIII в. они практически исчезают, уступив место костяным, деревянным и металлическим крестам-тельникам, производимым в Северо-Восточной и Восточной Руси.

***Подгруппа.* Янтарные кресты**

Янтарные кресты составляют следующую по количеству группу крестов, которая насчитывает 28 экземпляров, 3 нельзя классифицировать ввиду отсутствия их изображения и описания – это кресты, найденные на детинце города Мстиславля в надъярусных отложениях, датируемых концом XIV–XVII вв. (Алексеев, 1960-А, с. 12, 14; 2000, с. 109). Два экземпляра учтены только как полуфабрикаты (Полоцк, Новогрудок). О них будет сказано особо. Кресты янтарные и из других пород камня изготавливались зачастую по единым образцам, что обусловило совпадение их форм и даже размеров. Исходя из этого несколько типов янтарных крестов (**тип I** и **подтип А**) соотносятся по всем конструктивным параметрам с типами крестов без декоративной отделки из других пород камней, рассмотренных выше.

Тип I. Кресты с прямоконечными лучами и прямым средокрестием (рис. 19).

Крестов данного типа в Беларуси найдено 15 экземпляров в 8 пунктах городского типа (каталог, табл. 1), что указывает на их популярность в среде городского населения в Беларуси, также как и в городах Северной Руси (Розенфельд, 1978, с. 204).

Подтип А. Кресты со скошенными гранями лицевой стороны и шестиугольным сечением лучей (рис. 19).

Данный вид представлен одним экземпляром, размером 2,2×1,5 см, из Минска, где был обнаружен в слое начала XII в. на Замчище (рис. 18:14; № 118 (Загорульский, 1982, табл. XXII:3)). Подобная форма достаточно широко известна среди крестов из иных пород камня, как было отмечено выше. Среди янтарных тельников аналогов найти не удалось. Возможно предположить изготовление минской находки по мраморным или сланцевым образцам южнорусского происхождения.

Тип II. Кресты прямоконечные со слегка расширяющимися лучами (рис. 19).

Крестов данного типа в Беларуси найдено два экземпляра: в Минске в слое XIV в. размером 2,3×2 см – обломан (рис. 18:13; № 120 (Загорульский, 1982, табл. XXII:1, 2)); в Новогрудке на детинце, размером 2,2×1,8 см, где датируется XIV–XV вв. (рис. 18:22; № 150 (Бубенько, 1992, с. 28)). Аналоги данному типу крестов широко известны в древностях Северной Руси, а новгородский материал дает уточненную датировку этим крестам – вторая треть XIV–XV вв. (Полубояринова, 1994, с. 81). Исходя из этого, а также наличия на

белорусских памятниках иного материала, связанного с северным импортом, считаем возможным отнести их к продукции, изготовленной по образцу северорусских крестов-тельников.

Тип III. Кресты с округлыми концами лучей (рис. 19).

Особенностью данного типа является наличие отверстия для подвешивания с лицевой стороны верхнего луча, в отличие от большинства, у которых подобные отверстия располагаются в боковой грани верхнего луча.

Единственный крест, размером 2,4×1,9 см, найден на Полоцком детинце и датируется XI в. (рис. 18:1; № 168 (Штыхов, 1956, рис. 200:5)). По мнению исследователей, данная находка изготовлена под влиянием прибалтийских или северопольских культурных традиций (Розенфельд, 1978, с. 206).

Тип IV. Кресты остроконечные с прямым средокрестием (рис. 19).

Крест, размером 1,8×1,4 см, обнаружен в слое, датируемом дендрохронологически 60–70-ми гг. XIII в. в Полоцке (рис. 18:4; № 169 (Штыхов, 1965, рис. 200:6)).

Кресты с лучами подобной формы, но с квадратным средокрестием, широко известны в древностях Южной Руси и особенно Киева, где была обнаружена ювелирная мастерская XII – начала XIII вв., в которой производились такие артефакты (Івакін, 1993, с. 123, 126). Таким образом, влияние киевской ремесленной традиции на мастера, изготовившего полоцкий крест с острыми концами, очевидна. Однако ремесленник не последовал традиционной форме средокрестия, что привело к появлению своеобразного типа креста, характерного для белорусских территорий.

Местное производство подобных крестов подтверждается и находкой с новогрудского детинца, интерпретированной нами как заготовка для изготовления остроконечного креста, которая впоследствии была забракована (рис. 18:23) (Гуревич, 1973-А, рис. 34).

Тип V. Кресты прямоконечные с квадратным средокрестием (рис. 19).

Кресты, размером 1,5–2×1,5–1,8 см, найдены в количестве шести экземпляров в трех населенных пунктах: Берестье – 2 экз. (рис. 18:18–19; № 9–10 (Лысенко, 1985, с. 325)); Волковыск – 3 экз. (рис. 18:6–8; № 50–52 (Зверуго, 1975, рис. 21)); Масковичи – 1 экз. (рис. 18:17; № 112 (Дучиц, 1978, рис. 10)). На экземпляре из Волковыска и Бреста есть характерный для южнорусских крестов циркульный орнамент. На остальных четырех он отсутствует, что является признаком их северного происхождения (Розенфельд, 1978, с. 204–205).

Тип VI. Кресты с криновидными концами (рис. 19).

Найден в единственном экземпляре, крест размером 2,8×2,8 см, на детинце древнего Слуцка в слое рубежа XII–XIII вв. (рис. 18:21; № 180 (Колединский, 1987-А, с. 94)). Стратиграфическая датировка слуцкой находки соответствует периоду бытования данного типа крестов в Новгороде в XII – начале XIII в. (Полубояринова, 1994, с. 81)]. Являясь продуктом северорусского происхождения (Розенфельд, 1978, с. 204), крест из Слуцка приобрел свою декоративную особенность в виде процарапанного на лицевой стороне четырехконечного креста; вероятнее всего, уже в Беларуси. Сделано это было для усиления его семантического значения как христианского символа.

Основным поставщиком янтаря в Беларусь был прибалтийский регион. По Западно-Двинскому и Неманскому водным путям он распространялся в Центральную Беларусь через северные и северо-западные регионы, оседая в городских центрах (рис. 20). Исходя из датировки материала, проследим тенденции появления янтарных крестов в Беларуси.

В XI в. янтарь являлся редким материалом на севере Беларуси. Единственный крест из Полоцка датируется этим временем. Со второй половины XII в., в связи с ростом прибалтийского импорта янтаря и его обработки в городах Северной Руси, на белорусские земли поступает значительное количество янтарного сырья и соответствующей продукции. С этого времени в городах Беларуси появились следы обработки янтаря. Массовый археологический материал дает основание предположить наличие данного вида ремесла в Волковыске (Тарасенко, 1957а, с. 272), в Полоцке (Штыхов, 1965-А, с. 268), в Гродно (Голубович, без года-А, с. 35). Не было сложным для местных мастеров освоение такого вида продукции, как янтарные кресты. Об этом свидетельствуют заготовки из Новгрудка (рис. 18:23 (Гуревич, 1973, рис. 34)) и Полоцка (рис. 18:5 (Штыхов, 1965-А, рис. 200:8)). Несмотря на то, что приток янтаря из Прибалтики сократился в XIII в., кресты из этого материала продолжали бытовать на территории Беларуси, о чем свидетельствуют их находки в

слоях XIII в. в Гродно, Волковыске, Полоцке, Берестье, Масковичах и Клецке. С XIV в. наблюдался наибольший приток янтаря из Прибалтики в северорусские земли, что отразилось на количестве изготовленных из него предметов и, в частности, крестов-тельников (Полубояринова, 1994, с. 81). Не остались в стороне от этого наплыва и белорусские земли, где вновь появились кресты, изготовленные под влиянием северорусской культурной традиции (находки крестов XIV в. в Минске, Новогрудке, Мстиславле).

Таким образом, анализ белорусского археологического материала, в частности, находок янтарных крестов-тельников, указывает на тесную связь производства и импорта рассмотренной категории ПХК с северорусской янтарной индустрией и культурной традицией.

Попытаемся также определить носителей данного типа оберегов. Отсутствие янтарных крестов на селищах и в курганных могильниках исключает сельское население из ряда их возможных обладателей. Комплексный анализ показывает на наличие янтарных крестов в памятниках, изобилующих, в большинстве случаев, крестами-тельниками из других пород камня. Это указывает на родство их сакрального значения. Кроме того, общерусский материал указывает на факты концентрации обработки янтаря у городских храмов и в монастырях. Так, скопление янтаря и наличие мастерских по его обработке зафиксировано на территории Михайловского монастыря в Киеве, возле Успенского собора в Ростове, у церкви Николы Набережного в Муроме (Розенфельдь, 1978, с. 199–200). Подобные явления наблюдаются и на территории Беларуси. В руинах Нижней церкви в Гродно обнаружено до 200 кусков необработанного янтаря (Голубович, без года-А, с. 35), в Минске на усадьбе В, находящейся в непосредственной близости (на восток) от недостроенного храма, найдено четыре каменных креста, два из которых – янтарные (Загорульский, 1982, с. 185). Все это указывает на изготовление данного типа продукции, наряду с торгово-ремесленным кругом, и в среде церковного клира как для собственных нужд, так и для прихожан. Маленькие размеры, особая нарядность форм отдельных типов (кресты с криновидными концами) и, конечно, эстетическое воздействие янтаря, который часто использовался при изготовлении украшений, дают основание предположить, что основным потребителем данной продукции среди прихожан были дети и женщины, принадлежащие к высшим социальным сословиям и, в первую очередь, к сословиям знати и духовенства.

2.3. Костяные кресты

Наименее малочисленная группа крестов-тельников, насчитывающая два экземпляра из Гомеля. В основу их классификации положены те же принципы, что и для каменных крестов-тельников.

Тип I. Кресты прямоконечные с прямым средокрестием (рис. 19).

Крест, размером 1,7×2,3 см (обломан), с прочерченным на лицевой стороне в средокрестии равноконечным крестом, найден в постройке № 19 на детинце древнего Гомеля среди материалов XII – начала XIII вв. (рис. 17:18; № 58 (Макушников, 1987-А, с. 30)).

Тип II. Кресты с круглыми в сечении лучами (рис. 19).

Крест, размером 2×1,8 см, найден на детинце Гомеля среди материалов XII в. (рис. 17:19; № 59 (Макушников, 1988-А, с. 46)). Особенностью данного экземпляра является гравированное изображение равноконечного креста в средокрестии и цилиндрические свинцовые оправы диаметром 0,6 см на каждом луче. Прямых аналогов кресту найти не удалось, однако близкая схожесть в оправлении лучей металлическими накладками просматривается с каменными крестами из рязанских кладов (Даркевич, 1982, с. 197–199). Именно с этим городом связывают происхождение группы «корсунчиков» в окладах. Гомельский экземпляр скорее был местным подражанием продукции Юго-Восточной Руси. Мастер, не обладая достаточным экономическим потенциалом, заменил дорогостоящий камень на кость и приближенно передал отделку окладов, ограничившись лишь парами псевдожгутиков по краям каждого цилиндра.

На Беларуси металлический оклад креста-тельника известен на каменном экземпляре из Маскович (рис. 16:13; № 100 (Дучиц, 1988, с. 14)) и могильника у деревни Хавхолица Борисовского района (шиферный крест окантован серебряными бляшками (Дучыц, 1996, с. 39)). На масковичском кресте оклад сохранился только на верхнем луче. Однако, вполне возможно, что так было предусмотрено производителем. На эту мысль наводит наличие аналогичного варианта в Новгороде (Колчин, 1981, с. 103).

Костяные кресты не являлись массовыми и использовались в редких случаях, когда низкая

материальная обеспеченность потребителя не позволяла приобрести продукт высшего качества. Дешевый материал нередко маскировался под высококвалифицированную продукцию путем придания ей наиболее популярной формы и благодаря декоративной отделке с использованием цветного металла, как, например, в случае с гомельской находкой. Для местного изготовления костяных крестов использовались образцы каменной пластики. Кость в данном случае становилась более или менее достойной заменой камню благодаря своей прочности, а, следовательно, и долговечности. Способность кости хорошо сохраняться в культурных слоях многих белорусских памятников, о чем свидетельствует массовый материал, дало бы нам значительное количество костяных крестов, будь они распространенным явлением на белорусских землях. Однако их количество мизерно, и присутствуют они лишь в Гомеле. Близость к территориям Восточной Руси, где в конце XIV – начале XV вв. развернулась широкая индустрия резных костяных крестов, указывает на контакт этих земель с ареалом возникновения и бытования традиций изготовления костяных тельников, которая в дальнейшем превратилась в широкомасштабное культурное явление восточных и северо-восточных древнерусских земель.

2.4. Кожаные кресты

Единственный зафиксированный крест из прямоконечных кожаных ремешков с ромбовидным узлов в средокрестии, размером 6×3,8 см, найден в постройке № 11 на Верхнем замке Витебска в слое конца XIII – начала XIV вв. (рис. 21:7; № 24 (Колединский, 1991, с. 202)).

Аналогичные плетеные кресты были обнаружены в захоронениях, датируемых не ранее начала XIII в. у Минского храма. Погребения были совершены по обряду трупоположения с западной ориентировкой в дощатых сосновых гробах, обернутых большими кусками бересты. Кресты, сплетенные из кожаных шнурков, находились на груди погребенных (Тарасенко, 1957б, с. 231–232). Подобное явление зафиксировано при раскопках погребений Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде, где они датируются XIII в. (Каргер, 1946, с. 206, 208, 222).

Российские исследователи относят подобного рода находки к ряду атрибутов монашеской братии, в состав которой входили не только кожаные кресты, которые носили на шее, но и конструкции из нескольких подобных крестов, а также кожаные пояса с тисненым изображением двунадесятых праздников. Погребения, по данным древнерусского материала, в которых прослежены такие явления, датируются XI – первой половиной XVI вв. (Панова, 1995, с. 70).

Эти факты указывают на принадлежность данного типа белорусских крестов духовному клиру и, в частности, монашескому кругу, связанному, по всей видимости, с северной церковной традицией.

Кожаный крест, исходя из материала и простоты формы, призван был символизировать, в первую очередь, аскетизм его обладателя. Изготавливался он из кожаной плотной полосы, которая при специфическом плетении приобретала форму креста. Нами путем реконструкции была воссоздана техника такого плетения (рис. 21:1–6). В ходе изготовления на последней ее стадии для придания крестообразной формы необходимо было прикладывать усилия для затяжки узла в средокрестии. Для этого удобнее всего было использовать зубы и руки одновременно, растягивая концы ремешка (шнурка) в разные стороны. Возможно, могли использоваться инструменты типа клещей, однако это маловероятно. Вследствие этого на концах кожаного креста оставались едва заметные повреждения, которые можно принять за следы от заклепок или какого-либо иного декоративного украшения. Таким образом, витебская находка указала еще на один тип нательного креста, используемого особой социальной группой. В данном случае – монахами и представителями низшего духовного сословия.

* * *

Кресты-тельники и так называемые крестовидные подвески на Беларуси появились в период принятия христианской религии как государственной для земель Древней Руси. Подобной формы амулетов белорусский регион не знал до конца X в.

В этот период становления христианской религии в странах Центральной и Восточной Европы в крупнейших культурно-политических центрах появляются первые археологические свидетельства о принятии высшими социальными слоями христианской веры. Это отразилось на использовании в их обиходе ПХК и создании христианских общин, что зафиксировано документальными источниками, процессом начавшегося храмового строительства и организацией первых монастырей.

Представленный археологический материал, в частности, металлические кресты-тельники

конца X–XI вв., рассматриваемый в контексте зафиксированных событий этого периода рисует иную, чем было принято считать ранее, схему проникновения первых носителей христианского культа на территорию Беларуси. В данном случае обозначается четко выраженный северный вектор этих процессов.

На наш взгляд, на этап первого знакомства населения белорусских земель с христианством безусловно оказали влияние следующие факты: наличие пути «из варяг в греки»; значительная роль в этот период в торговой и военной сферах варяжского элемента (раннее знакомство викингов с христианством в ходе своих военных походов не вызывает сомнений); династическая преемственность и связь в держании престолов удельных княжеств (в Полоцке, Турове, Киеве, Новгороде); активные контакты в первой половине XI в. Полоцка с Новгородом, что привело к появлению массы новгородцев и созданию князем Всеславом в 1066 г. в Полоцке Новгородского погоста (Штыхов, 1965, с. 308).

Логическим завершением первого этапа знакомства Полоцкой земли с христианством и принятие его в качестве государственной религии как необходимого фактора сосуществования в политической, культурной и экономической сферах с соседними государственными объединениями стало строительство храма святой Софии и развитие Полоцкой епархии.

Что касается предположений о якобы имевших место влияниях на процесс христианизации белорусских земель со стороны ирландских миссионеров, западноевропейских духовных лиц (миссия епископа Рейнберга в 1012 г. в Турове), крещение отдельных регионов белорусских территорий во время военных походов княгини Ольги, Владимира Святославовича и Ярослава Мудрого, то они на сегодняшний день не подтверждаются археологическим материалом.

Благодаря переменам в социокультурной жизни древнерусских княжеств, в связи с принятием христианства, крест как сакральный символ нашел свое отражение в материальной культуре белорусских земель. Отчасти он играл роль декоративного объекта в случае, когда владелец до конца не осознавал его семантического значения. Подобное явление наблюдалось лишь в регионах, где население поверхностно соприкоснулось с носителями христианской веры. На территории Беларуси первыми такими регионами стали город Полоцк и радимичские земли, где в курганных захоронениях конца X–XI вв. обнаружено значительное количество крестов с изображением Распятия и крестов «скандинавского» типа, которые указали на тесный контакт населения с христианизированными выходцами из северных земель, в том числе и скандинавским элементом. Это были первые следы визуального восприятия языческим населением христианских символов и принятия их в пантеон своих сакральных предметов. Несомненно, женщины всегда были наиболее восприимчивы к мистериям и эстетически-эмоциональному воздействию, что объясняет широкое использование крестов в их внешнем убранстве и атрибутике.

Относительно мнения о нехристианской символике креста в составе ожерелий с привесками иного рода, хотелось бы отметить византийскую традицию помещения нательного креста в состав декоративных монист. Об этом свидетельствуют материалы, хранящиеся в собрании Государственного Эрмитажа и датируемые ранним средневековьем (Банк, 1960, с. 122). Эта традиция нашла свое отражение в христианской культуре Древней Руси. Например, ожерелье из металлических привесок и бочкообразных бус с крестом в центре, принадлежащее христианке, найдено в ограде Михайловского монастыря в Киеве (Рыбаков, 1971, с. 27). Известно подобное явление в Прибалтийских землях и Скандинавии, где выявлены различные варианты ношения креста (рис. 2; 3). Кроме того, по данным духовных грамот, русские княгини XV–XVI вв. носили кресты в составе монист вместе с бусами, причем, нередко в ожерелье было несколько крестов (Макаров, 1997, с. 154). Подобное явление наблюдалось и в более позднее время. Например, при вскрытии погребения № 11, датируемом XVII в., в Благовещенской церкви Витебска, на детском костяке обнаружено ожерелье из глиняных, стеклянных и янтарных бус с перламутровым крестом-тельником в середине (Бубенька, 1994, с. 6–7).

Исходя из этого, нельзя полностью отрицать христианскую символику креста, помещенного в состав декоративного ожерелья, несмотря на раннюю датировку памятника.

Топография первых в Беларуси крестов-тельников указывает на проникновение их из северных регионов по пути «из варяг в греки», а также возможным транзитом через Смоленские земли. Однако с XI в. из Прибалтики по Березинскому пути на юго-восток и в направлении на юг от Браславщины к Минску поступают объемные кресты с утолщенными профилированными лучами, а также экземпляры, давшие

впоследствии образцы для местного изготовления ромбоконечных и круглоконечных крестов, в основу конструкции которых были положены формы прибалтийских украшений (фибул и булавок (рис. 20)). В них также нашли свое отражение трапециеконечные и ромбоконечные экземпляры так называемых крестовидных подвесок из листового серебра, широко известных в северных землях и на Смоленщине в ареале скандинавских традиций – Гнёздове.

В XII–XIII вв. за счет новых моделей прибалтийского, южного и восточнорусского импорта, давших обширный материал для местной модификации, пестрота форм крестов-тельников из металла достигла своего апогея. В это же время после фрагментарного появления на Беларуси янтарных крестов XI в. прибалтийского происхождения на наши земли хлынул поток мраморных, порфиритовых, сланцевых крестов-тельников из Северо-Восточной и Южной Руси по Припятскому, Днепровскому, Бужскому водным путям. Со второй половины XII в. к этому процессу подключилась продукция янтарной индустрии северных областей, распространившаяся в северном, центральном и западном регионах Беларуси, подключив к процессу миграции Неманский водный путь (рис. 20). Все это, а также достаточный уровень производительных сил и экономического потенциала белорусских территорий дало основу для развития местного производства крестов-тельников. Местные ремесленники копировали и перерабатывали привозные образцы, что дало жизнь целому ряду типов нательных крестов, не имеющих аналогов, это: новогрудские, волковысские, вищинские, полоцкие, масковичские экземпляры. На концентрацию производства металлических и янтарных крестов-тельников на севере, северо-западе и северо-востоке Беларуси, указывают находки литейных форм для изготовления металлических крестов в Волковыске – датируется XII–XIII вв. (рис. 11:2 (Зверуго, 1975, с. 38)), Полоцке – 40-е гг. XIII в. (рис. 11:3 (Штыхов, 1965, с. 54)), Лукомле – XII–XIII вв. (рис. 11:4 (Штыхов, 1973-А, с. 4)), Витебске – XIII–XIV вв. (рис. 11:1 (Бубенько, 1994а-А, с. 18), новогрудский литейный брак (рис. 8:19), заготовки янтарных крестов в Новогрудке (рис. 18:23) и Полоцке (рис. 18:5).

Южные территории Беларуси довольствовались привозной продукцией, восполняя ее нехватку изготовлением крестов-тельников из нестандартного, редко используемого в этом направлении материала – кости. Об этом свидетельствуют гомельские находки костяных крестов.

Со второй половины XIII в., вследствие упадка культурных центров юга Руси, и весь XIV в., приоритеты в импорте данной категории ПХК максимально сдвинулись к северным и северо-восточным землям, а также востоку, где зародились новые производственные центры Московского княжества. Это, в первую очередь, отразилось в материале древнего Мстиславля. Комплексный анализ археологического материала, сопутствующего находкам крестов-тельников и аналогичных экземпляров соседних территорий, дал нам возможность более точно датировать белорусский материал и указать на ряд доминирующих типов, являющихся в своем роде законодателем мод в тот или иной период истории. Это кресты с утолщенными, тонкими перекладчатыми, криновидными концами. На территории Беларуси не получили распространения некоторые типы и даже группы тельников, как, например, кресты из глины и стекла. Нами были выделены типы крестов, не входящие в разряд массовой продукции, а также изготовленные под заказ или в качестве эксперимента, как, например, шиферные кресты из Новогрудка (рис. 15:13–14; № 144–145), металлические кресты из Слуцка (рис. 10:14; № 177), Витебска (рис. 7:8; № 21), Полоцка (рис. 10:9, 13; № 159, 216), Волковыска (рис. 10:15; № 36), Масковичи (рис. 10:10; № 108).

Были выделены группы крестов-тельников, в доминирующей массе своей используемых представителями отдельных социальных слоев общества. Так, например, металлические кресты конца X–XI вв. были приоритетом богатого сельского и городского сословий. С XII в. в обиход социальных верхов, в первую очередь, торгово-ремесленного и военного сословий входят каменные кресты. Причем тельники из мрамора и сланца в большинстве принадлежали мужчинам, а кресты из янтаря – женщинам и детям. Наряду с ними в обиходе оставались и металлические кресты для представителей низших уровней внутрисословной иерархии. Металлические кресты с эмалью являлись дорогим украшением и, несомненно, были в употреблении среди высшего сословного ранга. Кроме металлических крестов в среде беднейшего населения иногда использовались кресты из кости. Как показатель аскетизма монахи и низшие духовные клирики в XII–XIII вв. носили кресты, сплетенные из кожаных ремешков. Со второй половины XIII в., в связи с нашествием монголо-татар, наблюдается экономический упадок земель Древней Руси. Это сказалось на уменьшение количества нательных крестов вплоть до

XIV в. Исчезают из обихода каменные кресты, а количество крестов из янтаря значительно сокращается. Металлические экземпляры лишь изредка поступают в некоторые регионы Беларуси, в основном на восточные ее земли. Позднее, с конца XIV – начала XV вв., эта категория ПХК преобразилась, получив новый толчок в своем развитии благодаря влиянию Северо-Восточной и Восточной Руси, что привело к появлению на территории Беларуси костяных наперсных крестов и металлических тельников упрощенных форм с композиционными изображениями.

Таким образом, кресты-тельники в Беларуси, став одним из важнейших визуальных показателей конфессиональной принадлежности христиан, прошли долгий и сложный путь эволюции своих форм, синкретизировав в себе культурные традиции соседних территорий и местный колорит.

ГЛАВА III
КРЕСТЫ-ЭНКОЛПИОНЫ

Металлические кресты, состоящие из двух соединенных створок и образующие емкость для хранения и транспортировки мощей, получили название энколпионы. В историографии Восточной Европы приняты также термины «крест-энколпион» или «крест-реликварий». Впервые слово «энколпион» в значении креста-реликвария появляется в IX в. в письме греческого патриарха Никифора к папе Льву III в 811 г. Патриарх кроме всего посылает в Рим золотой энколпион с реликвией Святого Креста (Wołoszyn, 2001, s. 30). Иногда в отношении данной категории ПХК в европейской литературе можно встретить термин «пектораль» от латинского «pektus» – грудь. Нередок и термин «филактерия» в отношении предметов, основной функцией которых является помощь, оберег, защита. Правда, проблема использования этих терминов в отношении крестов-энколпионов до конца еще не решена (Wołoszyn, 2001, s. 30).

Имея греческое происхождение, данный термин переводится как «на груди» (Gródek-Kciuk, 1989, s. 97) или «за пазухой» (Рындина, 1996, с. 191). Это отражает способы ношения данного оберега, среди которых основным считают – поверх одежды (рис. 1 (Корзухина, 1958, с. 131)). При раскопках древнего Мстиславля зафиксирован случай хранения креста-мощевика в шёлковом мешочке (Алексеев, 1974, с. 213). Данный феномен можно связывать с традицией пилигримов носить при себе небольшие мешочки из ткани или кожи, так называемые саквы, где в свою очередь хранились приобретенные ими реликвии (Szczepkowska-Naliwajek, 1996, s. 74). В некоторых случаях было парное (и более) ношение энколпионов высшими иерархами христианской церкви (Gródek-Kciuk, 1989, s. 97). Зачастую крест-реликварий был показателем значительных жизненных событий, пережитых его обладателем (например: крещение, хождение в Святую Землю и т.п.). Позднее, в связи с наплывом святых реликвий в Древнюю Русь, а следовательно, увеличением производства данной категории ПХК, круг их обладателей значительно расширился, включив в себя не только представителей духовного клира, но и светские, достаточно обеспеченные слои общества.

Ряд энколпионов дошли в составе иконного «приклада», т.е. когда их прикладывали к чудотворным иконам. Кроме того, необходимо отметить, что в письменных источниках XII–XIV вв. наперсные кресты нередко именовались крест-икона или просто икона (Рындина, 1996, с. 191).

Данной категории ПХК посвящен наиболее значительный круг специализированной литературы. Пристальное внимание уделяется практически всем случаям нахождения в археологических комплексах этого типа артефактов, являющегося неоценимым источником в изучении социокультурных процессов отдельных регионов.

К настоящему времени проведен ряд исследований, касающихся изучения общей совокупности и отдельных типов крестов-энколпионов. Используя материалы Н.П. Кондакова, Н.И. Петрова, впервые обративших внимание на такой вид памятника как энколпионы, советские исследователи предложили основные подходы к классификации данного типа артефактов.

Так, Г.Ф. Корзухина взяла за основу технологические способы отделки, выделив таким образом три основные группы древнерусских энколпионов: рельефные, рельефно-гравированные и гравированные (Корзухина, 1958, с. 133). А.А. Мединцева разработала классификацию, которая основывалась не только на технологических, но и сюжетных особенностях (Медынцева, 1961, с. 61–68). В.Н. Зоценко считал, что классификация энколпионов, в основе которой лежит технология изготовления, позволяет выделить лишь технологические группы, а не типы. Типы же энколпионов должны выделяться на основе принципа схожести их сюжетно-композиционных схем (Зоценко, 1981, с. 114). В конце 1980-х гг. в Польше на основании всех вышеуказанных принципов была создана одна из наиболее удачных, на наш взгляд, классификаций древнерусских энколпионов, найденных на территории Польши (Gródek-Kciuk, 1989, s. 97–129). Работы описательного характера или же посвященные особым иконографическим сюжетам на энколпионах, подготовлены советскими, российскими, украинскими и белорусскими исследователями (Алексеев, 1974, с. 204–219; Алешковский, 1972, с. 104–125; Дучыц, 1983, с. 57–58; Пекарська, 1989, с. 84–94; Седова, 1981, с. 55–61; Семянчук, 1999, с. 90–92; Станчак, 1993, с. 87–95; Ширинский, 1999, с. 131–141).

Не обошли стороной эти прекрасные памятники средневекового ювелирного ремесла исследователи из ряда европейских стран. Некоторые из них ограничились сбором на определённой территории и сведением данной категории ПХК в каталоги (Petrović, 1997; Марјановић-Вујовић, 1987). Другие же попытались включить энколпионы в более широкий контекст изучения эпохи Средневековья и непосредственно процессов христианизации (Ginalski, 2000; Staecker, 1999; Wołoszyn, 2001).

Исходя из накопленного фактического материала и проведенных научных разработок по изучению данной категории ПХК, нами сделана попытка комплексно обобщить и проанализировать значительную группу белорусских находок, датируемых XI–XIV вв. Особое внимание уделено основным направлениям и этапам проникновения энколпионов на Беларусь, регионам их локализации, топографии находок, датировке (исходя из стратиграфического материала белорусских памятников), характеристике некоторых типологических групп и отдельных экземпляров, заслуживающих, на наш взгляд, особого внимания, а также проблеме возможного местного производства.

На Беларуси к началу 2000-х гг. зафиксировано 88 энколпионов, датируемых XI–XIV вв. Значительная их часть сохранилась фрагментарно (учтены 3 навершия). Среди них два энколпиона из Мстиславля учтены по их описанию, данному в каталоге предметов, доставленных на археологическую выставку при IX археологическом съезде в Вильно в 1893 г. (Каталог…, 1893, с. 34, 38), а крест из деревни Дулебы Березинского район Минской области – по описанию Г.Х. Татура (Татур, 1892, с. 144). Энколпионы из бывших Слуцкого, Мозырского и Пинского уездов, включены исходя из описания данного Н.И. Петровым (Петров, 1897, с. 76). Изображения и описания фрагмента креста из Зборово автор находки в полевой документации не дал (Соловьёва, 1968-А, с. 13). Один из энколпионов, найденный в Гродно, имеет плохую сохранность, что не даёт возможности определить его сюжетно-композиционную структуру (Durczewski, 1939, s. 8). Несмотря на описательный характер информации, плохую сохранность и фрагментарность отдельных экземпляров, они будут рассмотрены в контексте изучаемой проблемы и включены в общую статистику.

Все кресты-энколпионы Беларуси разбиты на три технологические группы в соответствии с разработками Г.Ф. Корзухиной и содержащие типы, исходя из сюжетной композиционной структуры и формы. Группы рельефных и гравированных представляют наибольшее разнообразие типов, чем рельефно-гравированные.

Начиная свою историю с VI в. в византийских провинциях, прямоконечные с расширяющимися лучами и гравированным изображением энколпионы («сирийские»), с территории Ближнего Востока (Сирия, Палестина), широко распространились в страны Северной Африки, Центральной и Южной Европы. Известны они и в памятниках Восточной Европы периода Древней Руси. Через один из значительных транзитных центров Причерноморья – Херсонес, а также болгарские земли, подобные кресты проникли на юг Древней Руси, где сосредоточена основная масса находок, так называемых «сирийских» энколпионов, вопрос о датировке которых еще не решен (время бытования предположительно VI–XII вв. (Куницький, 1990, с. 106–116)).

Одним из близлежащих к Беларуси регионов, где был найден «сирийский» энколпион, датированный второй половиной X в., является Гнёздовский комплекс (Асташова, 1974, с. 249–251). Роль верхнего течения Днепровского пути в миграции носителей данного типа энколпионов, таким образом, не вызывает сомнений. В связи с этим неудивительным кажется появление подобного рода артефактов в памятниках Верхнего Поднепровья.

В фондах Национального исторического музея Республики Беларусь (КП 1070/328) нами обнаружена интересная находка креста энколпиона неудовлетворительной сохранности из раскопок 1958 г. древнего Друцка. Металлический крест, размером 4×2,6 см (с ушком), состоящий из двух сильно коррозированных створок с прямыми концами и слегка расширяющимися лучами, идентичен по форме и близок по размерам к крестам «сирийского» типа конца X – начала XI вв., найденным в Болгарии, на юге Древней Руси и в Херсонесе (Корзухина, 1958; Куницький, 1990, рис. 4:2; Миглев, 1963, с. 29; Јанковић, 1997, с. 44–45). К сожалению, сильные повреждения креста делают гравировку нечитаемой, но, судя по аналогиям, можно предположить на нем изображения Богоматери Оранты и Распятия (рис. 38:1; № 24).

Отметим еще одну весьма необычную находку в кургане № 2 могильника близь деревни Денисковичи Жлобинского района Могилевской области. Это бронзовый односторонний нательный крест, размером 4,3×4 см, с рельефным изображением распятого Иисуса Христа в длинном хитоне в центре и четырех погрудных фигур святых на лучах (рис. 7:1; № 223 (Богомольников, 1975-А, с. 17–18)) . Интересным является то, что размеры, стилистика и композиция абсолютно идентичны широко известным энколпионам сирийского типа с территории Болгарии, где они датированы серединой X–XI вв. (Марјановић-Вујовић, 1987, с. 30–35; Миглев, 1963, с. 30–31; Манова, 1963, с. 77). Крест из Денискович, вероятнее всего, был отлит с лицевой стороны подобного энколпиона и использовался в качестве нательного креста в составе ожерелья, лунницы и бусы которого были найдены в одном комплексе. Кроме того, на подвесное ушко креста припаялась бисерина, что подтверждает вышесказанное. К сожалению, мы не можем определить место изготовления данного артефакта. В равнозначной степени можно утверждать как его местное происхождение, так и изготовление в одном из южных производственных центров. Очевидно одно – мастер, имея образец и отливая копию со створки энколпиона, либо не имел достаточного опыта для изготовления реликвария, либо имел дело лишь с одной створкой. Другая створка на которой, согласно аналогиям, была изображена Богоматерь Оранта с четырьмя евангелистами на лучах, возможно, была мастеру просто не доступна. Учитывая уникальность находки, мы посчитали целесообразным обратить внимание на данный артефакт в разделе о энколпионах. Именно в данном контексте информация о нем вписывается наиболее удачно.

Вышерассмотренные экземпляры пополняют картотеку распространения «сирийских» энколпионов на территории Древней Руси, являясь при этом пока первыми артефактами такого рода на Беларуси. Находки из Друцка и Денисковичей, будучи иконографически ранними экземплярами, открывают первый этап проникновения подобной категории ПХК на белорусские земли во второй половине XI в.

Несмотря на общепринятую дату появления некоторых типов энколпионов «киевского» типа в конце XI в. (рельефные кресты с округлыми концами и парными выступами на лучах с изображениями Богоматери и Иисуса Христа, Богоматери с младенцем и Распятия, святых Бориса и Глеба), белорусский материал не даёт ни одного факта стратиграфической фиксации подобных энколпионов в слоях или комплексах, датируемых этим временем.

Начало XII в. характеризуется становлением удельных княжеств на Беларуси и их стремлением к упрочнению своих позиций путем привлечения в свои вотчины представителей духовного клира и строительством храмов в Гродно, Новогрудке, Полоцке, Витебске, Минске, Волковыске и др. Также наблюдается усиление церковной структуры в

системе государственной власти, что привело к широкомасштабному проникновению в Беларусь такого вида продукции южнорусских производственных центров, как кресты-энколпионы.

Особое внимание следует уделить событию, в значительной степени изменившему политическую ситуацию на белорусских землях и повлиявшему на культурную жизнь региона – это возвращение в 40-х гг. XII в. из Византии изгнанных князей Всеславичей. Вероятно, именно их деятельность по укреплению государственной и церковной власти, исходя из опыта, приобретенного в Византии, способствовала увеличению темпов христианизации и, соответственно, популяризации отдельных категорий ПХК среди местного населения. Об этом свидетельствует значительное количество энколпионов и других ПХК, нижняя дата которых определяется второй четвертью XII в., найденных на территории Полоцкого княжества и прилегающих земель.

В этом процессе сыграли роль укрепившиеся межрегиональные торговые и культурные связи. Нельзя из этой системы исключать миграционные процессы, связанные с военными действиями и миссионерской деятельностью. В XII в. приобрело широкий размах паломничество как результат усилившихся контактов представителей государственной и церковной иерархии с правящими кругами Византии и восточно-христианской церкви. Так, широко известны факты посещения Евфросиньей Полоцкой Святой Земли и приобретение при дворе константинопольского императора знаменитой иконы Богоматери Эфесской и другой церковной утвари, а так же попытка путешествия князя Войшелка в XIII в. в Святую Землю. Паломники способствовали активному знакомству с достижениями христианской материальной культуры регионов отдаленных от производственных и духовных центров.

Феномен паломничества тесно связан с перемещением христиан в пространстве и в первую очередь со стремлением их посетить Святую Землю. Это повлекло за собой появление ряда предметов, необходимых пилигримам и, в частности, для хранения и транспортировки христианских реликвий.

Термином «реликвия» обозначаются посмертные останки святого, а также предметы, связанные с его жизнью. Христианский культ святых реликвий берёт начало в позднеантичной культуре. В ранних христианских источниках это понятие появляется в IV в. (Szczepkowska-Naliwajek, 1996, s. 17). Правда, реликвиями могли стать весьма необычные предметы. Так, например, зафиксирован факт использования как реликвии куска метеорита, который был помещен в специально изготовленный крест-энколпион. Он был обнаружен на городище в Трепче возле Санока (Польша (Ginalski, 2001, s. 364–365)). Вероятно, обладатель данной реликвии считал ее посланием Бога, в следствии чего заказал крест особых размеров, точно для помещения в его середину этой бесценной находки.

Анализ картографии энколпионов, производство которых широко было налажено в XII в. на юге Руси и продолжалось до середины XIII в., указывает на доминирование в процессе проникновения данного рода артефактов в Беларусь Днепровского речного бассейна. По Сожскому пути через Гомель (Бычков, 1989-А, с. 1; Макушников, 1986-А, с. 25; Макушников, 1989, с. 47–48) и Кричев (Метельский, 1988-А, с. 5) в сторону Мстиславля (Алексеев, 1974, с. 212–214), по Днепру, минуя Рогачёв к Могилёву (Алексеев, 1974, с. 208–209; Марзалюк, 1998, с. 45), а по Друти – к Друцку (Алексеев, 1974, с. 205–207), энколпионы в многочисленных своих вариантах отделки и композиционного изображения проникали в юго-восточные регионы Беларуси, оседая при этом не только в городских центрах, на городищах, но и в среде сельского населения (рис. 40).

Известен экземпляр гравированного энколпиона из кургана № 1 могильника X–XII вв. у деревни Курганье Жлобинского района, где он был найден у костяка мужчины в парном погребении, на горизонте с западной ориентировкой, богатым инвентарем и использованием огня при погребальном обряде (рис. 26:6; № 32 (Богомольников, 1974, с. 369–370)). Аналогичные кресты известны: в Гомеле, где датируется XI – первой половиной XIII вв. (Макушников, 1994, с. 63), а также Новгороде (Седова, 1981, с. 57), на Княжей горе (Ханенко, 1899, с. 16)), Западном Подолье (Ягодиньска, 1993, с. 69), музее в Киеве (Пекарська, 1989, с. 89).

Маленький прямоконечный с прямыми лучами энколпион с инкрустированным равноконечным крестом в поле, датируемый второй половиной XII – серединой XIII вв., обнаружен на селище у озера Комарино к югу от Рогачёва (рис. 26:3; № 29 (коллекция А.Н. Рикунова)). Такой крест известен и в городских древностях. В частности, аналоги найдены на окольном городе Новогрудка (рис. 38:1; № 24 (Гуревич, 1981, с. 114)) и на городище древнего Рогачёва (рис. 26:2; № 86 (коллекция А.Н. Рикунова)).

Далее, по былому пути «из варяг в греки», энколпионы XII – первой половины XIII в. распространялись уже благодаря Западно-Двинскому речному бассейну на северо-восток и север Беларуси, где основными центрами их локализации стали Витебск (Археалогия…, с. 135; Сементовский, 1890, с. 129), Полоцк (Штыхов, 1965, рис. 132:11, 15), Верхнедвинск (случайная находка В.В. Козлова на Замчище (рис. 27:1; № 3)), регион Браславских озер с центрами Дрисвяты (Семянчук, 1999, с. 90–92) и Масковичи (Дучиц, 1988-А, с. 8; Дучиц, 1976-А, с. 11; Дучыц, 1991, с. 5). В то же время, волна крестов-реликвариев распространялась из Друцка на запад в сторону Минска (Бычков, 1988-А, с. 12; Загорульский, 1982, с. 225; Руссов, 1987-А, с. 12). В проникновении данной категории ПХК в центральную Беларусь сыграл роль регион, прилегающий к Березинскому пути, вдоль которого, как было показано выше, концентрируются находки крестов-тельников XI–XIII вв. (рис. 40). Роль перевалочного пункта на этой магистрали могло играть городище Свислочь (Осиповичский район), в слоях которого было обнаружено два энколпиона: рельефный из серии «Пресвятая Богородица, помогай!», датируемый серединой XIII в. (рис. 38:7; № 70) и гравированный прямоконечный с расширяющимися концами (рис. 38:3; № 71 (Загорульский, 1971-А, с. 3)).

Последняя находка заслуживает особого внимания ввиду необычности ее формы. Энколпион имеет ступенчатый прямоугольный выступ между лучами в верхней части средокрестия. По ряду показателей – отсутствие рельефного изображения, гладкая поверхность, прямоконечные, слегка расширяющиеся лучи, данный экземпляр можно отнести к группе гравированных с изображением Распятия и Богоматери, сопоставив с крестами из могильника у деревни Курганье (рис. 26:6; № 32 (Богомольников, 1974, с. 369–370)), Бреста (рис. 26:8; № 1 (Лысенко, 1999, с. 178)) и Гомеля (рис. 26:7; № 10 (Макушников, 1986-А, с. 25)). На данных крестах изображение наносилось резцом достаточно глубоко для лучшего чернения или инкрустации серебром, как в случае экземпляра из Гомеля. На свислочском кресте, однако, не обнаружено никаких следов гравировки. Данный факт и необычная форма средокрестия характеризуют энколпион из Свислочи как экспериментальный вариант, не ставший серийным. Отсутствие изображения дает возможность интерпретировать эту находку скорее как заготовку или брак, чем как тип креста, не предусматривающий изображения на оборотной стороне. Утверждение о местном производстве этого экземпляра было бы преждевременным, но предположение о попадании в этот регион бракованного креста, бывшего в употреблении, кажется убедительным.

Распространению энколпионов на южных землях Беларуси безусловно способствовали коммуникации, локализовавшиеся в бассейне реки Припять. Несмотря на симптоматичность подобных находок на средневековых памятниках, расположенных вдоль реки Припять, приходится констатировать достаточно скромное количество крестов-реликвариев XII–XIII вв. в этом регионе, несмотря на существование Туровской епархии, вероятно, с конца XI в. и тесные связи этих земель с Киевским культурно-политическим центром. Известны они в трех населенных пунктах: Олпень Столинского района (рис. 27:9; № 65 (Поболь, 1979, с. 111)), Снядин Петриковского района (рис. 29:2; № 75 (Іоў, 1997-А, с. 5, 12, 15)), Купятичи Пинского района (рис. 22; № 31 (Петров, 1897, с. 71–78)).

Особо необходимо рассмотреть находку из Турова, происходящую из слоя XII–XIII вв. (рис. 34:4; № 76 (Лысенко, 1974, с. 56)). Прямоконечный крест с прямыми лучами и изображением Распятия на лицевой стороне имеет близкие аналоги с находкой из Гродно, датируемой второй половиной XIV в. (рис. 34:3; № 14 (Durczewski, 1939, s. 8)), и Житомира, датируемой XIII в. (Ханенко, 1899, вып. 1, табл. X:124). Житомирский экземпляр имеет более поздний металлический оклад, что объясняет простоту формы данного типа крестов, характерную и для белорусских находок.

Сомнительной представляется нам их датировка. Канонические формы энколпионов XII–XIII вв. исключают рассматриваемые экземпляры из своих рядов. В крестах из Гродно, Турова и Житомира четко прослеживаются формы латинского креста. Такими же характеристиками обладают кресты-энколпионы с территории древней Моравии, правда, более раннего времени. Те же простые формы, грубая окантовка, невыразительная фигура Христа (Horničkowa, 1999, s. 213–250). Аналогичная, чётко выраженная форма известна также на примере креста-тельника из слоя XIV в. Берестья (рис. 7:9; № 1). Как видим, топография этих находок указывает на локализацию их в западных регионах, прилегающих к границам латинского мира. Вряд ли в период расцвета производства энколпионов и увеличения раскола в христианском мире в XII–XIII вв. в ходу была популярна категория ПХК с неприемлемыми для православного мира чертами христианского символа. Данный

феномен мог наблюдаться лишь в период проникновения католицизма на просторы Великого Княжества Литовского в конце XIV в. Ввиду этого, правильным считаем принять для рассмотренного типа крестов датировку, данную З. Дурчевским гродненской находке – вторая половина XIV в.

Необычный феномен приходится констатировать в отношении рельефного креста-энколпиона XII в. из деревни Купятичи Пинского района (рис. 22; № 31). Данный крест известен в восточнохристианской церковной традиции как чудотворная икона Божьей матери. История данной святыни впервые была изложена в «Сказании», составленном иеромонахом Киево-Печерской лавры Афанасием Кальнофойским и помещена в книге «Тератургима» в 1638 г., которая была напечатана на польском языке. Произведение это было создано на основании записок игумена Купятичского монастыря отца Иллариона Денисовича (Петров, 1897, с. 71). В нем излагалась легенда о явлении святыни и истории чудесных деяний креста-иконы. Отождествление креста и иконы не является случайным. В письменных источниках XII–XIV вв. наперсные кресты нередко именовались «крест-икона» или просто «икона» (Рындина, 1996, с. 191). История купятичского энколпиона завершилась его исчезновением после революции 1917 г. из Софийского собора Киево-Печерской лавры, куда он был перенесен православными монахами в середине XVII в. (Петров, 1897, с. 78). Почитание креста как чудотворного образа в Полесском крае, возможно, косвенно было вызвано редкостью, а соответственно, дороговизной такого рода артефактов в этом регионе. Появление данного типа крестов на Полесье необходимо связывать с двумя возможными путями их проникновения: из Среднего Поднепровья по Припяти и с территории Западной Украины и Юго-Восточной Польши, где концентрируется наибольшее количество таких находок (рис. 40 (Зоценко, 1981, с. 116–119; Gródek-Kciuk, 1989, с. 101–104; Wołoszyn, 2001)).

Хотелось бы остановиться на створке гравированного энколпиона из Берестья, найденного в слое XIV в. (рис. 26:8; № 1 (Лысенко, 1985, с. 266)). Сразу отметим, что размеры, форма и гравированно-чернёное изображение Распятия, Богоматери и Иоанна Крестителя по бокам практически идентичны энколпиону середины XII в. из Херсонеса (Корзухина, 1958, с. 133). Однако наблюдается существенное различие в сопроводительных надписях, нанесенных резцом. В отличие от херсонесского, крест из Берестья имеет лишь несколько надписей: под руками Христа – IC XC, а на верхнем луче – ОДУС (как принято читать данную надпись), которая, по мнению автора находки П.Ф. Лысенко, не подлежит расшифровке. Однако ввиду ряда наблюдений, хотелось бы предложить особый вариант дешифровки данных знаков. Еще на «сирийских» энколпионах часто встречаются на верхних лучах изображение солнца в виде круга и луны соответственно в форме «серпа». Эти же солярные знаки мы находим и на уже упомянутом кресте из Херсонеса. Таким образом, читаемые буквы «О» и «С» на брестском энколпионе следует отнести к тем же солярным знакам. А неудачное изображение луны как буквы «С» скорее следует списать либо на стертость данного символа на оригинале с которого делалась копия, либо на невнимательность мастера, который, возможно, и не подозревал о смысле наносимых им символов. По этой же причине буква «Х», которая должна была занять место после «Д» превратилась в читаемое нами «У». Подобные погрешности мастеров широко известны, отразившись в зеркальных надписях, грамматических ошибках при написании имен святых, неточности написания букв и т.д.

Следовательно, знаки на брестском кресте следует читать так: слева направо изображен солнечный диск, затем буквы «ДХ» и на конце «серп» луны. Теперь не составляет труда указать на значение сочетания этих двух букв. Как и на деревянном кресте из Звенигорода «ДХ» означает «Древо Христово» (Свешников, 1990, с. 53).

Куски дерева от креста, на котором был распят Христос, являются одними из самых известных и распространенных реликвий христианства. Очевидно, что именно для хранения подобной святыни и был изготовлен энколпион из Берестья по образцам южнорусских крестов. Нахождение его в слоях XIV в. лишь подтверждает его длительное использование, а также указывает на возможное более позднее время его копирования с экземпляра, бытовавшего с середине XII в.

Возможная роль Припятского водного пути в поступлении энколпионов второй четверти XII–XIII в. в Центральную Беларусь по реке Случь прослеживается в топографии находок схожих типов крестов с гравированно-черненым изображением сияющего восьмиконечного креста: Снядин (рис. 29:2; № 75), бывший Слуцкий уезд (№ 73), Минск (рис. 38:6; № 41). В дальнейшем проникновении энколпионов на запад сыграл свою роль Неманский водный путь с основными перевалочными базами и местами концентрации

находок – в Новогрудке (8 экз. (Гуревич, 1970, с. 11; 1971-А, с. 7; 1973-А, рис. 25:1, 3; 1974-А, рис. 44:1; 1981, с. 85)) и Гродно (4 экз. (Алексеев, 1974, с. 217-218; Durczewski, 1939, s. 8)). Не осталось в стороне от этих связей и городище Лоск, также находящееся в бассейне р. Неман (рис. 32:2; № 33).

Схожий типологический и хронологический комплекс энколпионов Друцка, Минска, Новогрудка, Гродно вырисовывает линию, по которой данная категория ПХК распространялась с востока Беларуси, из Приднепровского бассейна, на запад в Центральную и Северо-Западную Беларусь (рис. 40). Об этом свидетельствуют найденные в этих пунктах аналогичные рельефно-гравированные энколпионы с изображением Распятия с крестом вверху и Богоматерью на обороте – Друцк (рис. 27:5; № 25)), Минск (рис. 27:6; № 42), Новогрудок (рис. 27:7–8; № 57–58)); борисоглебские энколпионы с гравированными и рельефными изображениями святых в медальонах – Друцк (рис. 25:2; № 22), Гродно (рис. 25:3; № 13)); рельефные кресты из серии «Пресвятая Богородица, помогай!» – Минск (рис. 32:1, 5; № 40, 43), Новогрудок (рис. 38:4; № 56), Гродно (рис. 31:2; № 17).

Интересным в материале этих населенных пунктов является фрагмент креста-энколпиона с окольного города Новогрудка (рис. 38:10; № 59 (Гуревич, 1981, с. 85)). Фрагмент обнаружен в постройке № 16 в комплексе с каменным и металлическим крестами-тельниками. Сохранившаяся верхняя часть луча оборотной створки энколпиона дает возможность реконструировать его внешнюю форму. Это округлоконечный с парными выступами на лучах рельефный энколпион с круглыми медальонами-розетками, на которых обнаружены следы позолоты. Необычной является замена стандартных медальонов с изображениями святых или букв на декоративную розетку. Аналогов данному явлению найти не удалось, что характеризует находку скорее как экспериментальный, нежели массовый, материал. Учитывая достаточно широкое знакомство новогрудских мастеров с элементами христианской материальной культуры различных регионов и высокий уровень развития ювелирного ремесла, в том числе обработки драгоценных металлов, изготовление подобного образца местными мастерами было вполне возможно. Причем за основу была взята широко распространенная форма южнорусских энколпионов, а в отделке использовались индивидуальные вкусы и запросы как мастера, так и заказчика.

Необычная ситуация наблюдается в Волковыске. Несмотря на показатели существования в городе в XII–XIII вв. обширной христианской общины (массовые находки ПХК и попытка строительства храма), в слоях древнего города отсутствует такая категория ПХК, как кресты-реликварии. В соотношении с общим количеством ПХК индивидуального использования, найденных в Волковыске (19 экз.), вероятность не попадания энколпионов в культурный слой очень мала. Возможно, отсутствие данной категории ПХК на памятниках со значительными находками крестов-тельников и икон объясняется объективными причинами, то есть отдаленностью от путей их проникновения и не вхождение в регион заинтересованности носителей и распространителей данного типа оберега. Вероятна и субъективная сторона явления, связанная с существованием особой моды на использование тех или иных категорий ПХК в обиходе отдельных христианских общин.

С середины XIII в., вследствие упадка южнорусских культурных центров, происходило смещение баланса доминирования в экономико-культурной и политической сферах к Северо-Восточной и Северной Руси. В эти же регионы, так же как и на западные земли Руси и даже на территорию Польши, начался отток населения из земель, разоренных монголо-татарами (Ginalski, 2000, s. 231). В связи с этим значительно расширяется топография и количество энколпионов, в том числе и на территории Беларуси. После упадка центров по производству крестов-реликвариев растущий на них спрос могли удовлетворить лишь местные мастера и мигрировавшие ремесленники-специалисты. Это привело к массовому появлению энколпионов с невыразительными и расплывчатыми изображениями, что свидетельствует об изготовлении их путем переотливки в глиняных формах. Это коснулось, в первую очередь, наиболее популярных типов рельефной технологической группы крестов из серии «Пресвятая Богородица, помогай!», с изображением молящейся Богоматери (экземпляры из Минска (рис. 31:5; № 40), Кричева (рис. 31:4; № 30), Свислочи (рис. 38:7; № 70), Полоцка (рис. 38:5; № 66)), а также крестов рельефно-гравированной группы с изображением Распятия и креста вверху. После переотливки на некоторые экземпляры уже не наносились на концы лучей гравированные изображения святых. Так, отсутствуют гравировки на находках из Минска (рис. 27:6; № 42), Новогрудка (рис. 27:7; № 58) и Друцка (рис. 27:5; № 25).

Изготовление качественных копий затрудняет точную идентификацию и не дает возможности

относить тот или иной экземпляр в разряд второсортной продукции, что, в свою очередь, указывает на высокий уровень профессионализма их изготовителей.

В XIV в. наблюдается новый этап в проникновении на белорусские земли такой категории ПХК, как энколпионы. Наряду с находящимися в быту энколпионами старых типов, появляются совершенно новые формы и иконографические образы. Избежавшие татарского погрома юго-западные земли Древней Руси не утратили своих культурных связей с южными территориями Беларуси. Благодаря транзитным путям через Волынь на юг Беларуси по Бужскому и Припятскому речным бассейнам поступали получившие широкое распространение на юго-западе Руси (Станчак, 1993) и Северо-Восточной Руси, реликварии квадрифолийной формы. Однако сложность и специфика композиционных сюжетов южных находок не нашли свое отражение в экземплярах из Беларуси (Станчак, 1993, с. 92–93). Створки квадрифолиев из Бреста (рис. 37:5; № 2 (Лысенко, 1985, с. 266)) и Турова (рис. 37:4; № 77 (Лысенко, 1974, с. 55)) гладкие, и лишь на брестском экземпляре имеется процарапанный резцом четырехконечный крест. Это указывает на использование данной створки как самостоятельного оберега. Ввиду утраты лицевой части с изображением хозяин нанес крест для усиления сакральной символики данного предмета. Не имея лицевых створок квадрифолиев, мы отнесли их к группе гравированных, ибо наличие гравированного или рельефного изображения на них можно предполагать в равной степени.

Период распространения и пути проникновения данного типа реликвариев на Беларусь совпали с импортом вышерассмотренного типа прямоконечных энколпионов с прямыми лучами и рельефным изображением Распятия, найденных в Гродно (рис. 34:3; № 14) и Турове (рис. 34:4; № 76), делая их, таким образом, продуктом единой культурной среды.

Подобная форма квадрифолия характерна и для особого типа борисоглебских энколпионов, получивших свое распространение в средней полосе древнерусских территорий (Полубояринова, 1972, рис. 2:5а–б). Крест данного типа (лицевая створка) обнаружен на территории курганного могильника у деревни Гадиловичи Рогачёвского района (рис. 37:2; № 9 (коллекция А.Н. Рикунова)) и в Молодечно (рис. 37:1; № 83) сообщение Г.В. Штыхова)). Они являются экземплярами, отражающими последнюю стадию эволюции борисоглебских энколпионов, закончившуюся в XIV–XV вв. Для них характерно парное изображение Бориса и Глеба с крестами и мечами в руках в квадратном средокрестии, архангелами – в боковых полуовальных медальонах, Спасом – в верхнем и святым Николаем – в нижнем. На другой стороне было изображение Феодора Стратилата с копьем и щитом, трех архангелов и святого в медальонах. Иконография Феодора Стратилата получила широкое распространение в землях Северной и Северо-Восточной, а позднее в Восточной Руси, в связи с наблюдаемой тенденцией усиления культа демоноборцев и святых-воинов в XIV в. (Гнутова, 1996, с. 343). К этому же времени относится нижняя дата створки энколпионов из Гадилович и Молодечно. Что касается ранних образцов борисоглебских энколпионов, то появившись в последней четверти XI в. в связи со становлением культа братьев-мучеников, они бытовали на Беларуси в XII–XIII вв. Именно этими столетиями датируются слои древнебелорусских городов, где подобные артефакты и были найдены (Витебск, Гродно, Друцк (Алексеев, 1974)).

К рассмотренной группе можно отнести энколпион протоквадрифолийной формы, найденный в Могилевской области и опубликованный Л.В. Алексеевым (рис. 37:3; № 78 (Алексеев, 1974, с. 209)). В центре поля изображено Распятие и предстоящие Богоматерь и Иоанн Креститель. В верхнем и нижнем медальонах – архангелы, а в медальонах по бокам – святые. Появившись в XIV в., данный тип реликвария широко разошелся по землям былой Киевской Руси в XV в., сосуществуя с другими типами, характерными для этого периода. Такие кресты обнаружены в Новгороде (Седова, 1981, с. 59), на территории бывшей Киевской губернии, Новом Сарае (Алексеев, 1974, с. 209), Радонеже (Чернов, 2000, с. 209).

В период культурного расцвета Новгорода (конец XIII–XIV вв.) и усиления Тверского княжества эти земли стали значительными импортерами своей продукции художественного литья на соседние территории (Гнутова, 1996, с. 342). В Беларусь с XIV в. по основным торговым магистралям былого пути «из варяг в греки» проникла серия прямоконечных крестов размерами 8,6×5,7 см (с навершием) со ступенчатым средокрестием и крестообразными медальонами на лучах. Основными композиционными фигурами на них являются Распятие, архангел Сихаил (Михаил), святой Никита Бесогон в средокрестии и изображения архангелов, Богоматери, Иоанна Богослова и нескольких святых в медальонах.

В Беларуси крест с центральным изображением архангела найден в Мстиславле (рис. 39:2; № 46 (Алексеев, 1974, с. 215)), Прудниках (рис. 35:3; № 68 (Шадыро, 1989, с. 14)), у деревни Дулебы Березинского района (№ 26 (Татур, 1892, с. 144)), на городище Трепки бывшей Минской губернии (рис. 36:1; № 80 (НИМ РБ, КП 31993)). С изображением в средокрестии Никиты Бесогона обнаружено два экземпляра: в Витебске (рис. 35:1; № 5 (Штыхов, 1964-А, с. 7)) и Лукомле (рис. 36:2; № 34 (Штыхов, 1970-А, с. 17–18)). Фрагмент нижнего луча от креста подобных типов известен также из Витебска (рис. 38:16; № 6 (Колединский, 1991, рис. 131:21)).

Основной проблемой изучения крестов с центральной фигурой архангела (с крестоподобными и овальными медальонами) является идентификация изображения архангела. Дореволюционный исследователь Н.И. Петров фиксировал на подобных крестах фигуру архангела Михаила (Петров, 1897, с. 76). В работах советских и российских авторов, датирующих крест XIV в., она определяется как принадлежащая Сихаилу, исходя из встречающихся надписей возле неё на некоторых экземплярах (Алексеев, 1974, с. 215; Гнутова, 1996, с. 372, 374, 402; Пекарська, 1989, с. 91–92). Не принимая во внимание надпись, М.В. Седова определяет изображение как принадлежащее архангелу Михаилу (Седова, 1981, с. 59). Польская исследовательница древнерусских энколпионов Эльжбэта Грудэк-Ктюк указывает на допущенную мастером ошибку в написании имени Михаила, что и вызвало неточность в идентификации изображения архангела. Она также указала на отсутствие имени Сихаил в ряду известных семи архангелов (Gródek-Kciuk, 1989, с. 109). Действительно, среди имен христианских архангелов: Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриэль и трех архангелов, известных в иудаизме: Рагуэль, Сараквэл, Рэмиэл, имени Сихаил не встречено (Цітоў, 1997). Все это склоняет нас внимательно отнестись к мнению польской исследовательницы Э. Грудэк-Ктюк.

Следующий тип крестов с аналогичной фигурой архангела в средокрестии значительно отличается по форме от предыдущего округлоконечностью с плавно переходящим в лучи средокрестием. Внешние канты лучей образуют небольшие парные выступы у основания каждого из круглых медальонов на концах. Кресты данного типа составляют значительную долю от общего количества найденных энколпионов, всего 11 экземпляров. Это на три экземпляра меньше, чем крестов самого популярного типа второй половины XIII в. «Пресвятая Богородица, помогай!», найденных на территории Беларуси.

Кресты-реликварии рассматриваемого типа локализуются в Мстиславле, где найдено их наибольшее количество (5 экз.) и датируются они XIV–XV вв. (рис. 33:2, 4–5, 34:1–2; № 51–55 (Алексеев, 1974, с. 214–215)). Найдены они также у деревни Скригалово Мозырского района (Петров, 1897, с. 76), в монастыре у деревни Лучно Полоцкого района в комплексе XV–XVI вв. (рис. 33:3; № 35 (Клімаў, 1998-А, с. 13–14)), на замчище у деревни Смоляны Оршанского района, где датируется XV в. (рис. 33:7; № 74 (Собаль, 1993-А, с. 12, 17)), в слое конца XV – начала XVI вв. на посаде города Заславль – фрагмент верхнего луча (рис. 38:15; № 27 (Заяц, 1995, с. 69)), в слое XIV–XV вв. на детинце Друцка (рис. 33:6; № 84 (Алексеев, 2002, с. 92)), недалеко деревни Жупраны Ошмянского района (рис. 33:1; № 79 (НИМ РБ, Н/В 12735)).

Спорным является вопрос об их датировке. Л.В. Алексеев соглашается с мнением Г.Ф. Корзухиной о датировке подобных энколпионов XIII в. (Алексеев, 1974, с. 215). Т.Н. Никольская также поддерживает мнение современников, как, впрочем, и утверждение братьев Ханенко (Никольская, 1981, с. 167; Ханенко, 1899, с. 9). Энколпион из Косицкой сопки, исходя из вышеуказанных утверждений, датируется тем же временем, хотя территориально ближайший аналог из Новгорода (Дмитриевский раскоп) датирован XIV в. (Мусин, 2002, с. 184). А.А. Пескова указывает, однако, на широкое распространение иконографии данных крестов в XIV–XV вв., но в то же время в своем каталоге дает датировку авторов находок (Корзухина, Пескова, 2003, с. 218).

Хотелось бы обратить внимание на то, что основная масса аналогичных находок концентрируется в радиусе нескольких сотен километров от Мстиславля – места наибольшего их скопления. Такие кресты известны из Среднего Приднепровья (Пекарська, 1989, с. 91–92), Житомира (Ханенко, 1899, вып. 1, табл. II:37, 38), Спас-Городка (Никольская, 1981, с. 167), Нового Сарая (Полубояринова, 1972, с. 174), могильника у села Радонеж Сергиево-Пасадского района Московской области, где они датируются серединой XVI – началом XVII в. (Чернов, 2000, с. 63–81). Исходя из топографии находок данного типа крестов в Беларуси, можно проследить их распространение из Мстиславля, места возможного транзита или даже производства по Днепровскому бассейну

на юго-запад (Скригалов), северо-запад (Смоляны, Лучно) и запад по линии Мстиславль – Друцк – Минск – Заславль – Ошмяны (рис. 40). Несмотря на отсутствие прямых доказательств производства округлоконечных крестов-энколпионов с изображением архангела в Мстиславле (бракованных изделий и формочек для отливки не найдено), факт нахождения пяти экземпляров, отличающихся формой, отделкой и трактовкой изображения, указывает на высокий процент достоверности высказанного предположения. Возможную альтернативу в этом случае могли оказать Мстиславлю лишь духовные центры Подмосковья, где крестов-реликвариев периода XIV–XVII вв. известно большое количество (Чернов, 2000, с. 63–81). Тем не менее, нижняя планка материала из Мстиславля датируется более ранним временем – XIV в. Это время соответствует, как было отмечено выше, появлению и распространению иконографического образа архангела Михаила (Сихаила) как заклинателя болезней в центре композиционной схемы. Если в северных и северо-восточных землях данная композиция помещалась на кресты совершенно новых форм, со ступенчатыми средокрестиями и крестовидными медальонами, то в производственных центрах средней полосы форма была заимствована от широко распространенного и популярного типа второй половины XIII в. – крестов из серии «Пресвятая Богородица, помогай!». Эксперимент мастеров привел к появлению разного рода форм: со слабо и сильно выраженными парными выступами и широким полем креста, а также со слабо выраженными выступами и узким полем. Кроме того, на полях некоторых экземпляров возле Распятия читаются надписи двух типов: IC XC (смолянский экземпляр), IC XC ЦАРЬ СЛАВЫ (надпись характерна для крестов более позднего времени, например, мстиславльский экземпляр). Расплывчатые формы реликвариев из Лучно и Мстиславля указывают на изготовление их путем переотливки в глиняных формах, что также можно связать с деятельностью местных мастеров.

* * *

Таким образом, кресты-энколпионы фрагментарно стали появляться на территории Беларуси во второй половине XI в. в составе индивидуальных вещей, обладатели которых так или иначе были связаны с культурным ареалом юга Руси и Северного Причерноморья, что давало возможность приобретать им достаточно специфический тип энколпиона, получивший название «сирийский». Такими людьми стали в первую очередь представители духовенства, которые утверждали каноны изображений на данной продукции и были первыми ее заказчиками и потребителями.

С начала XII в. энколпионы так называемого «киевского» типа во всем многообразии своих форм и композиций стали массовым продуктом южнорусских производственных центров, предназначенным для удовлетворения резко возросшего спроса на них. Это было вызвано как широко развернувшимися темпами христианизации, так и массовым паломничеством в Святую Землю, приведшим к наплыву на территорию Древней Руси христианских реликвий.

В XII – первой половине XIII в., не удовлетворяя спрос широких слоев населения, материально способных к приобретению данной продукции (торгово-ремесленная знать, духовный клир), местными мастерами делались попытки изготовления экспериментальных образцов под заказ (новогрудский, свислочский экземпляры). Появляются копии высокого и низкого качества, отлитые в глиняных формах.

Не подлежит сомнению и имевшая место починка энколпионов. Так, сломавшаяся створка энколпиона с городища Трепки бывшей Минской губернии, который хранится в фондах НИМ РБ, закреплена заклепкой, вбитой прямо в центр креста (рис. 36:1; № 80).

Необычная картина наблюдается на энколпионе из Снядина. Две створки от разных энколпионов, от рельефного с изображением Распятия и от гравированного, с изображением светящегося креста, соединены в один реликварий (рис. 29:2; № 75). В данном случае надо отдать должное изобретательности местного мастера в способности сохранить функциональное назначение реликвария, имея в распоряжении два совершенно разных фрагмента.

Факт починки энколпиона из Верхнедвинска также не вызывает сомнения. Створка с изображением Распятия, видимо, по объективным причинам была заменена на створку с грубо прочерченным резцом четырехконечным крестом. Кроме того, прослежена подгонка размеров данной створки путём подработки краев напильником (рис. 27:1; № 3).

Самым слабым местом креста-энколпиона было подвесное ушко или навершие и соединительные петли. Если ломались петли, то вряд ли энколпион был пригоден для использования. Но

поврежденное или потерянное навершие можно было изготовить заново, что не вызывало особых технологических трудностей. Так, например, в Польше найдены свинцовые формы для изготовления таких подвесных ушек в Грудке над Бугом и на городище в Трепче возле Санока (Rogatko, 1994, s. 175; Ginalski, 2000, s. 225). Подобные модели, вероятно, являясь образцом готового изделия, использовались для формирования двухчастных отливных форм.

Весьма заманчивой в этом смысле является находка, сделанная в 2001 году в Дрисвятах (рис. 38:13 (Семянчук, 2001)). Цельное свинцовое изделие со сквозным отверстием повторяет формы и размеры широко распространенных подвесных ушек для энколпионов. Отсутствие на нем петель для крепления самих створок креста наводит на мысль, что данный артефакт использовался в качестве матрицы, а необходимые петли в зависимости от типа энколпиона доделывались в самом конце технологического процесса либо вообще могли отсутствовать. Реликварий же мог крепиться благодаря цепочке или проволоке прямо за отверстие в подвесном ушке.

С середины XIII в. в результате миграции населения южнорусского происхождения на Беларусь проникло значительное количество крестов из серии «Пресвятая Богородица, помогай!». Именно они доминировали в употреблении до XIV в., многократно используясь местными мастерами как оригиналы для копирования. В XIV в., как инерционное продолжение южнорусского влияния, на территорию Беларуси ввозятся с Волыни реликварии в форме квадрифолия (Брест (рис. 37:5; № 2), Туров (рис. 37:4; № 77)) и энколпионы в форме «латинского» креста (Гродно (рис. 34:3; № 14), Туров (рис. 34:4; № 76)). Кресты, отражающие последнюю ступень эволюции борисоглебских энколпионов в форме квадрифолия (Гадиловичи (рис. 37:2; № 9), Молодечно (рис. 37:1; № 83)), поступают в этот период на Беларусь из средней полосы древнерусских земель.

Перехватив эстафету в изготовлении крестов-энколпионов, северные и северо-восточные земли Руси начали экспортировать в северную и восточную Беларусь кресты со ступенчатым средокрестием и крестообразными медальонами. Их иконография и формы крестов середины XIII в. подготовили основу для появления реликвариев конца XIV–XVI вв., производившихся в средней полосе древнерусских земель, в частности, в ряде предполагаемых центров Подмосковья и в Мстиславле. Именно эти два типа энколпионов стали наиболее долговечными после «сирийских», о чем свидетельствует их стратиграфическая датировка – конец XIV – начало XVII в.

Однако отдельные экземпляры крестов XII–XIII вв. также имели продолжительное время почитания в Беларуси, что отражено в стратиграфических данных их залегания: рельефно-гравированный борисоглебский энколпион из Витебска датируется XIV в. (рис. 25:3; № 4 (Археалогія..., с. 135)); гравированный энколпион с изображением Распятия из Бреста найден в слое XIV в. (рис. 26:8; № 1 (Лысенко, 1985, с. 266)); рельефный энколпион из серии «Пресвятая Богородица, помогай!» найден в Минске в слое второй половины XVII в. (рис. 32:1; № 43 (Русов, 1987-А, с. 12)).

Исходя из относительной массовости находок крестов-энколпионов XI–XIV вв. на территории Беларуси, можно определить их как яркий показатель соотношения южнорусского культурного влияния конца XI–XIV вв. и северного, северо-восточного в конце XIII–XIV вв., а также восточных земель с конца XIV в., несомненно, отразившееся на социокультурных преобразованиях, связанных с христианизацией белорусских территорий. Так, из общего числа крестов-реликвариев, найденных в Беларуси, энколпионов южнорусского происхождения (включая их местные копии) насчитывается 68 экземпляров, а крестов, изготовленных под влиянием северных и восточнорусских традиций, – 20 экземпляров. Однако, учитывая хронологическую кратковременность периода проникновения энколпионов с востока и севера Руси, в основном вторая половина XIV в., интенсивность этого процесса вполне соотносима с южнорусским влиянием на материальную культуру белорусских христиан XI–XIV вв.

ГЛАВА IV
ИКОНЫ И ЗМЕЕВИКИ

Нательные иконы и змеевики составляют две отдельные категории ПХК со своими классификационными отличиями, которые выделяются по конструктивно-функциональным, технологическим и морфологическим признакам. Тем не менее, близость следующих функциональных признаков: использование в качестве показателя конфессиональной принадлежности, объекта поклонения, носителей сакральных изображений, а также хранения и транспортировки святых мощей роднит эти две категории ПХК.

Необходимо указать на различия в сакральной символике данных предметов. Змеевики, кроме христианской символики в виде сюжетно-композиционного или одиночного изображения христианских святых, являются носителями сакрально-заклинательного символа языческой мифологии – змеевидной композиции. Исходя из этого, нами будет рассмотрена каждая категория отдельно, но методически идентично.

Первоначально объект исследования разделим по конструктивно-функциональным признакам и выделим, таким образом, три категории икон: привески, нагрудные, вставки. Исходя из способа ношения, укажем на сходство первой и второй категорий – эти иконы носились на груди. Понятие «икона-привеска» употребляется лишь по отношению к отдельным типам металлических икон, экземпляры которых хотя бы единожды были зафиксированы в составе монист, а также в подвесной композиции к хоросу или иконостасу. В то же время, не исключено использование их вне ожерелья, о чем свидетельствуют находки, которые относятся к разряду индивидуальных, из городских поселений и могильников. Функции третьей категории – икон-вставок – весьма специфичны. Они, как правило, использовались в комплексе с подобного рода артефактами при отделке окладов богослужебной литературы и ритуальных предметов (литургическая посуда, напрестольные и воздвизальные кресты), а также облачения священнослужителя. Зафиксировано использование отдельных экземпляров в составе женских украшений – барм, диадем.

Все категории икон делятся на четыре группы в зависимости от материала, из которого они изготовлены. В Беларуси зафиксировано икон из металла 30 экз., камня – 13 экз., кости – 2 экз.,

стекла – 1 экз. Среди металлических учтена прямоугольная, односторонняя, металлическая икона с изображением Богоматери из курганного погребения у д. Озераны Рогачёвского р-на, найденная в составе ожерелья. Описание данной находки дано в конце XIX в. исследователем Е.Р. Романовым (Помнікі..., 1985, с. 290). Отсутствуют экземпляры, изготовленные из глины, встречающиеся на других территориях. В зависимости от конструкции находки можно выделить три **подгруппы**: ***односоставные, энколпии, триптихи***, а по форме два **отдела:** ***фигурные*** и ***нефигурные*** иконы-привески. Структура нанесения изображения позволяет выделить два **подотдела**: ***односторонние*** и ***двусторонние*** иконы. Отметим, что для икон-привесок и икон-вставок двустороннее изображение не характерно, а для энколпиев и триптихов – наоборот. Сделаем замечание в отношении триптихов. Центральная их часть, в отличие от боковых, может иметь оборотную сторону гладкой, но в некоторых экземплярах, более позднего времени, на ней помещалась змеевидная композиция, что автоматически переводит данный предмет в категорию змеевиков.

Змеевики, которые были распространены в XII–XIV вв. в Беларуси, представлены семью идентифицированными экземплярами. Несмотря на то, что экземпляр из Речицы по морфологическим признакам и своему функциональному назначению соответствует нагрудной иконе, а изготовлен он путем переотливки со створки змеевика с изображением Феодора Стратилата, справедливым будет его рассматривать как представителя категории змеевиков. Один змеевик зафиксирован в фондах Национального исторического музея Республики Беларусь. Его, вероятно, нужно отождествлять с упомянутым и описанным известным исследователем белорусских древностей Г.Х. Татуром «бронзовым медальоном» (Татур, 1892, с. 88). Змеевики изучаемого периода представлены односоставными и двухсоставными (энколпии) экземплярами. Среди односоставных выделяются находки с односторонним изображением, о чем подробнее будет сказано ниже.

Учитывая специфику рассмотренных категорий ПХК, типология их будет построена исходя из сюжетно-композиционной схемы. В первую очередь, это касается меднолитейной продукции, где композиционно-сюжетное построение с особой трактовкой форм и изображения укажет на принадлежность к той или иной территориальной группе памятников художественного литья. Что касается шедевров каменной пластики, уникальных в своем роде, будет уделено внимание сопоставлению художественных стилей, которые прослеживаются в технике изображений на них. Это в значительной степени позволит нам проследить воздействие отдельных культурных традиций на мастерство их изготовителей.

Для рассмотрения и анализа белорусского материала, включающего иконы и змеевики, нами будут учтены единственные в своем роде разработки по классификации каменных икон, разделенных на регионально-стилевые группы Т.В. Николаевой (Николаева, 1983) и типология змеевиков этого же исследователя, построенная на основе христианского изображения, которому соответствует своя змеевидная композиция (Николаева, 1991).

4.1. Иконы-привески

Иконы-привески, широко распространившись в Восточной Европе с начала XII в., обычно носились на «гойтане» и входили в состав женских украшений, часто сочетаясь с крестами и другого рода амулетами. Вследствие этого необходимо указать близость их функционального предназначения с крестами-тельниками. Кроме того, по размерам, технологии литья и по составу сплава они могут быть сопоставлены со свинцовыми печатями. Это свидетельствует о том, что в определённом смысле их прототипом был сфрагистический материал. Технология изготовления икон-привесок, не являясь слишком сложной, дает основания предполагать их изготовление в кругу посадского населения крупных городов в небольших ремесленных мастерских (Гнутова, 1996, с. 405).

***Категория.* Иконы-привески**
***Группа.* Металлические**

Группа металлических икон на Беларуси хотя и немногочисленна (30 экз.), но достаточно разнообразна. Среди привесок зафиксированы экземпляры фигурного литья (3 экз.) и широко распространенные нагрудные иконы диаметром 3–5 см. (12 экз.), использовавшиеся на начальном этапе христианизации в качестве составного элемента ожерелий наряду с крестами, бусами, раковинами каури и иного вида привесками.

Не исключено также выполнение такого рода привесками функции нательных крестов как показателя конфессиональной принадлежности и индивидуального оберега. В Беларуси зафиксированы: один экземпляр нагрудной иконы трапециевидной формы, шесть металлических икон-складней, среди которых три фрагмента

триптиха и три створки энколпиев, а также две иконы-вставки и четыре матрицы (?) для их изготовления.

Металлические иконы по сюжетно-композиционной схеме делятся на несколько типов, а по расположению изображения – на два подотдела.

***Подгруппа.* Односоставные**

***Отдел.* Нефигурные**

***Подотдел.* Односторонние**

Тип I. Иконы с рельефным изображением Георгия Победоносца на коне, поражающего змея, диаметром 3,5–4 см. Три экземпляра данного типа найдено: в Волковыске (рис. 43:1; № 6 (Зверуго, 1975, с. 42)), на замке в Дрисвятах среди материалов XI–XIII вв. (рис. 26:6; № 32 (№ 16) (Ткачоў, 1980-А, с. 3)) и в Браславском районе (рис. 43:3; № 49 (сообщение Н.А. Плавинского)).

Иконы-привески широко известны на памятниках Северной Руси и Прибалтики, где они сосредоточены вдоль пути Псков – Рига. Это подтверждает проникновение их в Прибалтику из северорусских центров Пскова и Новгорода (Мугуревич, 1965, с. 71). В Новгороде привеска, аналогичная белорусским находкам, обнаружена в слое 30–60-х гг. XII в. (Седова, 1981, с. 62). Кроме того, аналоги ей известны в Серенске, Смоленске, Старой Рязани (Мугуревич, 1965, с. 62).

Таким образом, северорусское происхождение икон-привесок с изображением Георгия Победоносца не вызывает сомнений, а дрисвятский, волковысский и браславский экземпляры расширяют регион их бытования до границ Северной и Западной Беларуси.

Добавим также, что образ Георгия-воина рассматривается как символ победы добра над злом. Иконографический образ конного Георгия нередко отождествляется с дохристианским изображением всадников, попирающих змей, а также со скандинавскими змееборцами (Николаева, 1983, с. 32).

Тип II. Иконы с гравированным изображением святого.

Медный медальон, размером 4×3,5 см, с изображением святого Дмитрия в воинских доспехах обнаружен на Замчище Волковыска в 1948 г. (рис. 43:2; № 7 (Дэкаратыўна-прыкладное…, мал. 10)). Изображение носит не канонический характер, а имеет черты портретного моделирования. Это отражено в слегка повернутом левым боком погрудном изображении святого и четко переданных воинских доспехах, характерных для эпохи Средневековья.

Технология изготовления иконы со святым Дмитрием идентична технике гравировки медных пластин алтарной преграды Нижней церкви, существовавшей в Гродно в 20–80-х гг. XII в. (Воронин, 1954, с. 146). Учитывая причастность к храмовому строительству в Гродно владимиро-волынских мастеров, можно предположить их значительную роль в создании данной техники гравировки. Однако участие в этом процессе местных ювелиров под влиянием южных соседей также не исключена. Таким образом, верхнюю хронологическую дату иконы из Волковыска можно соотнести с появлением волынских мастеров в Гродно. Немного ранее, в первой половине XII в. – была предпринята попытка строительства Волковысского храма, по технике муровки близкого к Нижней церкви в Гродно (Зверуго, 1975, с. 120). Причастность к данному строительству тех же владимиро-волынских мастеров не вызывает сомнений. Вероятно, одним из членов этой строительной артели, в состав которой могли входить и местные мастера, специалистом меднолитейного дела, и был изготовлен патрональный образок под заказ одного из представителей воинской знати.

Тип III. Иконы с изображением Богоматери Агиосоритисы (Деисусной).

Икона была найдена в Пинске на территории древнего города (рис. 43:7; № 33 (Лысенко, 1997, с. 172)). Представленное на иконе изображение Богоматери, а также аналогичные на каменном экземпляре из Минска, свинцовом из Турова и печати из Полоцка (Гуревич, 1988, с. 141), показывают, что эта иконография была достаточно популярной на Беларуси в XII–XIII вв. и узко локализованной территориально. Все это позволяет связывать эти находки в единый комплекс, характерный для местной традиции почитания и использования данного образа при изготовлении ПХК.

Тип IV. Иконы с изображением Богоматери Одигитрии.

Икона-привеска диаметром 3,5 см, выполненная в технике тиснения, найдена в слое конца XII в. на детинце древнего Мстиславля. На ней изображение Богоматери с младенцем внутри выпуклой окружности с косой насечкой (рис. 43:6; № 25 (Алексеев, 1985-А, с. 12, 15)). Особенностью данного изделия является залитая воском полая внутренность для предотвращения деформации. Икона крепится к оглавию, внешне схожему с навершиями энколпионов «киевского» типа XII–XIII вв.

Живописный образ Одигитрии пришел на земли Древней Руси из Константинополя. Летописные известия указывают на использование иконы с этим образом императором Византийской империи Константином при благословлении своей дочери Анны, когда она выходила замуж за черниговского князя Всеволода Ярославича в XI в. Позднее данный образ закрепился на иконах Смоленска и Киева, где Богоматерь представала в рост с младенцем на левой руке. В Турово-Пинской земле данный образ стал широко известен благодаря чудотворной иконе (кресту-энколпиону) из Купятичского монастыря (Николаева, 1983, с. 23). Иконография Богоматери с младенцем на иконах-привесках также широко известна во Владимиро-Суздальской земле (Седова, 1974). Вышесказанное, а кроме того форма мстиславльской находки, характерная для киевской ювелирной школы, позволяет считать её образцом генерации двух культурных традиций.

Тип V. Иконы с изображением святого Никиты, побивающего беса.

Некоторые замечания необходимо сделать относительно металлической иконы, размером 3,5×2,5 см, с изображением Никиты Бесогона из Могилёва (рис. 44:3; № 24). Данная находка проходит в литературе как памятник XII–XIII вв. (Марзалюк, 1998, с. 16). Более детальный иконографический анализ данного артефакта дает нам основание уточнить датировку. Появившись в XIV в. на энколпионах с крестообразными медальонами северорусского происхождения, данный сюжет, модифицируясь, перешел на иконы, наперсные кресты и кресты-тельники более поздних эпох – XV–XVIII вв. (Ткаченко, 1999, с. 68–80). Сопоставляя композицию могилевской находки с аналогичным изображением на иконе из Старой Рязани и учитывая датировку, данную ей исследователями (Даркевич, 1981, с. 228), правомерным будет поднять нижнюю дату из Могилева до конца XIV в. В дальнейшем, в XV–XVI вв., данный сюжет завоевал высокую популярность в Тверских землях. Таким образом, исходя из вышесказанного, можно отнести могилевскую находку к Новгородско-Тверскому кругу изделий конца XIV–XV вв.

Тип VI. Иконы с изображением святых Козьмы и Домиана, благословляемых Иисусом Христом.

Образок, размером 6,5×3,5 см, найденный на городище на Менке, отлит в глиняной форме по каменному образцу византийской работы и датируется началом XIII в. (рис. 43:8; № 13 (Пуцко, 1993, с. 141–145; Штыхов, 1978, с. 6)). Учитывая несерийность данного образка, исследователи не могут определить место его изготовления, прослеживая в иконографии этого изделия влияние как южнорусской, так и западной традиций декоративной пластики (Пуцко, 1997, с. 67–68). Однако факты нахождения в слое XIII в. древнего Минска каменной иконы с изображениями святых Николая и Стефана, благословляемых Иисусом Христом, схожей по композиционной схеме и признанной продуктом местного производства, а также наличие в фондах Национального исторического музея Республики Беларусь (НИМ РБ, Н/В 12731) змеевика с фигурами святых Козьмы и Домиана (датируется XIII в., найден в бывшей Минской губернии), косвенно указывают на возможное изготовление образка с городища на Менке местными мастерами по привезенному из южнорусских земель образцу.

Тип VII. Иконы с изображением святых Бориса и Глеба верхом на лошадях с мечом и копьем в руках.

Подобный экземпляр в форме арки, размером 5×4 см, обнаружен за границами детинца Мстиславля (рис. 44:1; № 45). Л.В. Алексеев, соглашаясь с мнением М.Х. Алешковского, указывал на появление данного иконографического образа на Руси в период правления Владимира Мономаха (1113–1125 гг.) Алексеев, 1974, с. 215–216)). Аналогичные изображения святых всадников мы находим в северорусской группе мелкой каменной пластики. Каменные иконы, опубликованные Николаевой Т.В., идентичны мстиславльской как по форме, так и по размерам, и датированы они XIV в. При этом каменные иконы были двусторонними с изображением сюжета «гроба Господня», одного из наиболее распространенного в северорусских землях в указанном столетии (Николаева, 1983, табл. 33:1–2).

Принимая во внимание вышесказанное, справедливым считаем датировку рассматриваемого артефакта – XIV в. Заметим, что расплывчатые фигуры, наличие литейного брака в виде отверстий на поле иконы, указывают на возможное копирование с оригинала путем переотливки образка в глиняной форме. Местное или импортное происхождение данной копии можно утверждать в равной степени. Однако северорусские традиции в этом случае очевидны.

Известна еще одна находка одностороннего образка. Прямоугольной формы с изображением Богоматери, он найден в 1888 г. Е.Р. Романовым в кургане с трупоположением, с очень богатым инвентарем и остатками домовины. Исследуемый курганный могильник располагался возле деревни Озераны Рогачёвского района (Помнікі..., с. 290). К сожалению, мы не имеем изображения этой иконы. Тем не менее, она внесена в наш каталог, так как это весьма характерный факт нахождения ПХК данной категории в погребении, сделанном по языческому обряду.

***Подотдел.* Двусторонние**

Тип I. Иконы с погрудным рельефным изображением Богоматери Оранты и процветшим крестом на обороте.

Иконы, диаметром 3 см, найдены на городище Прудники Миорского района Витебской области (№ 40 (Шадыро, 1983, с. 3)), во время исследования неолитического поселения Угольщина-II Белыничского района (рис. 43:4; № 47 (Чернявский, 1993-А, с. 2)) и на памятнике Лучно (№ 40) (сообщение М.В. Климова). Изображения на иконах по стилистике схожи с архаичными изображениями на иконах-привесках, датируемых основной массой XII в. из круга древностей Северо-Восточной Руси. Экземпляры подобного рода встречены в Новгороде, где они хронологически вписываются в указанное столетие (Седова, 1981, с. 62–65; 1988, с. 272–279; Шадыро, 1993, с. 140). Процветший крест на оборотной стороне этих образков также указывает на северорусское происхождение данных предметов. Завоевав популярность в середине XII–XIV вв., процветший крест занял значительное место в декоре ювелирных изделий севера Руси (Седова, 1996, с. 417).

Образ Богоматери Оранты, или Влахернской Богоматери тесно связан с византийской традицией, которая нашла свое отражение в киевском искусстве. Позднее этот образ трансформировался в так называемое Знамение, где на груди у Богоматери с воздетыми руками изображён Иисус Христос Эммануил (Николаева, 1983, с. 23).

Тип II. Иконы с гравированным изображением Иисуса Христа и процветшего креста на обороте.

Икона данного типа обнаружена в окольном городе Новогрудка (рис. 43:5; № 27 (Гуревич, 1981, с. 15)). Ближайшие аналогии ей известны в материалах могильника Нефедьево, где они датируются второй половиной XII – первой половиной XIII в. (Макаров, 1997, с. 351), что дает нам основание связывать новогрудский экземпляр с северорусской культурной средой XII–XIII вв.

***Отдел.* Фигурные**

Тип I. Привеска с изображением архангела на облаке.

Литая фигурка архангела высотой 6,5 см обнаружена на полу подкупольного пространства Нижней церкви в Гродно (рис. 45:1; № 15 (Воронин, 1954, с. 119)). Фигура в рост, стоящая на облаке, одета в рубаху, доходящую до колен, поверх которой накинут плащ, спадающий на левую сторону груди с круглящимися складками. Идентичные размеры и трактовка изображения прослежены на находках из Новгорода и святилища Болванский Нос-I (Недошивина, 1996, с. 203–204). Однако наибольшая стилистическая близость в изображении лица и нимба прослеживается с новгородским экземпляром. Кроме того, схожи конструктивные особенности креплений, что роднит эти артефакты с точки зрения функционального назначения. На оборотной стороне гродненской находки вверху и внизу имеются следы отломившихся шпеньков для крепления к какой-либо поверхности, а на новгородском экземпляре есть отверстие в левом сохранившемся крыле архангела, которое могло предназначаться как для шнурка, так и для заклепки. Таким образом, эти два артефакта могли использоваться в качестве убранства окладов богослужебной литературы или ритуальных предметов. Тем не менее, гродненский экземпляр отличается невыразительностью трактовки меча на поясе и жезла в руке архангела, которые хорошо просматриваются на аналогах. Это указывает на некачественность копии, изготовленной либо местными мастерами, либо в производственном центре, локализовавшемся в Прикамском регионе, откуда подобная продукция, возможно, через Новгород, поступала в Беларусь (Недошивина, 1996, с. 203–204).

Комплекс, в котором найден гродненский экземпляр, датируется 20–80-ми гг. XII в., что соответствует периоду бытования подобных оберегов, т.е. XII в.

Тип II. Привески с изображением архангела с лабаром и сферой.

Экземпляр привески, высотой 3,5 см, найден в слое XII в. древнего Волковыска (рис. 45:2; № 8 (Древние..., рис. 33)).

Фигурные привески в виде архангелов известны на территории Болгарии, где они датируются

XI в. (Архипова, 1992, с. 96). Вероятно, они послужили прообразом привесок XII–XIII вв., получивших распространение в Среднем Поднепровье. Подобный экземпляр найден в остатках постройки № 1, относящейся ко второй половине XIII в. на Киевском детинце, в комплексе с двумя каменными иконами византийской работы (Боровський, Калюк, 1993, с. 17). Аналог также представлен в собраниях братьев Ханенко (Ханенко, 1899, вып. 1, с. 30).

Предназначение таких фигурных привесок до настоящего времени остается под вопросом. Наряду с использованием в качестве индивидуальных оберегов, возможно и вхождение их в Деисусную композицию как составной ее части (это подчеркивает наклон головы архангела вправо). Подобный сюжет мог быть изображен на хоросе или домашнем алтаре.

Несмотря на небольшие стилистические отличия: меньшие размеры, прямо посаженная голова архангела, наличие лабара и сферы в руках, волковысскую находку можно отнести к кругу южнорусских памятников художественного литья XII–XIII вв.

Тип III. Привески с изображением святых Бориса и Глеба.

Икона, размером 11×6,5 см, найдена на городище Копысь Витебской области в слое второй половины XII – первой половины XIII в. (рис. 45:3; № 19 (Загорульский, 1973, с. 359)).

Не имея прямых аналогов, иконография святых, тем не менее, широко известна в каменной пластике начиная с третьей четверти XI в., когда в 1072 году Борис и Глеб официально были канонизированы. Примером аналогичного изображения является шиферная икона XII – первой половины XIII в. из ризницы рязанского Солотчинского монастыря (Николаева, 1968, с. 451–458). Несмотря на влияние романской культурной традиции на особенности изображения, выделяемые исследователями, икона-привеска со святыми Борисом и Глебом признана продукцией киевской школы декоративного литья, датируемой началом XIII в. (Пуцко, 1994, с. 69–72).

Функциональное назначение этой находки, также как и в случае с волковысским экземпляром, остается под вопросом, ввиду возможного использования ее как в качестве индивидуального оберега, так и в роли композиционной схемы хороса.

Таким образом, белорусский материал указывает на заимствование такой категории ПХК, как иконы-привески, с территории Северной, Северо-Восточной и Южной Руси, где располагались центры производства данной продукции. Одновременно древнебелорусскими мастерами, благодаря знакомству с ювелирным производством Владимиро-Волынских земель, была освоена техника изготовления медных икон-привесок с гравированным изображением патрональных святых. Не исключена также возможность изготовления копий (Мстиславльский экземпляр (рис. 44:1; № 45)) и экземпляров с городища на Менке (рис. 43:8; № 13) и Пинска (рис. 43:7; № 33) местными мастерами, исходя из концентрации находок с подобной иконографией изображений в других регионах белорусских земель.

4.2. Иконы-складни

Иконы-складни делятся на две подгруппы, и если энколпии генетически тесно связаны с крестами-энколпионами и предназначены для хранения и транспортировки святых реликвий, то триптихи имеют свою предысторию. Начало свое она берет в VII в., когда избранные священники могли получить специальное разрешение, которое давало право брать в дорогу или путешествие небольшой переносной алтарь, что позволяло вести службу в полевых условиях. Подобные алтари были распространены от каролингской эпохи до романской. Позднее, в эпоху готики, они уступили место миниатюрным алтарям в виде диптихов, триптихов, полиптихов (Szczepkowska-Naliwajek, 1996. s. 116–117). Центральная часть и замыкающиеся боковые несли на себе известные иконографические образы святых и композиции. Для византийского, западного и восточноевропейского искусства был характерен один тип упомянутых артефактов, которые активно стали распространяться с середины XI в. и служили в основном для индивидуального моления и обрядности (Szczepkowska-Naliwajek, 1996, s. 108–109). Использовали их люди, требующие божественной опеки и поддержки в критических ситуациях – путешествиях, военных походах и т.п. Так, сохранилось свидетельство XVII в., в котором указывалось, что русские ратники на груди носили складни, которые при возможности снимали, ставили перед собой и молились (Гнутова, 1996, с. 337).

Категория. **Иконы-складни**

Подгруппа. **Энколпии**

Тип I. Иконы с изображением праздничных композиций Рождества Христова и Крещения.

К этому типу относятся энколпии размером 6,6×4,3 см из Витебска (сохранилась одна створка), датируемая XIII в. (№ 3 (Гісторыя..., с. 107))

и д. Мышковичи Кировского района Могилёвской области, датируемая XII в. (рис. 44:4; № 26 (Алексеев, 1974, с. 217)). Обе иконы имеют одинаковые композиции праздников Крещения и Рождества Христова.

Именно с Новгородом связывают появление праздничных композиций в металлопластике XIV в., заимствованной из каменной (Гнутова, 1996, с. 343). Однако композиции Рождества Христова и Крещения являются наиболее ранними и восходят к концу XIII–XIV вв., как и датируются ближайшие белорусским находкам аналоги из Новгорода (Гнутова, 1996, с. 368–369). Исходя из этого, нам приходится вновь обращаться к уточнению датировки икон из Беларуси. Очевидно, они являются новгородским импортом XIV в.

Тип II. Иконы с изображением Богоматери и семи спящих отроков эфесских.

К кругу новгородских древностей XIV в. необходимо отнести и створку энколпия с изображением Богоматери с младенцем и семью спящими отроками, фрагмент которого был найден на городище Горы Горецкого района Могилёвской области (рис. 44:2; № 14 (Ткачоў, 1976, с. 3)). Икона датирована автором раскопок концом XIV в., что соответствует хронологическим рамкам бытования и производства подобных реликвий в Новгороде (Гнутова, 1996, с. 368, 372, 374–379). Сюжет семи спящих отроков характерен как для каменной, так и для металлопластики. Отроки почитались в народе как целители животворящим сном. Подобная композиция встречается и на такой категории ПХК, как змеевики (Гнутова, 1996, с. 374).

***Подгруппа.* Триптихи**

Тип I. Трехсоставные с изображением святых Бориса и Глеба и святых (на обороте) на боковых створках.

Один целый, размером 7×4 см (с ушком), и детали двух металлических триптихов размерами 4,5×1,8 см, найдены в трех пунктах Беларуси: Полоцке (боковая створка), датируется 20-ми гг. XIII в. (рис. 46:2; № 36 (Тарасенко, 1962-А; Штыхов, 1965, рис. 131:3)), Пинске – боковая створка (№ 34 (Лысенко, 1963-А, с. 23)), Новогрудке (целый) в слое XII в. (рис. 46:1; № 28 (Гурэвіч, 1983, с. 22)).

Боковые створки из Полоцка, Пинска и Новогрудка содержат изображения святых Бориса и Глеба, держащих в руках храмы (мученические венцы). Наряду с борисоглебскими энколпионами, подобные триптихи стали показателем возросшей роли борисоглебского культа с третьей четверти XI в. благодаря княжеским домам Южной Руси. Этот иконографический образ князей отражает первый этап их почитания как целителей. Учитывая стратиграфические данные находки из Полоцка, дату их бытования на территории Беларуси можно расширить. Она накладывается на появление иконографии князей-воинов с крестами и мечами в руках. Расположение князей рядом на экземплярах из Новогрудка, Полоцка и Пинска, когда створки закрыты (размеры и изображения на них идентичны), указывают на тенденцию борьбы официальной церкви за двуединость борисоглебского культа с середины XII в. (Алешковский, 1972, с. 118). Таким образом, время изготовления и бытования белорусских триптихов следует связывать со второй половиной XII – первой половиной XIII в.

Тут стоит предположить и социальную принадлежность носителей рассмотренных триптихов. Популярность образов Бориса и Глеба как святых-мучеников-воинов, а также упомянутое известие XVII в. о использовании складней воинами, дает нам основание предполагать принадлежность данных артефактов представителям воинского сословия.

Зародившись и первоначально распространившись в пределах Киевского и Черниговского княжеств, культ Бориса и Глеба, завоевав широкую популярность, проник на территорию Беларуси, найдя своё отражение в строительстве борисоглебских храмов, изображениях на фресках, энколпионах и, в данном случае, – триптихах, южнорусское происхождение которых не вызывает сомнения.

Несмотря на известные аналоги из Киева (Ханенко, 1900, вып. 2, с. 19), где также сохранилась боковая створка, нам не удалось идентифицировать изображения святых на оборотных сторонах этих створок. Это фронтальные фигуры святых в длинных хитонах с ярко выраженными рельефными складками, один из которых (на левой створке) держит в правой руке книгу (полоцкий экземпляр). Этот признак характерен как для изображения евангелистов, так и других почитаемых святых: Николая, Василия и т.д.

Плохая сохранность новогрудского триптиха, створки которого «спаяны» коррозией, не дает возможность установить иконографию центрального изображения.

Иная ситуация наблюдается с экземпляром из Турова, размером 5×2,8 см (с ушком), где сохранилась центральная часть триптиха с читаемым изображением Распятия и предстоящими

Богоматерью и Иоанном Предтечей (Полубояринова, 1961, с. 54). Отсутствующие боковые створки на туровском экземпляре и на аналоге из Княжей горы, датируемом XIII в. (Ханенко, 1899, вып. 1, с. 21), не дают возможность установить их иконографию.

Таким образом, пункты находок триптихов на Беларуси прочерчивают два основных пути проникновения данной категории ПХК в наш регион из южных земель Древней Руси, это – Днепро-Двинская и Припятская магистрали (рис. 52).

4.3. Каменные иконы

На Беларуси зафиксировано 13 каменных икон в семи пунктах. Носились они поверх одежды («на вороте»), о чем свидетельствуют детальность изображения, использование металлических окладов и позолота, призванные оказывать эстетическое воздействие на окружающих.

В Восточной Европе для производства нагрудных икон, старейшие из которых датируются XI в., использовались как местные мягкие породы камня (на юге большинство экземпляров из овручского шифера, на севере – из серого сланца), так и привозные – пирофиллит и стеатит. Использовались также камни-жировики и простой мергель. По мнению некоторых исследователей, уже сам материал имел значение священной реликвии. Сами иконы были наиболее ценными родовыми святынями, входили в церемониальные княжеские и царские одеяния, а также убор священников. Кроме того, они зачастую входили в «приклад» к чтимым храмовым образам (Рындина, 1996, с. 212).

Каждая из каменных икон, изготавливавшаяся резчиком вручную, является индивидуальной в своем роде. Она отражает не только уровень мастерства человека, изготовившего её, но и те культурные традиции, под воздействием которых он находился. Способствовали этому экономические, политические, культурные связи, а также социальная сфера, в которой работал тот или иной ремесленник.

Производство каменных икон было налажено в городских центрах (в курганных древностях каменные иконы не найдены), где был спрос на дорогостоящую продукцию со стороны материально обеспеченных слоев общества. Занимались этим первоначально ювелиры, выделившиеся в XV в. в специализированную группу «крестчатников» и «иконников» (Николаева, 1983, с. 47). Древнейшими центрами по производству каменных икон были Херсонес, Киев, Новгород. Позднее к ним присоединились Галич, Смоленск и ряд других центров (Древняя…, с. 175–176). Скорее всего, в среде, приближенной к духовной элите, изготавливалось большинство ярких шедевров каменной пластики по образцам, созданным в иконографически выдержанном каноне Византии и транзитом поступавших на наши территории через земли Южной Руси.

К византийским образцам каменной пластики относится фрагмент иконы, размером 3×2,5 см, с изображением Богоматери и младенца, найденная в Новогрудке (Гуревич, 1971-А, с. 7), куда она могла попасть по нескольким основным путям, пролегающим через территорию Западной Украины или Среднего Поднепровья (рис. 41:6; № 30 (Гуревич, 1988, с. 139)).

Под воздействием византийских традиций изготовлен образок XII в., размером 3,5×2,1 см, из Пинска с изображением Христа Эммануила (рис. 41:7; № 35 (Лысенко, 1972, с. 295–297)). Практически идентичный образок находится в Британском музее в Лондоне. Даже украшение подвесного ушка резным крестом схоже с пинским экземпляром (Kalavrezon, 1985, табл. 55, рис. 112). Очень близкий аналог был найден в третьей четверти XIX в., вероятнее всего, в окolицах польского города Белжца. В 1888 г. он был приобретен львовским историком В. Абрахамом. Кстати польский историк-искусствовед М. Мыслинский, учитывая яркие черты, характерные для византийской каменной пластики, предполагает более раннюю датировку данного образца – рубеж XI–XII вв. (Wołoszyn, 2001, s. 38). Менее идентичные образы Христа Эммануила известны на небольших иконах киотчатой формы из Парижа (Kalavrezon, 1985, табл. 89, рис. А-41), Новгорода (Лысенко, 1972, с. 295–297), круглой формы из Чернигова (Коваленко, 1990, с. 267–269), из музея древностей в Кливленде, из университетского музея в Торонто, где кроме круглого, есть образок и квадратной формы (Kalavrezon, 1985, табл. 12, 55, рис. 17, 113–114). Таким образом, правдоподобным будет отнести пинскую икону к серийной продукции византийского мастера XII в., широко разошедшейся по Европе и ставшей прекрасным образцом для местных подражаний. Тут следует упомянуть небольшую часть киотчатой иконы, размером 2,5×2,5 см, с изображением Христа Эммануила, найденную в слое конца XII–XIII вв. на Замчище Волковыска (рис. 42:3; № 9 (Зверуго, 1975, с. 129)). Даже небольшой фрагмент образка с изображением лица Иисуса Христа дает представление о колоссальной разнице в

профессионализме резчиков этого экземпляра и пинской иконы. Тем не менее, знакомство мастера, сделавшего волковысский экземпляр, с образцами византийской каменной пластики не вызывает сомнений.

Хотелось бы также высказать предположение об определенной ориентации мастера, в данном случае, на детского потребителя. Маленькие размеры икон и использование иконографического образа Христа Эммануила, покровителя детей и подростков, вполне могут служить аргументацией в пользу данного предположения.

Аналогии на южных землях известны иконе из доломита, размером 6,5×5,5×2 см, с надписью «Господи помози рабу своему се написавшему», найденной А.А. Метельским в 1990 г. на городище Горы Горецкого района Могилёвской области и датируемой концом XII – началом XIII в. (рис. 42:5; № 42 (Метельский,1990-А, с. 2–3; Николаева, 1983, табл. 2:8; 12:5)).

Черты северорусской группы каменной пластики прослеживаются у одного экземпляра, размером 5,1×4,2 см, с изображением святого Николая, найденного в Новогрудке (рис. 41:5; № 29), аналогичная иконография которому известна на иконе из Троице-Сергиевой лавры (Николаева, 1983, табл. 18:2; 64:4). На двух этих экземплярах имеются аналогичная разбивка поля с широкой рамкой для наложения металлического оклада, схожие пропорции и трактовка изображения.

Западноевропейские черты (романский стиль) прослеживаются в резьбе икон из Полоцка с изображением Константина и Елены размером 6,2×4,4 см (рис. 41:1; № 37 (Пуцко, 1996, с. 71)) и Витебска размером 5,1×4,6 см (рис. 41:8; № 4) – с Богоматерью Скорбящей (Николаева, 1983, с. 129–130; 142, 210).

Икона из Минска, размером 6×4 см, с изображением Николая и Стефана, стратиграфически датируемая концом XIII – началом XIV вв. (рис. 41:3; № 20), двухсторонний образок, размером 4,6×3,5 см, с Богоматерью и Николаем, стратиграфически датируемый 30-ми гг. XII в. (рис. 41:4; № 21), икона, размером 4,3×4 см, с изображением святого Николая, датируемая XIII в. (рис. 41:2; № 22), отнесены Т.В. Николаевой к образцам местного производства (Николаева, 1983, с. 143–144). Нахождение двух первых родственных по стилистике экземпляров в одном месте и вписывающихся в достаточно широкий хронологический отрезок времени (исходя из стратиграфии), свидетельствует об устойчивой стилистической традиции трактовки форм и изображений, характерной для единой ремесленной среды. Учитывая важный стилистический признак, изображение драпировки одежд, отметим схожесть орнаментации рукавов и нижней части одежд Стефана, Николая и Богоматери, а также прямоугольных вырезов их воротов с распространенной традицией подобной трактовки изображения на образцах из южнорусской группы (Николаева, 1983, табл. 5:1, 3, 4; 6:1, 2, 4–6).

В связи с фрагментарностью сохранившихся сланцевой и известняковой икон из Волковыска, датируемых стратиграфически XII–XIII вв. (рис. 42:2–3, № 9–10 (Зверуго, 1975, с. 73)), и новогрудской иконы из шифера, размером 4×3,5 см (рис. 42:4; № 31 (Гуревич, 1981, с. 115)), трудно с точностью указать принадлежность их к тому или иному культурному ареалу.

Весьма необычным является обломок каменной иконы, найденной в 1977 г. в строительном мусоре церкви на Нижнем замке в Полоцке (рис. 42:1 (Раппопорт, 1977, с. 28)). Она включена в каталог мелкой каменной пластики Т.В. Николаевой, где предполагается ее круглая форма диаметром около 13 см (Николаева, 1983, с. 142). К сожалению, ни один из исследователей не указал функциональное назначение данной находки, что может вызвать соблазн отнести ее к категории наперсных. Однако накопленный материал позволяет более точно идентифицировать данный памятник.

При более детальном рассмотрении обломок полоцкой иконы не может говорить о круглой форме всего объекта. Это скорее иконка арочной формы значительных размеров – примерно 13 см в ширину и 20 см в высоту. Обратимся теперь к иконографии. Очевидно, что сохранившееся в верхней части изображение – это фигура Иисуса Христа, благословляющая (накладывающая мученические венцы) святых, фигуры которых должны находиться внизу. Надпись, читаемая у руки Иисуса «АГН БОРНСЪ» (святой Борис) означает, что на иконе были изображены братья-мученики Борис и Глеб. Подобная иконография – Иисус Христос благословляет Бориса и Глеба или других святых – широко распространилась в Средневековье, начиная с XII в. отметим и достаточно широкий бортик иконы, что наводит на мысль о существовании металлического оклада.

Следовательно, фрагмент образа из Полоцка ввиду своей массивности за счет размеров и возможного наличия также значительного оклада не мог использоваться в качестве нагрудной иконы. Отверстие могло служить для подвешивания,

например, к алтарной перегородке. Скорее всего, мы имеем дело с иконой, которая, по всей вероятности, украшала внутренний интерьер церкви на Нижнем замке в XII в. Подобные образцы икон широко известны в европейской традиции (Kalavrezon, 1985). Вследствие вышесказанного, мы не можем внести данный артефакт в наш каталог.

Таким образом, появившись на Беларуси в начале XII в., каменные иконы завоевали популярность в среде духовенства и высших социальных слоях общества, стремившихся стать обладателями дорогостоящих изделий с изображением патрональных святых. Спрос на данную продукцию и тесный контакт с культурными традициями соседних регионов привели к созданию местной школы декоративной резьбы по камню, впитавшей в себя черты как романского стиля, так и колорит южнорусского и византийского культурных ареалов.

4.4. Костяные иконы

На Беларуси зафиксировано две иконы из кости (рога): нагрудная и деталь триптиха, используемая в этом же качестве.

Особое внимание необходимо уделить костяной иконе, размером 5,6×4 см, из Витебска, датируемой XIII в. (рис. 47:2; № 5 (Пуцко, 1998, с. 49–50)). На наш взгляд, правильным было замечание автора находки о возможных параллелях данного экземпляра с каменной иконой XIV в. из Новгорода с изображением святого Василия (Бубенько, 1994а-А, с. 245–248).

Форма и размеры, изображение роднят эту находку с каменным экземпляром с территории, прилегающей к Тверскому кремлю, найденным с материалом середины XIII – начала XV в. (Попова, 1987, с. 92). Что же касается значительного иконографического признака – креста на ушке, помещенного в ромб, то он является наиболее типичным признаком новгородских отливок XV в., очень схожих с витебской находкой (Гнутова, 1996, с. 410–411). Учитывая широкое распространение в период с конца XIV в., а особенно в XV в., наперсных крестов из кости и дерева в Восточной и Северной Руси, где предположительно находились центры их производства (Померанцев, 1960, с. 161), возможно уточнение датировки иконы из Витебска в сторону поднятия ее нижней хронологической планки. Исходя из вышеприведенных аналогий, справедливым считаем причислить данный экземпляр к резцу мастера, хорошо знакомого с северной и северо-восточной культурной традицией в художественном ремесле.

Икона из Волковыска, используемая в качестве нагрудной, размером 10,7×4,6 см, была обнаружена на Шведской горе в 1965 г. (рис. 47:1; № 11 (Зверуго, 1975, с. 127)). Иконография изображенных на ней архангела и двух святых, креста на обороте, а также отверстие в окантовке с левой стороны свидетельствуют о принадлежности её к особой категории икон – триптихам, функциональное назначение которых могло определяться как мини-алтарь.

Как уже отмечалась, подобная категория ПХК пришла на Русь из Византии в XI в. и просуществовала, модернизировавшись под влиянием специфических черт местных ювелирных традиций, до сегодняшних дней. Обладатели такого рода предметов были, в основном, людьми, ведущими подвижный образ жизни и лишёнными возможности постоянно посещать храм. Для обращения к Богу и молитвы подобные мини-алтари были незаменимы в походных условиях.

Образцами для изготовления триптихов в Древней Руси, в том числе и волковысской находки, являлись экземпляры, сделанные из слоновой кости и привезенные из Константинополя (Банк, 1960, с. 122; 1978, с. 191–192). Однако вопрос о месте производства волковысской части триптиха, которая взяла на себя функции нагрудной иконы, остается пока открытым, несмотря на то, что высокий уровень косторезного ремесла древнего Волковыска мог позволить изготовление подобного артефакта при наличии близкого знакомства с шедеврами византийского и южнорусского искусства, а также квалифицированной консультации. На наш взгляд, такая возможность у местных мастеров была, учитывая тесные связи Волковыска с Владимиро-Волынским княжеством.

4.5. Иконы-вставки

***Категория.* Вставки**

К данной категории ПХК мы можем отнести однозначно лишь две находки из Беларуси, возможное использование которых в качестве индивидуального оберега не исключено наряду с применением их в ином функциональном качестве, как вставки на оклады богослужебной литературы, на ритуальной утвари, на убранстве священнослужителя. Особняком стоят находки из Турова, которые проходят в литературе как иконы-вставки (рис. 48:1–4 (Лысенко, 1967, с. 281–284)). Причем их функциональное назначение связывают исключительно с церковной утварью, в частности, с украшением напрестольного креста (Лысенко, 1999, с. 178). Кроме того, высказываются и

другие мнения относительно данных артефактов. В.Г. Пуцко, например, весьма небезосновательно высказал предположение о том, что туровские находки являются не чем иным, как моделями (матрицами) для изготовления чеканных или литых медальонов для обрамления икон, датируемые началом XIII в. (Пуцко, 1997). Таким образом, принимая во внимание вышесказанное, существование в Турове производственных потенциалов для изготовления высококачественной продукции, связанной с христианским культом, не вызывает сомнения. Кроме того, наряду с изображением Богоматери, святого (по иконографии можно соотнести с Иоанном Крестителем), женская фигура с крестом заманчиво может отождествляться с первой славянской святой Евфросиньей Полоцкой. Это, в свою очередь, может указывать на преемственность ремесленника зарождающимся местным традициям иконографических трактовок.

Икона с изображением Богоматери Оранты, диаметром 5,3 см, найденная в Берестье в слое середины XIII в., интерпретирована нами как икона-вставка ввиду отсутствия подвесного ушка и наличия у нее следов подгонки к определенным размерам (прослеживается часть не сточенного до конца ободка по окружности с зернистой окантовкой (рис. 48:5; № 1)). Вероятно, изготовлен был этот образок как подвесной, о чем свидетельствует аналогичное изображение на литейной форме из Галича (Пастернак, 1998, с. 255), но впоследствии был сточен для подгонки к металлическому окладу для создания композиции на окладе богослужебной литературы или иных ритуальных предметах.

Попадание этого образка в Берестье необходимо связывать с доминированием в этом регионе владимиро-волынских князей и, в частности, Владимира Васильковича, развернувшего в последней четверти XIII в. активную политику христианизации на северных землях своих владений, отразившуюся в широкомасштабном строительстве церквей.

Еще одним свидетельством южного влияния на материальную культуру ранних христиан на Беларуси является уникальный экземпляр эмальерного дела – золотая икона, диаметром 1,4 см, с изображением святого Матфея, выполненная в технике перегородчатой эмали, найденная в 1999 г. на городище Капланцы Березинского района Минской области (рис. 48:7; № 18 (Кошман, 1999-А, с. 7; 2001, с. 118–122)).

Анализ изображения и техники исполнения указывает на то, что находка является уникальным образцом византийского эмалевого ремесла конца X–XI вв. Об этом свидетельствуют:

– исполнение на золоте (древнерусские эмали чаще исполнялись на электре, меди и бронзе);

– высокое качество эмали и полировки;

– богатая цветовая гамма (для большинства древнерусских эмалей не характерна подобная яркость и насыщенность, а чистый телесный тон с легким оливковым оттенком встречается только в X – первой половине XI в. на византийских образцах);

– малая глубина лотка характерна для византийских изделий высокого класса (древнерусские лотки достигают двухмиллиметровой глубины);

– частота золотых перегородок приближена к византийским образцам, содержащим до 50 перегородок на кв.см (лучшие древнерусские эмали дают частоту в 25–30 перегородок на кв.см (Кондаков, 1892, с. 48–49; Макарова, 1998, с. 50)).

Открытым остается вопрос о функциональном назначении данного образца. Автор находки показал, что подобные изделия могли использоваться на окладах икон (иконы архангела Гавриила в Джумати, Богоматери в монастыре Хопи, в Мингрелии, Хахульский триптих), как вставки на крест (Намюрский крест, крест Никоруминдского храма), на окладах Евангелий (оклады Евангелия из собора святого Марка в Венеции, Мстиславового Евангелия), в качестве образка-тельника (киевские и рязанские образки), на цатах и бармах (Каменнобродская цата, бармы из Сахновки и Киева (Амиранашвили, 1972; Кондаков, 1892, с. 143, 160, 165, 176, 195, 256; Макарова, 1975, с. 57, 61, 74–79)). Не исключено вхождение её в состав украшений святительских облачений. В этом случае, она в качестве так называемой дробницы, наряду с драгоценным шитьем, жемчужным низанием, украшала парадное одеяние высокопоставленного священнослужителя (Рындина, 1996, с. 266).

Закрепление Капланецкой иконы приемом зажимов (отсутствуют следы иной техники крепления) и маленькие формы, призванные к восприятию с близкого расстояния, свидетельствуют в равной степени о возможности использования ее как в качестве индивидуального оберега (нательной иконы в окладе), так и отделки ритуальных предметов, включая облачение священнослужителя и оклад Евангелия.

Учитывая высокую ценность данного предмета, и, соответственно, бережного хранения на протяжении длительного времени, вряд ли можно связывать появление ее на городище Капланцы

сразу после изготовления. Вероятно, это произошло значительно позднее, в период активизации политики христианизации на Беларуси с начала XII в. и появления в наших землях высоких духовных иерархов, в сопровождающей утвари которых, так же как в церквях и епископских дворах, могли находиться подобные предметы.

Появление золотого образка с эмалью на городище в Капланцах следует связывать с Березинским речным путём, дававшим возможность поддерживать тесные связи с культурно-политическими и духовными центрами Южной Руси.

Ещё одна необычная икона, размером 5,5×5 см, из красно-коричневого стекла, сваренного по характерному для Византии натриево-кальциевому рецепту, найдена на детинце Новогрудка в 1974 г. (рис. 48:6; № 32 (Гурэвіч, 1982, с. 42)). На иконе изображена сцена рождения Христа, аналоги которой известны на стеклянных экземплярах из Александрии (Египет), музея христианских древностей Ватикана (Гуревич, 1982, с. 178) и на резных каменных иконах более раннего времени, как, например, на камне Ветторн, датируемом VI–VII вв. (Покровский, 1916, с. 81). Исследователи не определились с точной датой производства подобных изделий и местом их изготовления. Предположительно, стеклянные иконы-литики датируют XII–XIII вв., а центры их производства размещают в Венеции и на территории Византии (Гурэвіч, 1982, с. 42). Подобные изделия, являясь дорогими по материалу и технике изготовления, помещались иногда в драгоценные оклады и принадлежали высоко обеспеченным паломникам, совершавшим хождения к христианским святыням. Так, новогрудскую находку причисляют к оберегу князя Войшелка, совершившего несколько попыток хождения на Афон (Гурэвіч, 1982, с. 42). Отождествлять икону-литик с конкретным историческим лицом заманчиво, но рискованно. Однако попадание ее в Новогрудок из византийских провинций или же южнославянских земель с представителями высших социальных слоев, не вызывает сомнений. Это еще раз подтверждает многостороннюю связь Новогрудка с богатейшими традициями христианского мира, что нашло свое отражение в материальной культуре древнего города.

4.6. Змеевики

Ни одна категория индивидуальных ПХК не является столь загадочной и необычной, как так называемые змеевики. До сегодняшнего дня вопросы, связанные с их функциональным предназначением, так и не решены до конца. Змеевик представляет собой металлический (бронза, свинец, медь, серебро, золото) или каменный (яшма, гелиотрон, сердолик) медальон, в основном, круглой формы (реже – овальной, в поздний период в Восточной Европе появляется киотчатая форма), носимый на груди, вероятно, поверх одежды. Медальон несет на себе христианские и языческие (змеевидные) композиции в комплексе с магическими надписями, выполненными в технике гравировки, литья, в редких случаях – эмали. Причем встречаются они в разных комбинациях. Основные из них: змеевидная композиция с магической формулой; змеевидное и христианское изображение на различных сторонах с магическими надписями; змеевидное и христианское изображение без надписей; змеевидная композиция с христианским святым на одной стороне и христианским образом на другой.

Наиболее популярны среди христианских образов: Богородица, архангел Михаил, всадники святые Борис и Глеб, Козьма и Демьян, семь эфесских отроков, Никита Бесогон, Федор Стратилат, Федор Тирон и т.д. Змеевидная композиция сочетает в себе голову или тело женщины, окруженное шестью, семью, девятью, десятью или двенадцатью змеями (драконами) в различных вариациях. Надписи на змеевиках выполнены на греческом или старославянском языках (на «Черниговской гривне» на двух языках), а зачастую они вообще не читаются. Со временем надписи трансформируются и стилизуются так, что мастер вряд ли стремился написать какой-либо текст. Скорее он делал подобие текста в соответствии с каноном, совершенно не понимая его смысла.

Необходимо обратить внимание на то, что на сегодняшний день до конца не ясно, возможно ли применение терминов «лицевая» и «оборотная» сторона в отношении к данным амулетам.

Интерес к этим амулетам возник еще в эпоху Ренессанса, когда появились первые документальные фиксации этих необычных произведений искусства, отождествлявшихся с греко-римской магической традицией. Уже в XVII в. змеевики занимают должное место в коллекциях любителей старины и публикуются в специальных изданиях (Spier, 1993, с. 25). На протяжении всего XIX в. комментарии к этим прекрасным изделиям ювелирного ремесла появляются периодично. Причем выходят уже специализированные статьи, где объектом изучения становятся змеевики. В Западной Европе интерес к ним проявили ряд известных исследователей: Вильгельм Фрохнер,

Густав Шлюмбергер, Вильгельм Дрекслер и др. (Spier, 1993, с. 26).

В России интерес к данной категории ПХК возрос благодаря повышенному вниманию научной общественности второй половины XIX в. к византийскому искусству, литературе, в том числе магическим трактатам. Особое внимание заслужили найденные в 1878 г. Черниговская гривна и змеевик в Суздальском Рождественском соборе в 1886 г., принадлежавший Георгию Всеволодовичу Владимирскому. Именно с этого времени за подобными изделиями закрепилось название змеевики, хотя первоначальное их название не известно. Основное внимание в этот период исследователи уделяют попыткам дешифровки сакрального значения этих памятников. Так И.И. Толстым, М.И. Соколовым, Л.В. Далем, Е.В. Барсовым были сделаны попытки соотнести магические надписи на змеевиках с христианскими текстами, языческими заговорами, в соответствии с этим идентифицировать их функциональное назначение (Сапунов, 1999, с. 200–201).

Дальнейшим направлением в исследовании была попытка систематизации змеевиков в зависимости от изображенных на них композиций. Такая работа была проведена 1888 г. И.И. Толстым, а в 1926 г. предложена А.С. Орловым, который предложил вариант классификации, в основе которой лежали особенности изображения змей (Сапунов, 1999, с. 203).

Интерес к рассматриваемым артефактам начинает возрастать очередной раз с 60–70-х гг. XX в., когда появляются работы М.В. Седовой (Седова, 1966), Ж. Бланкова (Бланков, 1973), В.Н. Залеской (Залеская, 1975). Это в дальнейшем приводит к новым попыткам классификации змеевиков, причем за основу берутся уже христианские изображения. Именно такую систематизацию предложила Т.В. Николаева (Николаева, 1991). Не осталась в стороне и работа С.В. Гнутовой, которая превзошла А.С. Орлова, выделив 30 типов в системе классификации змеевиков (Гнутова, 1993).

В 90-е гг. XX в. активно вводятся в научный оборот все новые артефакты рассматриваемого типа. Одними из последних обобщающих работ в Западной Европе можно назвать исследование Джефри Спайра, а в российской историографии – Б.В. Сапунова, где он на основе анализа уже проделанной работы попытался переосмыслить значение змеевиков в средневековой европейской культуре, придя к ряду интересных выводов. В частности, он указал, что в змеевиках воплотился сложный сплав Ветхозаветных и Новозаветных образов, астральных культов Востока и апокрифов. Змеевики рассматривались в Древней Руси как индивидуальное защитное средство, обращенное как к христианским святым, так и языческим божествам, а также предназначалось для борьбы с конкретным недугом (Сапунов, 1999, с. 206–207).

Появление такого рода амулетов, как змеевики, связано с культурной традицией Византийской империи и ее провинций. Так бронзовые гравированные медальоны с христианскими изображениями и магическими надписями известны в Палестине и Сирии в VI–VII вв. (Spier, 1993, с. 31). В X–XII вв., сделанные из камня и металла, они широко бытуют в Византии и активно распространяются благодаря крестоносцам, торговцам и в качестве индивидуальных вещей мигрантов по Европе, где со временем возникают свои центры их производства.

Особое место в этом занимают южные земли Восточной Европы, где благодаря тесным культурно-политическим связям с Византией первые змеевики появляются в XI в. Доминирующей формой была круглая. Материал изготовления – металл (дороговизна металла зависела от экономических возможностей заказчика). Техника изготовления – литье в высоком рельефе. Первоначальное их распространение связанно с греческими мастерами и ближайшим окружением церковных иерархов (Николаева, 1991, с. 5). Правда, относительная простота изготовления и использование недорогого, в большинстве случаев, материала, дает основание утверждать об использовании данного вида оберега достаточно широкими социальными слоями. Они изготавливались под заказ и не предназначались для продажи или передачи другому лицу (Сапунов, 1999, с. 200). Так, например, Т.В. Николаева считает, что змеевики с изображением Федора Стратилата являются специализированными воинскими амулетами (Николаева, 1991, с. 26). Д. Спайр высказал мнение о том, что некоторые типы этих амулетов предназначены для защиты детей и женщин-рожениц (Spier, 1993, с. 44). Интересным является и замечание Б.В. Сапунова, который считает, что конкретный змеевик представлял интерес только для определенного человека и только при его жизни. Последнее утверждение подтверждается отсутствием такого рода артефактов в захоронениях (Сапунов, 1999, с. 206).

Пик бытования змеевиков приходится на домонгольское время. Эволюция форм и иконографии этих оберегов завершилась в XV в., что

отразилось в появлении новых киотчатых форм и сохранении единых композиционных канонов. С этого времени, по мнению Т.В. Николаевой, центры их производства переместились в церкви и монастыри, где они изготавливались и в более позднее время по старым образцам (Николаева, 1991, с. 7). Рассматриваемые амулеты, в основном их копии, еще долго находились в ходу, вплоть до XVIII–XX вв., правда, потеряв свой сакральный смысл. Так, например, на Украине их использовали в качестве украшений под названием «дукачи» (Сапунов, 1999, с. 207).

Таким образом, еще один вид христианского оберега, заимствованный из Византийской культурной традиции – змеевики – широко распространился по всей территории Древней Руси с XI в., получив наибольшее почитание в Новгороде. Это отразилось в разнообразии форм и многочисленности производимых и используемых экземпляров. Не обошли стороной подобные образцы ювелирного ремесла и территорию Беларуси.

Найденный в Волковыске змеевик, диаметром 4,5 см, с изображением архангела, имеет прямые аналогии, датируемые XII в. из Новгорода (рис. 49:1; № 12 (Зверуго, 1975, с. 134)). Интересной в этом отношении является находка бронзовой литейной формы из Копыси, идентифицируемой как формочка для отливки иконок XV в. (рис. 50:2 (Левко, 1981, с. 341)). Сопоставляя изображение архангела на формочке с известной иконографией змеевиков из Новгорода конца XII в. и Суздаля из усадьбы конца XII – начала XIII в. (Николаева, 1991, табл. II:4; III:1; Седова, 1993, с. 84), прослеживается четкая схожесть в трактовке изображения и пропорциях. Отличия есть лишь в форме ушка и размерах (диаметр копысской находки на 0,5 см больше, то есть 5 см). Кроме того, экземпляр из Копыси является частью формы для двухсторонней отливки, о чем свидетельствуют верхние и нижние соединительные отверстия, а также отсутствие на территории Древней Руси одиночных изображений архангела на металлических отливках в период средневековья. Изображение архангелов всегда соседствовало с представителями христианского пантеона на каменных двусторонних иконах или же со змеевидной композицией на металлических отливках.

Таким образом, экземпляр из Копыси является редчайшей находкой части литейной формы для изготовления змеевиков, дату которого можно связывать с материалами XII–XIII вв. из раскопок городища.

Появившаяся в XIV–XV вв. в Новгороде целая серия змеевиков со святыми-воинами и демоноборцами, использовалась как обереги в военных походах и нашла свое отражение в экземплярах, диаметром 5,5 см, из Заславля (рис. 51:3; № 17 (Ляўданскі, 1928, с. 11)), Полоцка (рис. 51:2; № 39 (Клімаў, 1998-А, с. 12)), Речицы (рис. 51:1; № 41 (Археалогия…, 1993, с. 553)).

Аналогичные змеевики с изображением Феодора Стратилата, обнаруженные в Новгороде, Твери, у Калининграда, характеризуются устойчивостью композиции и принадлежностью к кругу новгородских памятников конца XIII–XIV вв. (Гнутова, 1996, с. 353–354).

Сопоставляя белорусский материал с общероссийским, необходимо отметить существенные особенности, ставящие белорусские находки в ранг продукта местного производства. Расплывчатые, нечеткие формы, стационарность ушка в речицком и заславльском змеевиках, запрограммированная изготовителем односторонность обоих – все это указывает на их производство путем переотливки с северорусских образцов. Обратимся к уточнению датировки речицкого образца (являясь односторонним, он играл роль иконки, хотя и был отлит со змеевика). Исходя из вышесказанного, его необходимо отнести к периоду активизации новгородского импорта на территорию Беларуси в XIV в.

Последним артефактом данной категории, имеющим всё те же северорусские корни, является змеевик, диаметром 5 см, из Берестья с изображением Богоматери Знамение, где он найден в слое XIV в. (рис. 50:1; № 2 (Лысенко, 1985, с. 267)), что соответствует времени бытования аналогичных змеевиков в Новгороде (Николаева, 1991, рис. XII:3).

Два других известных экземпляра: из Чечерска, диаметром 4,5 см, с изображением Богоматери типа Живоносный источник, возникший в VIII–IX вв. и господствовавший в XI–XII вв. (рис. 49:2; № 14 (Кондаков, 1915, с. 355; 161, с. 75; Трусов, 1981, с. 3)) и змеевика XIII в., диаметром 5 см, с изображением святых Козьмы и Домиана, характерным для территории Украины (рис. 49:3; №2 3 (НИМ РБ, Н/В 12731; Николаева, 1991, с. 31)), представляют собой южнорусский импорт XII–XIII вв. на белорусские земли.

Аналогичные изображению Богоматери на чечерском змеевике, известны на яшмовом медальоне второй половины XI в., принадлежавшем византийскому императору Никифору Вотаниату (Кондаков, 1915, с. 366), а также на дискосе и

потире XII–XIII вв. из киевского клада, найденного в 1824 году (Кондаков, 1896, рис. 54, 56).

Таким образом, несмотря на малочисленность находок данной категории ПХК, топография и хронология их указывают на поступление змеевиков в Беларусь в качестве индивидуальных оберегов представителей высших социальных слоев, в частности, военной знати, в период XII–XIV вв. из основных центров их производства – Киева и Новгорода.

Южнорусские экземпляры распространялись по Днепро-Сожскому и Березинскому водным путям, а северорусские – через Полоцк в южном (к Речице) и юго-западном (к Бресту) направлениях (рис. 52).

Географическое положение Копыси наиболее удобно в системе транзита как с северного, так и южного направлений. Именно это могло способствовать созданию в этом пункте центра по производству змеевиков XII–XIII вв. с изображением архангела для удовлетворения спроса на данную продукцию в среде местных представителей военной знати. Невозможно точно определить место изготовления отливок из Заславля и Речицы со змеевика XIV в. новгородского происхождения, но вероятность их местного производства достаточно высока.

Все это указывает на сравнительно высокий уровень популярности змеевиков в XII–XIV вв. в Беларуси, и особенно в среде воинской знати.

* * *

Рассмотренные категории ПХК, иконы и змеевики представлены в Беларуси во всем многообразии форм и композиционных схем. Появление их необходимо связывать с возросшим влиянием южных и северорусских культурных традиций на белорусский регион в период начала XII–XIV вв., характеризующийся наплывом многочисленных категорий ПХК.

Концентрация икон и змеевиков в Беларуси в памятниках городского характера указывает на круг их носителей в среде городского населения. Материал для изготовления отдельных экземпляров и сложность декоративной отделки определяют социальную градацию среди их обладателей. Исходя из анализа некоторых типов ПХК, с точностью можно идентифицировать социальный круг, в котором использовался тот или иной предмет. Так, в отношении медальона из Волковыска с изображением святого Дмитрия и змеевиков с фигурой Феодора Стратилата, мы можем утверждать о принадлежности их к индивидуальным оберегам воинской знати. Предметы, несущие на себе стилевые оттенки различных культурных традиций и выполненные под заказ на высоком профессиональном уровне, безусловно, принадлежали представителям купеческой и торгово-ремесленной сферы, специфика деятельности которых отразилась в слиянии разнородных стилей изображения на индивидуальных оберегах.

В отличии от крестов-энколпионов, иконы и змеевики в большей степени характеризуются устойчивостью композиционных схем, ввиду каноничности изображений, и стандартностью форм. Это отразилось в широком периоде их бытования без видимых изменений морфологических и иконографических схем.

Несмотря на многочисленность зафиксированных композиций, прослеживается популярность отдельных персонажей. Наиболее распространенными стали образы Богоматери (зафиксирован в 13 экз.), святого Николая (4 экз.), архангелов (4 экз.), святых Бориса и Глеба (5 экз.). Реже встречены образы святого Георгия (3 экз.), Иисуса Христа (3 экз.), святого Феодора Стратилата (2 экз.) и др., а также композиции религиозных праздников.

Специфика географического положения белорусского региона, где в конце X–XIV вв. пересеклись многочисленные волны восточноевропейских культурных традиций, объясняет возникновение центров местного производства в Минске (каменные иконы), Турове (металлические иконы), Копыси (змеевики), продукция которых обладала особым колоритом, характерным для декоративного искусства этих земель.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проделанной работы собран и обработан значительный археологический материал, связанный с христианским культом, в частности, предметы христианского культа индивидуального использования конца X–XIV вв. Являясь важным источником по изучению социокультурных изменений и преобразований в Беларуси конца X–XIV вв., связанных с распространением христианства, ПХК индивидуального использования стали важным показателем восприятия местным населением основных догматов христианской церкви через использование в обиходе христианских сакральных символов и оберегов.

Роль государственной и духовной иерархии в процессе христианизации всегда признавалась доминирующей. Полученные результаты нашего исследования значительно увеличивают роль субъективного фактора, то есть деятельности отдельного носителя христианского вероучения вне зависимости от его социального положения. Это позволяет нам связать проблему проникновения христианской религии на Беларусь не только с результатом деятельности государственных и церковных структур, но и с процессом культурных контактов между христианами и язычниками, а также в среде христиан как на макроуровне (контакты социальных слоев), так и микроуровне (индивидуальные контакты).

Анализ отдельных категорий ПХК, их классификация, топография и хронология указали на темпы и основные пути их проникновения в Беларусь вследствие контакта местного населения с носителями христианской религии. Восприятие форм ПХК, характерных для отдельных культурных ареалов, указывает на непосредственную связь этапов христианизации с этническим, региональным и социальным показателями их носителей. Эти показатели на начальном этапе доминировали в процессе христианизации белорусских земель.

Первые артефакты конца X–XI вв., связанные с христианским культом, появились в Беларуси вследствие контакта близлежащих к пути «из варяг в греки» регионов с выходцами из северных земель, в том числе и скандинавского происхождения. В XI в. широкое знакомство с символикой креста как объекта, занимающего центральное место в системе христианского догмата, привело к

заимствованию форм прибалтийской продукции металлических крестов, производство которых было налажено в XI в. Изделия южного происхождения встречаются в Беларуси в этот период лишь фрагментарно. В начале XII – первой половине XIII в. на белорусские земли активно воздействовали южнорусские культурные традиции. Это отразилось как в значительном импорте ПХК различных категорий, так и в миграции их носителей из южных земель. Не ослабевало в этот период и влияние северных традиций, которые доминируют в сфере материальной культуры христиан Беларуси с конца XIII в. и на протяжении всего XIV в. В конце XIV в. к этому процессу подключились усилившиеся восточнорусские культурно-политические центры. Все эти изменения были связаны с этапами переориентировки белорусских земель на различные культурно-политические центры в ходе исторических преобразований конца X–XIV вв. на территории Восточной Европы.

Восприятие заимствованных традиций не стало тормозом в формировании региональных черт христианской материальной культуры. Это, наоборот, стимулировало появление специализированного производства различных категорий ПХК в Волковыске, Новогрудке, Витебске, Полоцке, Масковичах, Минске, Вищине, Копыси, Гомеле, Лукомле, Турове. Отдельные типы металлических, костяных и каменных крестов, змеевиков, каменных и костяных икон, придали особый колорит и неповторимые черты данным категориям ПХК. Они дали возможность указать на существование особого локального варианта христианской материальной культуры в Беларуси, включившего в себя широкий спектр достижений духовной и материальной культуры соседних земель.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Л.В., 1974. Мелкое художественное литьё из западнорусских земель (кресты и иконки Беларуси) // СА. № 3. С. 204–219.

Алексеев Л.В., 1980. Смоленская земля в IX–XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука. 261 с.

Алексеев Л.В., 1993. Крест Евфросинии Полоцкой 1161 г. в средневековье и позднейшие времена // РА. №. 2. С. 70–78.

Алексеев Л.В., 1995. Древний Мстиславль в свете археологии // ГАЗ. № 6. С. 118–182.

Алексеев Л.В., 2000. Детинец Мстиславля в XIV–XVII вв. // РА. № 2. С. 94–113.

Алексеев Л.В., 2002. Друцк в XII–XVI вв. (общие вопросы истории памятника) // РА. №1. С. 81–98.

Алешковский М.Х., 1972. Русские глебоборисовские энколпионы // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука. С. 104–125.

Амиранашвили Ш.Я., 1972. Хахульский триптих. Тбилиси: Хеловнеба. 190 с.

Анучин Д.Н., 1899. О культуре костромских курганов и особенно о находимых в них захоронениях и религиозных символах // Материалы по археологии восточных губерний, издаваемые Московским археологическим обществом. М.: Типография Н.Н. Шарапова. Т. 3. С. 258–259.

Анучин Д.Н., 1900. О христианских крестах и образках в могилах средней и западной России // Труды Х АС в Риге 1896 г. М. Т. 3. С. 85–88.

Археология и методы исторических реконструкций: Сб. науч. тр. Киев: Наукова думка, 1985. 190 с.

Архипова Е.І. Боровський Я.Е., 1992. Бронзова підвіска з Киева із зображэнням архангела // Археологія. № 2. С. 95–100.

Асташова Н.И., 1974. Энколпион из Гнездова // СА. № 3. С. 249–251.

Банк А.Б., 1960. Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 130 с.

Банк А.В., 1978. Константинопольские образцы и местные копии (по материалам прикладного искусства X–XII вв.) // ВВ. Т. 34. С. 190–195.

Баравы Р., 1994. Атрыманне Магдэбургскага права Бярэсцем і палітычная барацьба ў ВКЛ на мяжы XIV–XV стст // БГА. Т. 1. Сш. 1. С. 48–52.

Башков А.А., 1998. К вопросу об этнической принадлежности первых христиан на юго-западе Беларуси // Чалавек. Этнас. Тэрыторыя. Праблемы развіцця заходняга рэгіёна Беларусі: Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. Брэст. С. 19–20.

Башков А.А., 1999. К проблеме христианизации юго-запада Беларуси // Берасцейскі хранограф. Брэст. Вып. 2. С. 267–272.

Башков А.А., 2000а. Предметы христианского культа индивидуального использования конца X–XIV вв на территории Беларуси (классификация, топография, хронология). Автореферат дисс. … канд. исторических наук. Мн. 19 с.

Башков А.А., 2000б. Предметы христианского культа конца XI–XIV вв. на Рогачовщине // Старажытнасці Рагачоўшчыны. Мн.–Рагачоў. С. 58–59.

Башков А.А., 2000в. Влияние северорусской культурной традиции на византийское наследие в декоративной пластике конца X–XIV вв. (на примере предметов христианского культа из Беларуси) // Беларуска-грэчаскія ўзаемасувязі: ад старажытнасці да сучаснасці: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мн.: Дэполіс. С. 95–106.

Башков А.А., 2000г. Историография христианских древностей X–XIV вв. в Беларуси // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: стан і перспектывы развіцця: Матэрыялы навук. канфер., прысвеч. 70-годдзю Ін-та гісторыі НАН Беларусі (Мінск, 6–7 кастрычніка 1999 г.). Мн.: Дэполіс. С. 61–64.

Башков А.А., Кошман В.И., 2000. Каменные и металлические иконки как источник изучения социокультурных процессов на Беларуси в XI–XIV вв. // ГАЗ. № 15. С. 166–169.

Башкоў А.А., 2001. Старажытныя хрысціянскія святыні ў кантэксце духоўнай культуры Палесся XX ст. // Загароддзе № 3: Матэрыялы навукова-краязнаўчай канферэнцыі «Палессе ў XX стагоддзі» (Беласток, 1–4 чэрвеня 2000 г.). Мн.: Тэхналогія. С. 86–89.

Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыклапедыя. Мн., 1993. 702 с.

Беленькая Д.А., 1976. Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. № 4. С. 88–99.

Беленькая Д.А., 1993. Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV гг.) // КСИА. Вып. 208. С. 11–19.

Бланков Ж., 1973. О двоеверии и амулетах-змеевиках // Византия, южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М.: Наука. С. 203–210.

Богомольников В.В., 1974. Обследование курганов в Жлобинском районе // АО 1973. М.: Наука. С. 369–370.

Богомольников В.В., 1989. Курганы радимичей. Дис. … канд. исторических наук. Мн. 281 с.

Боровський Я.Е., Калюк О.П., 1993. Дослідження Київського дитинця // Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989: Збірнік наукових праць. Київ: Навукова думка. С. 3–42.

Бривкалне А., 1974. Терветские фибулы // Археология и этнография. Т. 11. С. 121–140.

Бубенька Т.С., 1994. Крыж XVI ст. з Віцебска // Помнікі мастацкай культуры Беларусі эпохі Адраджэння. Мн.: Навука і тэхніка. С. 245–248.

Воронин Н.Н., 1954. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1949) / МИА. № 41. 239 с.

Гісторыя беларускага мастацтва: у 6-ці тамах. Мн.: Навука і тэхніка, 1987. Т. 1. 384 с.

Гнутова С.В., 1993. Медная мелкая пластика Древней Руси // Русское медное литье. М. Вып. 1. С. 7–20.

Гнутова С.В., 1996. Новгородское медное художественное литье (медная пластика) XIV–XV вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV вв. М.: Наука. С. 334–411.

Голан А., 1994. Миф и символ. М.: РУССЛИТ. 412 с.

Гончаров В.К., 1950. Райковетское городище. Киев: Из-во АН УССР. 217 с.

Гупало В., 2001. Звенигородські сакралії // Dzieje Podkarpacia. Tom V. Krosno. S. 407–421.

Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок: пасад–окольный город. Л.: Наука. 159 с.

Гурэвіч Ф.Д., 1982. Каму належаў абразок-лiтык // ПГКБ. № 3. С. 42.

Гуревич Ф.Д., 1982. Новые данные о стеклянных иконках-литиках на территории СССР // ВВ. Т. 43. С. 176–180.

Гурэвіч Ф.Д., 1983. Знойдзена ў Навагрудку // ПГКБ. № 2. С. 22.

Гуревич Ф.Д., 1986. Византийский импорт в городах Западной Руси в XII–XIII вв. // ВВ. Т. 47. С. 65–81.

Гуревич Ф.Д., 1988. Западная Русь и Византия в XII–XIII вв. // СА. № 3. С. 131–142.

Даркевич В.П., 1966. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе X–XIV вв. / САИ. Вып. Е1-59. М.

Даркевич В.П., Пуцко В.Г., 1981. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970–1978 гг.) // СА. № 3 С. 218–232.

Даркевич В.Г., Пуцко В.Г., 1982. Старорязанские клады (раскопки 1979 г.) // СА. № 2. С. 196–208.

Древняя Русь. Быт и культура / Археология. М.: Наука, 1997. 368 с.

Дучыц Л.У., 1983. Крыжы-энкалпіёны // Мастацтва Беларусі. № 6. С. 57–58.

Дучыц Л.У., 1991. Браслаўскае Паазер'е ў IX–XIV стст.: Гісторыка-археалагічны нарыс. Мн.: Навука і тэхніка. 120 с.

Дучыц Л.У., 1996. Курганна-жальнічныя могільнікі на тэрыторыі Полацкай зямлі (да пастаноўкі пытання) // ГАЗ. № 10. С. 38–41.

Дучыц Л.У., Дзярновіч С.Д., Кошман В.І., 2001. Раскопкі курганных могільнікаў каля вёсак Патока і Нясята Клічаўскага раёна Магілёўскай вобласці // МАБ. № 3. С. 165–172.

Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва Беларусі XII–XIII стст. Мн.: Беларусь, 1984. 233 с.

Загорульский Э.М., 1973. Раскопки в Копыси // АО 1972. М.: Наука, 1973. С. 358–360.

Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Мн.: Изд-во БГУ. 358 с.

Заяц Ю.А., 1995. Заславль в эпоху феодализма. Мн.: Наука и техника. 207 с.

Залеская В.Н., 1975. К вопросу об атрибуции Суздальского змеевика // ВВ. Т. 36. С. 184–189.

Зверуго Я.Г., 1975. Древний Волковыск (X–XIV вв.). Мн.: Наука и техника. 144 с.

Зоценко В.Н., 1981. Об одном типе древнерусских энколпионов // Древности Среднего Поднепровья. Киев: Наукова думка. С. 113–124.

История и эволюция древних вещей. М.: Изд-во Моск. ун-та., 1994. 160 с.

Івакін Г.Ю., Козубовский Г.Д., 1993. Дослiджэння пiвденної частини Подолу в 1984–1985 рр. // Стародавнiй Київ. Археологiчнi дослiджэння 1984–1989 рр. Київ: Наукова думка. С. 43–50.

Ільюцік А.У., 1985. Гарадзішча Янава // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. № 3. С. 76–81.

Казей В., 1986. Ля Замчышча // ПГКБ. № 4. С. 27.

Калашник Ю.П., 1989. Средневековый дом в XX квартале Херсонеса (раскопки 1982–1988 гг.) // Итоги археологических экспедиций. Л.: Госуд. Эрмитаж. С. 165–187.

Каранеўская І., 1996. Амулеты-змеевікі (семантычны аналіз выяўленых кампазіцый) // Мастацтва. № 11. С. 72–75.

Каргер М.К., 1946. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. Т. 8. С. 201–224.

Каргер М.К., 1958. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. М.–Л.: Изд-во АН СССР. Т. 1. 578 с.

Каталог предметов, доставленных на археологическую выставку при IX АС в Вильно в 1893 г. Вильно: Типография А.Г. Сыркина, 1893. 115 с.

Квятковская А.В., 1998. Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI–XVII вв.). Vilnius: Diemedzio leidykla. 327 с.

Клейн Л.С., 1991. Археологическая типология. Л.: АН СССР. ЛФ УЭНДИСИ. 445 с.

Клімаў М.В., 2002. Прадметы хрысціянскага культу з помніка Лучна-1 // Асветніцтва і гуманістычныя каштоўнасці Беларусі ў рэтраспектыве часу: да 900-годдзя з дня нараджэння Еўфрасінні Полацкай: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі 30–31 мая 2002 г. у Наваполацку. Мінск: Дэполіс. С. 44–47.

Коваленко В.П., Пуцко В.Г., 1990. Византийская резная иконка из Чернигова // СА. № 1. С. 267–269.

Колединский Л.В., 1991. Верхний замок Витебска в XI–XVIII вв. Дис. … канд. исторических наук. Мн.

Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л., 1981. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука. 167 с.

Колчин Б.А., Рыбина Е.А., 1982. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука. С. 156–177.

Кондаков Н.П., 1892. История и памятники византийской эмали. СПб. – Одесса: Типография Ульрих и Шульца. 367 с.

Кондаков Н.П., 1896. Русские клады. Исследования древностей великокняжеского периода. Т. 1. СПб.: Типография Главн. управл. Уделов. 214 с.

Кондаков Н.П., 1915. Иконография Богоматери. Т. II. Петроград: Типография Императорской Академии наук. 451 с.

Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.–Л.: Изд-во АН СССР. 157 с.

Корзухина Г.Ф., 1958. О памятниках «корсунского дела» на Руси (по материалам медного литья) // ВВ. Т. XIV. С. 129–138.

Корзухина Г.Ф., Пескова А.А., 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение. 432 с.

Королёва Э.В., 1996. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991). Материалы и исследования. Т. 1. Псков. С. 229–306.

Кошман В.И., 2001а. Изделия с перегородчатой эмалью на территории Беларуси // ГАЗ. № 16. С. 130–137.

Кошман В.И., 2001б. Образок святого Матфея с перегородчатой эмалью // РА. № 3. С. 118–122.

Кудрявцев В.В., 1997. Лекции по истории религии и свободомыслия. Мн.: НТООО «Тетрасистемс». 208 с.

Куницький В.А., 1990. Близкосхідній енколпіони на території Південної Русі // Археологія. № 1. С. 106–116.

Лави А., 1988. Городище Куриста в свете новых данных // Известия АН Эстонской ССР. Серия общественные науки. Таллин. № 37. С. 331–335.

Левко О.Н., 1981. Феодальные памятники Северо-Восточной Белоруссии // АО 1980 г. М.: Наука. С. 341.

Леонова А.К., 1982. Мелкая пластика Белоруссии XII–XIII вв., её стиль и тенденции развития // Славянские культуры и мировой культурный процесс: Материалы междунар. науч. конф., 28 сент. – 1 окт. 1982. Мн.: Наука и техника. С. 33–35.

Лысенко П.Ф., 1967. Свинцовые иконки из древнего Турова // СА. № 1. С. 281–284.

Лысенко П.Ф., 1972. Каменная иконка из Пинска // СА. № 3. С. 295–297.

Лысенко П.Ф., 1974. Города Туровской земли. Мн.: Наука и техника. 198 с.

Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Мн.: Наука и техника. 399 с.

Лысенко П.Ф., 1997. Древний Пинск. XI–XIII вв. Мн.: БелАДИ. 192 с.

Лысенко П.Ф., 1999. Туровская земля IX–XIII вв. Мн.: Беларуская навука. 268 с.

Ляпунов А., 1993. Путь креста // Техника молодежи. № 6. С. 64.

Ляўданскі А.Н., 1928. Архэолёгічныя раскопкі ў м. Заслаўе Менскай акругі // Працы. Т. І. С. 1–92.

Лявданский А.Н., 1930а. Некоторые данные о городах Смоленской губернии // Працы. Т. II. С. 179–296.

Ляўданскі А.М., 1930б. Археалагічныя досьледы ў Барысаве // Працы. Т. II. С. 250–262.

Ляўданскі А.Н., 1932. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне // Працы. Т. III. С. 5–67.

Макаров Н.А., 1990. Население русского Севера в XI–XIII вв.: по материалам могильников восточного Прионежья. М.: Наука. 216 с.

Макаров Н.А., 1991. К оценке христианизации деревни в XI–XIII вв // КСИА. Вып. 205. С. 11–21.

Макаров Н.А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белоозерья и Прионежья. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий». 386 с.

Макарова Т.И., 1975. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука. 132 с.

Макарова Т.И., 1998. Гимн вечной жизни // Крест – красота церкви. Мн.: Четыре четверти. С. 47–67.

Макушников О.А., 1994а. В поисках древнего Гомеля. Гомель. 63 с.

Макушников О.А., 1994б. Стратиграфия раскопа 1988 г на Гомельском детинце и некоторые вопросы истории летописного Гомия // ГАЗ. № 3. С. 161–189.

Макушников О.А., 2002. Исследования 1989 г. на южной окраине летописного Гомия // ГАЗ. № 17. С. 163–188.

Мальм В.А., 1968. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 113–117.

Манова Е., 1963. Разкопки на средновековна църква в Кърджали // Археология. Орган на Археологическия институт и музей при Българската академия на наукит. Изд-во на БАН. Кн. 3. Година V. С. 75–83.

Марјановић-Вујовић Г., 1987. Крстови од VI до XII века из збирке Народног музеја. Београд. 87 с.

Марзалюк І.А., 1998. Магілёў у XII–XVIII стст.: Людзі і рэчы. Магілёў – Мінск: Веды. 260 с.

Материалы по археологии России, издаваемые императорской археологической комиссией: Древности Северо-Западного края. СПб., 1890. Т. 1. № 4. Вып. 1. 60 с.

Медынцева А.А., 1961. О датировке некоторых типов энколпионов // Археологический сборник. М.: Изд-во МГУ. С. 61–68.

Миглев А., 1963. Ранносредновекови бъелгарски накити и кръестове енколпиони от Северозападна Бъелгария // Археология. Орган на Археологическия институт и музей при Българската академия на наукит. Изд-во на БАН. Кн. 3 Година V. С. 22–37.

Мотя А.П., 1987. Население Среднего Поднепровья IX–XIII вв. Киев: Наукова думка. С. 72–76.

Мугуревич Э.С., 1965. Восточная Латвия и соседнии земли в X–XIII вв. Рига: Изд-во Зинатне. 144 с.

Мугуревич Э., 1974. Крестовидные подвески в Латвии // Археология и этнография. Т. 11. Рига. С. 220–239.

Мусин А.Е., 1994. Крест-тельник из Псковского кремля // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб. С. 154–163.

Мусин А.Е., 1999. Меч и крест: новое религиозное сознание Древней Руси по данным археологии // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб. С. 134–150.

Мусин А.Е., 2002. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское Востоковедение. 272 с.

Мяцельскі А.А., 1990. Картатэка поўніцца // Мастацтва Беларусі. № 6. С. 75.

Недошивина Н.Г., 1983. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. № 4. С. 222–225.

Недошивина Н.Г., 1995. Металлические кресты-тельники домонгольской Руси // Церковная археология: Материалы первой всероссийской конференции, Псков, 20–24 ноября 1995. СПб.–Псков, 1995. Ч. 2. С. 69–72.

Недошивина Н.Г., 1996. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач // РА. № 2. С. 198–205.

Николаева Т.В., 1968. Рязанская икона с изображением Бориса и Глеба // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 451–458.

Непобедимое оружие. М.: Изд-во «Елеон», 1998.

Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. / САИ. Вып. Е1-60. М. 172 с.

Николаева Т.В., Чернецов А.В., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука. 124 с.

Никольская Т.Н., 1981. Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука. 293 с.

Памяць. Талачынскі раён. Мн., 1988.

Панова Т.Д., 1995. Нательные кресты в погребальной практике русского Средневековья (XI–XVI вв.) // Церковная археология: Материалы первой всероссийской конференции, Псков, 20–24 ноября 1995. Ч. 2. СПб.–Псков. С. 72–74.

Пастернак Я., 1998. Старий Галич. Археологічно-історичні досліди у 1850–1943 р. Івано-Франківськ: Плай. 347 с.

Пекарська Л.В., Пуцко В.Г., 1989. Давньоруські энколпіони в збірці Музею історії м. Киеве // Археологія. № 3. С. 84–94.

Петегирич В., 1996. Значення Перемишля в утверджені християнства на південно-західних рубежах Київської Русі в XI–XIII ст. // Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-slowackie w średniowieczu: Materiały z konferencji, Rzeczów 9, 11.V.1995. Rzeczów. S. 125–133.

Петров Н.И., 1897. Купятицкая икона Богородицы в связи с древнерусскими энколпионами // Труды IX АС в Вильно в 1893 г. Т. II. М. С. 71–78.

Плавинский А.Н., 2002. Погребальные памятники возле деревни Харчичи // ГАЗ. № 17. С. 229–235.

Поболь Л.Д., 1974. Славянские древности Белоруссии (свод археологических памятников раннего этапа зарубинецкой культуры с середины III в до н.э. по начало II в н.э.). Мн.

Поболь Л.Д., 1979. Древности Белоруссии в музеях Польши. Мн.: Наука и техника. 208 с.

Поздняков В.С., 1991. Клецк. X–XVIII вв.: Дис. … канд. исторических наук. Мн., 250 с.

Покровский Н.В, 1916. Церковная археологія въ связи съ исторіею христіанскаго искусства. Петроградъ: Типография Н.А. Лавров и К. 222 с.

Полубояринова М.Д., 1972. Русские вещи на территории Золотой Орды // СА. № 3. С. 164–187.

Полубояринова М.Д., 1994. Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород. С. 75–82.

Померанцев Н.Н., 1960. Героическая тема в древнерусской пластике // Из истории русского и западно-европейского искусства. Материалы и исследования. М.: Изд-во АН СССР. С. 161.

Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць. Мн., 1985.

Попова Л.А., 1987. Исследования в Твери // АО 1985 г. М.: Наука. С. 92–93.

Предполагаемые древности Чёрной Руси. СПб.: Типография Скороходова И.Н., 1899. 8 с.

Прошин Г., 1988. Второе крещение // Как была крещена Русь. М.: Политиздат. 156 с.

Пуцко В.Г., Штыхаў Г.В., 1987. Скульптура і дробная пластыка // Гісторыя беларускага мастацтва: У 6-ці. Мн.: Навука і тэхніка. Т. 1. С. 102–106.

Пуцко В.Г., 1991. Аб іконе Багамацеры Эфескай у Старажытным Полацку // Полацак. Кліўленд. № 8. С. 16–20.

Пуцко В.Г., 1992. Крыж Ефрасіны Полацкай і ўзьвіжальныя крыжы XII–XIII стст. // Полацак. Кліўленд. № 4. С. 12–17.

Пуцко В.Г., Штыхов Г.В., 1993. Бронзовый образок из городища на р. Менке // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрэсаваных археолагаў: Тез. дакл. міжнар. канф., Мінск 27–30 кастр. Мн. С. 141–145.

Пуцко В.Г., 1994а. Візантыйскі мастацкі «імпарт» пачатку XIII ст. паводле археалагічных знаходак на Беларусі і на Украіне // Беларусіка. Мн. Т. 3. С. 203–208.

Пуцко В.Г.,1994б. Подвесны бронзавы абразок з Копысі // Мастацтва. 1994. № 2. С. 69–72.

Пуцко В.Г., 1996. Полацк у гісторыі старажытнарускай дзяржавы // Мастацтва. № 6. С. 67–71.

Пуцко В.Г., 1997а. Художественное ремесло Полоцкой земли // ГАЗ. № 12. С. 195–206.

Пуцко В.Г., 1997б. Сярэднявечны бронзавы рэльеф з Менкі // Мастацтва. № 9. С. 67–68.

Пуцко В.Г., 1997в. О туровских свинцовых моделях XIII в. // Гісторыя Беларусі: жалезны век і сярэднявечча. Мн. С. 51–55.

Пуцко В., 1998. Візантыйскі след на берагах Дзвіны // Мастацтва. № 3 С. 49–50.

Риер Я.Г., 1976. Изучение курганов в Могилёвском Поднепровье // СА. № 2. С. 179–191.

Розенфельд Р.Л., 1978. Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Проблемы советской археологии. М.: Наука. С. 197–208.

Рыбакоў Б.А., 1932. Радзімічы // Працы. Т. III. С. 81–151.

Рыбаков Б.А., 1971. Русское прикладное искусство X–XIII вв. Л.: Аврора. 127 с.

Рыбаков Б.А., 1987. Язычество Древней Руси. М.: Наука. 593 с.

Рындина А.В., 1996. Новгородское серебряное дело XIII–XV вв. // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV вв. М.: Наука. С. 69–282.

Савін Н.І., 1930. Раскопкі курганоў у Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губерніі // Працы. Т. II. С. 219–252.

Сапунов Б.В., 1999. Тайна змеевиков // АСГЭ. № 34. С. 199–207.

Свешников И.К., 1995. Древнерусский город Звенигород и его торговые связи с востоком // Славянская археология 1990. Раннесредневековый город и его округа. Материалы по археологии России. Вып. 2. М. С. 43–66.

Седов В.В., 1987. Распространение христианства в Древней Руси // Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы: Крещение Руси: Сб. тез. М.: Наука. С. 40–43.

Седов В.В., 1988. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М.: Наука. С. 63–66.

Седов В.В., 1999. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры. 320 с.

Седова М.В., 1966. Новгородские амулеты-змеевики // Культура Древней Руси. М.: Наука. С. 243–245.

Седова М.В., 1974. О двух типах привесок-иконок Северо-восточной Руси // Культура средневековой Руси. Л.: Наука. С. 72–76.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.: Наука. 193 с.

Седова М.В., 1988. Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси // Древности славян и Руси. М.: Наука. С. 272–279.

Седова М.В., 1993. Пережитки языческих верований в средневековой культуре Суздаля // КСИА. Вып. 208. С. 77–86.

Седова М.В., 1996. Изделия новгородских ремесленников-ювелиров X–XV вв. (по данным археологии) // Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: Художественный металл XI–XV вв. М.: Наука. С. 414–446.

Сементовский А.М., 1890. Беларуския древности. СПб. Вып. 1. 136 с.

Семянчук Г.М., 1995. Дрысвяты ў Сярэднявеччы // Браслаўскія сшыткі: Гістарычны зборнік. Браслаў. № 3. С. 23–27.

Семянчук Г.М., 1999. Дрысвяцкія крыжы-энкалпіёны // Браслаўскія сшыткі: Гістарычны зборнік. Браслаў. № 3. С. 90–92.

Семенчук Г., 2001. Раннесредневековый археологический комплекс Дрисвяты // LA. Т. 21. С. 299–310.

Сербаў І.А., 1932. Археолёгічныя абсьледваньні ў водазборах рэк Проні-Ухлесці ў былой Магілёўшчыне // Працы. Т. III. С. 240–241.

Сергеева З.М., 1986. Денисенские курганы на Витебщине // КСИА. Вып. 187. С. 75–80.

Соловьева Г.Ф., 1967. О восточной границе дреговичей // КСИА. Вып. 110. С. 10–13.

Станчак Я., 1993. Збірка энколпіонів з фондів Львівського історичного музею // Львівский історичний музей. Навукові записки. Львів, 1993. Вып. 1. С. 87–95.

Старажытныя скарбы Беларусі. Мн.: Беларусь, 1971. 86 с.

Тарасаў С.В., Дучыц Л.У., Семянчук Г.М., 1995. Курганны могільнік каля в. Дзмітраўшчына Полацкага раёна // ГАЗ. № 6. С. 230–241.

Тарасаў С.В., 1998. Полацк IX–XVII стст. Гісторыя і тапаграфія. Мн.: Беларуская навука. 183 с.

Тарасенко В.Р., 1957а. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. // Материалы по археологии БССР. Мн.: Изд-во АН БССР, 1957. Т. 1. С. 270–276.

Тарасенко В.Р., 1957б. Древний Минск // Материалы по археологии БССР – Мн.: Изд-во АН БССР, 1957. Т. 1. С. 231–232.

Татур Г.Х., 1892. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и её археологическое значение. Мн.: Губернская типография. 176 с.

Теория и прикладные методы в археологии: Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1994. 124 с.

Ткаченко В.А., Хухарев В.В., 1999. Святой мученик Никита Бесогон на крестах и иконках из Калуги // Сквозь века: Материалы второй городской краеведческой конференции. Калуга. С. 68–80.

Уваров А.С., 1872. Миряне и их быт по курганным раскопкам. М.: Синодальная типография. 89 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа, 1987. 216 с.

Фехнер М.В., 1968. Крестовидные привески «скандинавского» типа // Славяне и Русь. М.: Наука. С. 210–214.

Фоняков Д.И., 1991. Цветной металл Торопца (типология и технология) // СА. № 2. С. 217–231.

Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.

Фурсов М.В., 1893. Курганные раскопки в пяти уездах Могилёвской губернии в 1892 г. // Труды IX АС в 1893 г. Вильно, 1893. Т. 1. С. 236–245.

Ханенко Б.Н. и В.Н., 1899, 1900. Древности русские. Кресты и образки. Киев, Вып. 1; 2. 33 с.

Ханенко Б.Н. и В.Н., 1902. Древности Приднепровья. Эпоха славянская VI–XIII вв. Киев, 1902. Вып. 5. 64 с.

Цітоў А., 1997. Канфесійная сімволіка // Мастацтва. № 2. С. 47–51.

Чернов С.З., 2000. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже (по данным археологических исследований 1997–1998) // РА. № 1. С. 63–81.

Шадыро В.И., 1993. Средневековые материалы из городища Прудники // Сярэднявечныя старажытнасці Беларусі: новыя матэрыялы і даследаванні. Мн.: Навука і тэхніка. С. 138–146.

Ширинский С.С., 1999. Кресты-энколпионы с обратной надписью как источник для истории церкви и Древней Руси // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. История и культура древних и средневековых славян – М.: Эдиториал УРСС. Т. 5. С. 131–141.

Штыхов Г.В., 1965. Древний Полоцк IX–XIII вв.: Дис… канд. ист. наук: 07.00.06. Минск, 1965. 402 с.

Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Мн.: Наука и техника, 1978. 160 с.

Штыхаў Г.В., 1992. Крывічы. Мінск: Навука і тэхніка, 1992. 190 с.

Ягодинська М., 1993. Хрести та іконки княжої доби із Західного Поділля // Studia Archaeologica. Київ: АН України, Ін-т українознавства ім. І.Крип'яневича. № 1. С. 67–71.

Јанковић М., 1997. Београд и Његова околина од IX до XI века // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Славянский средневековый город. М.: Изд-во НПБО «Фонд археологии». Т. 2. С. 44–45.

Antoniewicz J., 1955. Kontakty słowiańsko-pruskie w okresie wczesnośredniowiecznym w swietle źródeł archeologicznych // WA. T. XXII. Zesz. 1. S. 223–277.

Baranowski T., 1998. Gród w Kaliszu – badania, odkrycia, interpretacje // Kalisz wczesnośredniowieczny: Materiały Sesji Kalisz 15 czerwca 1998. Kalisz. S. 37–64.

Berga T., 1997. Kaklarotas krāslavas Augustiniš ku senkapos (14 gs.–16 gs. sākums) // AE. XIX. S. 119–139.

Danmarks middelalderlige skattefund c. 1050 – c. 1550. Del. 2. Fundkatalog fra c. 1241 – c. 1550. Registre. Det kongelige nordiske oldskriftselskab. København, 1992.

Duczko W., 1997. Byzantine Presence in Viking Age Sweden Archaeological Finds and their Interpretation // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Band I. Stuttgart. P. 291–311.

Durczewski Z., 1939. Stary zamek w Grodnie w swietle wykopalisk dokonanych w latach 1937–1938. Grodno: Nieman. 16 s.

Ginalski J., 2000. Enkolpiony z grodziska «Horodyszcze» w Trepczy koło Sanoka // Akta archaeologica carpathica. T. XXXV. Kraków. S. 211–260.

Ginalski J., 2001. Wczesnośredniowieczny zespół sakralny na grodzisku «Horodyszcze» w Trepczy koło Sanoka // Dzyieje Podkarpacia. T. V. Krosno. S. 349–378.

Gołub S., 1996. Badania stanowisk z okresu wczesnego średniowiecza w Chełmie // Archeologia Polski Środkowowschodniej. T. I. Lublin – Chelm – Zamość. S. 127–128.

Gródek-Kciuk E., 1989. Enkolpiony znalezione na terenie Polski. Próba klasyfikacji i datowania materialów // PA. Vol. 36. S. 97–129.

Hensel W., 1959. Studia i materiały do osadnictwa Wielkopolski wczesnośredniowiecznej. T. III. Warszawa, 1959.

Horničkova K., 1999. The Byzantine Reliquary Pectoral Crosses in Central Europe // Byzantinoslavica. № 1. Praha, 1999. S. 213–250.

Jaskanis D., 1962. Materialy odkryte w 1934 r na cmentarzysku kurhanowym w Zaświrzu rej. Świr w B.S.R.R. // Światowit. T. XXIV. Warszawa. S. 459–483.

Jaskanis D., 1999. O kilku przedmiotach obcej prowieniencji na wschodnim Mazowszu wczesnego średniowiecza // Światowit. T. I (XLII). Fasc. B. Warszawa. S. 81–87.

Jasnocz S., 1972. Badania wykopaliskowe na grodzisku wczesnośredniowiecznym w Bruszczewie pow. Kościan, stanowisko 13, w roku 1970 // Fontes Archaeologici Posnanienses. Annales musei archaelolgici posnaniensis. Vol. XXII (1971). Poznań. S. 219–223.

Kalavrezon-Maxeiner J., 1985. Byzantine icons in steatite. Verlag der Ósterreichischen Akademie der Wissenschaften. Band I, II. Wien.

Kalinowski L., 1971. Przedmioty liturgiczne znalezione w grobach pierwszych opatów tynieckich // Folia historiae artium. T VI/VII. Kraków. S. 175–238.

Kaszewska E., 1960. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko w Kałdusie pow. Chełmno // Prace i materiały muzeum archeologicznego etnograficznego w Łodzi. Seria archeologiczna. № 5. Łódź. S. 143–181.

Kaźmierczyk J., Kramerek J., Lasota Cz., 1975. Badania na ostrowie Tumskim we Wrocławiu w roku 1973 // Silesia Antiqua. T. XVII. Wroclaw – Warszawa – Kraków – Gdańsk. S.183–220.

Kiersnowcy T. i R., 1959. Wczesnośredniowieczne skarby srebrane z Pomorza – Materiały. Waraszawa – Wroclaw. 134 s.

Kulikauskiene R., 1972. Maišiagalos piliakalnio 1971 m. // Archeologiniai ir etnografiniai tyrinejimai Lituvoje 1970 ir 1971 metais. Vilnius. S. 22–25.

Koperski A., 2001. Kościół Przemyski wdobie wczesnego średniowiecza // Dyieje Podkarpacia. T. V. Krosno. S. 329–347.

Kóčka-Krenz H., 1993. Biżuteria północno-zachodnio-słowiańska we wczesnym średniowieczu. Poznań. 325 s.

Krasnodąbski D., 1998. Średniowieczny mieszkańcy pogranicza // Gazociąg pelen skarbów archeologicznych. Poznań. S. 92–98.

Lepówna B., 1992. Pracownie bursztynnicze w południowo-wschodnim rejonie Gdańskiego grodu na przełomie X–XI wieku // Acta Universitatis Lodziensis. Folia archaeologica. № 16. Lódź. S. 209–219.

Mazuryk J., Panuszko S., Ostapik O., 1998. Badania archeologiczne latopisowego Uhrowieska // Archeologia Polski Środkowowschdniej. T. III. Lublin – Chelm – Zamość. S. 175–182.

Musianowicz K., 1950. Z zagadnień osadnictwa wczesnohistorycznego pow. Sokolów Podlaski // WA. T. XVII. Zesz. 1. S. 229–250.

Musianowicz K., 1955. Przyczynki do osadnictwa mazowieckiego na Podlasiu w XII–XIII wieku // Światowit. T. XXI. Warszawa, 1955. S. 247–275.

Musianowicz K., 1969. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu // Materiały wczesnośredniowieczne. T. VI. Warszawa – Kraków. S. 7–236.

Musin A., 1998. Two Curches or two Traditions: Common Traits and Peculiarities in Northern and Russian Christianity before and after 1054 AD through the Archaeological Evidence. A View from the East // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Band II. Stuttgart. S. 275–295.

Muzyczuk A., Gancarski J., 2001. Płytka ze sceną ukrzyżowania z domniemanego domu wójtowskiego na rynku w Krośnie // Dzieje Podkarpacia. T. V. Krosno. S. 475–480.

Mugurēvičs Ē., 1998. Die Verbreitung des Christentums in Lettland vom 11. Jahrhundert bis zum Anfang des 13. Jahrhunderts // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Band II. Stuttgart. S. 81–95.

Nadolski A., 1959. Prace wykopaliskowe w Czermnie nad Huczwą, pow. Tomaszów Lubelski w 1952 r. // AP. T. IV. Zesz. 1. S. 93–185.

Oboj R., 1958. Sprawozdanie z prac wykopaliskowych, przeprowadzonych w Rowninie dolnej, pow. Kętrzyn w 1956 i 1957 r. // Rocznik Olsztyński. T. I. Olsztyn. S. 117–156.

Paner A., Paner H., 1998. Gdańszczanie na pielgrzymkowych szlakach w XIV i XV wieku // Gdańsk średniowieczny w żwietle najnowszych badań archeologicznych i historycznych. Gdańsk, 1998. S. 167–183.

Petrović R., 1997. Krstovi vizantijskog carstva. Beograd. 143 s.

Poulik J., 1957. Archeologicke vysledky vyzkumu na velkamoravskem hradisti «Valy» u Mikulcic // Pomatky archeologicke. T. XLVIII. S. 340–352.

Powlata L., 1991. Wyniki badań nowo odkrytego cmentarzyska wczesnośredniowecznego w Drohiczynie, woj. Białostockie // Rocznik Białostocki. T XVII. Warszawa. S. 111–126.

Pucko W., 1983. Połocki relief steatytowy: problem zachodnich wpływów w sztuce ruskiej XII wieku // Biuletyn Historii Stuki. Rok XLV. № 3–4. S. 259–264.

Purhonen P., 1998. Kristinuskon saapumisesta suomeen. Uskontoarkeologinen tutkimus. Helsinki. 191 s.

Rauhut L., 1960. Wczesnośredniowieczne materiały z terenów Ukrainy w Państwowym muzeum archeologicznym w Warszawie // Materiały wczesnośredniowieczne. Książka i wiedza. Warszawa. S. 231–260.

Rogatko J., 1994. Nowe znaleziska z okolic Gródka nad Bugiem woj. Zamość // Sprawozdania archeologiczne. T. XLVI. Kraków. S. 169–184.

Spier J., 1993. Medieval byzantine magical amulets and their tradition // Journal of the Warburg and Courtanld Institutes. Vol. 56. S. 25–62.

Slaski J., Tabaczyński S., 1959. Wczesnośredniowieczne skarby srebrane Wielkopolski – Materialy. Waraszawa – Wroclaw.

Staecker J., 1997. Bremen – Canterbury – Kiev – Konstantinopel? Auf Spurensuche nach Missionierenden und Missionierten in Altdänemark und Schweden // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Band I. Stuttgart. S. 59–81.

Staecker J., 1997. Legends and Mysteries // Visions of the Past. Trend and Traditions in Swedish Medieval Archaeology. Central Board of National Antiquities. Stockholm. 794 s.

Staecker J., 1999. Rex regum et dominus dominorum. Die wiekingerzeitlichen Kreuz-und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemsrk und Schweden. Stockholm 1999. 621 s.

Šnore E., 1997. Lejasdopelu kapulauks senajā sēlijā // AE. Vol. XIX. S. 64–81.

Szczepkowska-Naliwajek K., 1996. Relikwiarze średniowiecznej Europy od IV do początku XVI wieku. Geneza, treści, styl i techniki wykonania. Warszawa. 335 s.

Wachowski K., 1992. Kultura karolińska a słowiańszczyzna zachodnia // Studia archeologiczne. T. XXIII. Wroclaw. 127 s.

Walter Chr., 1992. Stuka i obrządek kościoła bizantyńskiego. Warszawa. 327 s.

Woodind J., 2001. Wikingowie. Warszawa.

Wołoszyn M., 2001. Archeologiczne zabytki sakralne pochodzenia wschodniego w Polsce od X do połowy XIII wieku // Cerkiew – wielka tajemnica. Stuka cerkiewna od XI wieku do 1917 roku ze zbiorów polskich. Gniezno. S. 25–45.

Zawadzka-Antosik B., 1982. Z problematyki pochówków dziecięcych odkrytych na cmentarzysku w Czekanowie woj. Siedleckie // WA. T. XLVII. Zesz. 1. S. 25–57.

Zemītis G., 1998. Christliche und heidnische Symbole aus Burgen des 9.–12. Jahrhunderrts in Zentrallettland // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Band II. Stuttgart. S. 97–113.

Žulkus V., 1998. Heidentum und Christentum in Litauen im 10.–16. Jahrhundert // Rom und Byzanz im Norden. Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts. Band II. Stuttgart. S. 143–161.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Алексеев Л.В., 1955-А. Отчет о полевых археологических исследованиях Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции АН СССР / ААНБ ИИ НАН Беларуси. Дело № 10, 40.

Алексеев Л.В., 1985-А. Отчет о раскопках Днепро-Двинской экспедиции АН СССР летом 1985 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1054.

Алексеев Л.В., 1960-А. Отчет об археологических исследованиях Полоцко-Прибалтийского отряда Прибалтийской комплексной экспедиции летом 1960 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 139.

Богомольников В.В., 1972-А. Отчет об археологических разведках в Жлобинском районе Гомельской области / ААНБ ИИ НАН Беларуси. Дело № 413.

Богомольников В.В., 1975-А. Отчёт о полевых работах в 1975 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 520.

Бруевич Н.И., 1997-А. Отчет Институту истории НАН РБ об археологических исследованиях в Ветковском и Гомельском р-нах Гомельской обл. (на памятниках Чемерня-2, Чемерня-5, Смедин-5, Сосновка-1) в 1997 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1755.

Бубенько Т.С., 1985-А. Отчет о полевых исследованиях в Витебске в 1985 г. / ААНБ ИИ НАН Беларуси. Дело № 893.

Бубенько Т.С., 1992-А. Отчет о полевых исследованиях на Замковой горе в г. Новогрудке Гродненской обл. в 1992 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1478.

Бубенько Т.С., 1994а-А. Отчет о полевых исследованиях внутри Благовещенской церкви XII в. в г. Витебске в 1994 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1654.

Бубенько Т.С., 1994б-А. Отчет о проведении археологических раскопок на Верхнем замке Витебска в 1994 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1653.

Бычков Н.В., 1988-А. Отчет о полевых исследованиях в 1988 младшего научного сотрудника Бычкова Н.В. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1160.

Бычков Н.В., 1989-А. Отчет о полевых исследованиях в 1989 г. младшего научного сотрудника Бычкова Н.В. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1181.

Бяліцкая Г.М., 2002-А. Справаздача аб палявых даследаваннях 2002 г. у Столінскім раёне Брэсцкай вобласці / ААНБ ИИ НАН Беларуси. Дело № 2052.

Вайцяховіч А.В., 2001-А. Раскопкі курганнага могільніка каля вёскі Звязда Лепельскага р-на ў 2001 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1925.

Голубович В.И., без года-А. Новые материалы по истории Гродно в раннюю феодальную эпоху / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 352.

Гуревич Ф.Д., 1957-А. Отчет о работе славяно-литовского отряда Прибалтийской экспедиции за 1957 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 23.

Гуревич Ф.Д., 1962-А. Отчет о работе славяно-литовского отряда за 1962 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 146а.

Гуревич Ф.Д., 1970-А Отчет о работе Новогрудской экспедиции в 1970 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 370.

Гуревич Ф.Д., 1971-А. Отчет о работе Новогрудской экспедиции в 1971 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 404.

Гуревич Ф.Д., 1973-А. Отчет о работе Новогрудской экспедиции за 1973 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 456.

Гуревич Ф.Д., 1974-А. Отчет о работе Новогрудской экспедиции в 1974 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 528.

Дернович С.Д., 2002-А. Отчет об археологических исследованиях в Северной Беларуси в 2002 году / ААНБ ИИ НАН Беларуси. Дело № 2016.

Драгун Ю.И., 1965-А. Отчет Оршанского отряда археологической экспедиции БГУ им. В.И. Ленина за 1965 г. / ААНБ ИИ НАН Беларуси. Дело № 278.

Дучиц Л.В., 1976-А. Отчет о полевых исследованиях 1976 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 543.

Дучиц Л.В., 1977-А. Отчет за полевой сезон 1977 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 562.

Дучиц Л.В., 1978-А: Отчет о полевых исследованиях 1978 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 576.

Дучиц Л.В., 1979-А. Отчет о полевых исследованиях группы по изучению средневековых памятников Белорусско-латышского порубежья 1979 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 696.

Дучиц Л.В., 1980-А. Отчёт о полевом сезоне 1980 г. группы по изучению памятников раннего средневековья в среднем течении бассейна Западная Двина / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 655.

Дучиц Л.В., 1981-А. Отчёт об археологических раскопках и разведках на северо-западе Витебской области в 1981 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 757.

Дучиц Л.В., 1983-А. Отчет об археологических исследованиях в Подвинье, в Мстиславском р-не Могилёвской обл. и Любанском р-не Минской обл. в 1983 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 845.

Дучиц Л.В., 1988-А. Отчет о полевых исследованиях в Браславском р-не Витебской обл. в 1988 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1060.

Дучыц Л.У., 1998-А. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Бабруйскага, Клічаўскага р-наў Магілеўскай вобл. і Любанскага р-на Мінскай вобл. у 1998 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1744.

Загорульский Э.М., 1969-А. Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Белгосуниверситета им В.И. Ленина в 1969 г. / ААНБ ИИ НАН Беларуси. Дело № 345.

Загорульский Э.М., 1971-А. Отчет о работах археологической экспедиции БГУ им. В.И. Ленина в 1971 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 388.

Загорульский Э.М., 1972-А. Отчет о работах археологической экспедиции им В.И. Ленина в 1972 г. / ААНБ ИИ НАН Беларуси. Дело № 411.

Загорульский Э.М., 1977-А. Отчёт о полевых исследованиях археологической экспедиции БГУ им. В.И. Ленина в 1977 г. / ААНБ ИИ НАН Беларуси. Дело № 566.

Загорульский Э.М., 1979-А. Отчет об археологических исследованиях экспедиции БГУ им. В.И. Ленина в 1979 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 634.

Загорульский Э.М., 1980-А. Отчет об археологических исследованиях Вищинского городища экспедицией БГУ им. В.И. Ленина в 1980 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 702.

Загорульский Э.М., 1982-А. Отчет об археологических исследованиях Вищинского отряда археологической экспедиции БГУ им. В.И. Ленина в 1982 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 798.

Загорульский Э.М., 1983-А. Отчет о работах Вищинского отряда археологической экспедиции БГУ им. В.И. Ленина в 1983 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 837.

Загорульский Э.М., 1984-А. Отчет о работах Вищинского отряда археологической экспедиции БГУ им. В.И. Ленина в 1984 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 889.

Загорульский Э.М., 1985-А. Отчет о работах Вищинского отряда археологической экспедиции Белгосуниверситета им. В.И. Ленина в 1985 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 933.

Заяц Ю.А., 1990-А. Отчет об археологических исследованиях Заславского замка в 1990 г. / ААНБ ИИ НАН Беларуси. Дело № 1215б.

Иов О.В., 1988-А. Отчет за 1988 г. о полевых исследованиях в Брестской обл. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1095.

Иов О.В., 1998-А. Отчет об археологических раскопках и разведках в Брестской и Гомельской областях в 1998 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1794.1993.

Іоў А.В., 1997-А. Справаздача аб археалагічных раскопках у в. Снядзін Петрыкаўскага р-на ў 1997 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1665.

Калядзінскі Л.У., 1996-А. Справаздача аб палявых даследаваннях у г.п. Капыль у 1996 годзе / ААНБ ИИ НАН Беларуси. Дело № 1729.

Калядзінскі Л.У., 1998-А. Справаздача аб археалагічных даследваннях у г. Капылі ў 1998 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1812.

Клімаў М.В., Тарасаў С.В., 1995-А. Справаздача за 1995 г. аб археалагічных даследаваннях у Полацку і Полацкім раёне / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1599.

Клімаў М.В., 1998-А. Справаздача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Полацкага раёна ў 1998 / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1768.

Колединский Л.В., 1987-А. Отчет о полевых работах в Слуцке в 1986–1987 гг. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1044.

Кошман В.І., 1999-А. Справаздача аб археалагічных разведках на тэрыторыі Бярэзінскага раёна Мінскай вобласці, Бабруйскага і Клічаўскага раёнаў Магілёўскай вобласці 1999 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1809.

Левко О.Н., 1987-А. Отчёт за 1987 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1047.

Лысенко П.Ф., 1963-А. Отчет о работе Пинского отряда археологической экспедиции Института истории АН БССР за 1963 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 202.

Лысенко П.Ф., 1964-А. Отчет о полевых работах Пинского археологического отряда в 1964 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 266.

Лошенков М.И., 1998-А. Отчет о раскопках и разведках в 1998 г. в Бобруйском и Любанском районах / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1784.

Лысенко П.Ф., 1963-А. Отчет о работе Пинского отряда археологической экспедиции Института истории АН БССР за 1963 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 202.

Макушников О.А., 1985-А. Отчет младшего научного сотрудника Гомельского областного краеведческого музея Макушникова О.А. о полевых археологических исследованиях 1985 г. близ д. Нисимковичи Чечерского района Гомельской области / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 934.

Макушников О.А., 1986-А. Отчет младшего научного сотрудника Гомельского областного краеведческого музея Макушникова О.А. об охранных археологических исследованиях 1986 г. в г. Гомеле / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 971.

Макушников О.А., 1987-А. Отчет об охранных археологических исследованиях 1987 г. в г. Гомеле / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1189.

Макушников О.А., 1988-А. Отчет заведующего отделом археологии, кандидата исторических наук Макушникова О.А. о полевых исследованиях археологического отряда-музея в 1988 г. на территории г. Гомеля / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1098.

Макушников О.А., 1989-А. Отчет кандидата исторических наук заведующего отделом археологии Гомельского областного краеведческого музея Макушникова О.А. о полевых исследованиях Гомельского археологического отряда в 1989 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1230 (а–в).

Макушников О.А., 2001-А. Отчет об историко-археологических исследованиях на посаде средневекового Гомеля в 2001 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1916.

Метельский А.А., 1988-А. Отчет о раскопках в Кричеве в 1988 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1190.

Метельский А.А., 1990-А. Отчет о проведенных археологических исследованиях Верхнесожской археологической группой за 1990 г. м.н.с. отдела археологии средневекового периода Метельского А.А. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1205.

Полубояринова М.Д., 1961-А. Отчет о раскопках 1961 г. в Турове / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 115.

Риер Я.Г., 1977-А. Отчёт о раскопках селища и курганов у г. Чаусы в 1977 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 557.

Русов Н.А., 1987-А. Отчет о раскопках на трассе станции метро «Немига» в 1987 (раскоп 1) и шурфовке вала возле кафе «Реченька» / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1086.

Рябцевич В.Н., Плавинский А.Н., 1987-А. Отчет о раскопках курганного могильника в д. Навры Мядельского р-на Минской обл. в 1987 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1185.

Рябцевич В.Н., Плавинский А.Н. 1999-А. Отчет за 1999 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело №.

Рябцевич В.Н., Плавинский А.Н., 2002-А. Отчёт о раскопках могильника у дер. Харчичи Березинского р-на Минской обл. Июль 2001 г. / ААНБ ИИ НАН Беларуси. Дело № 1943.

Семенчук Г.Н., Ткачёв М.А., 1989-А. Отчет об археологических раскопках на «Замковой горе» в г. Браслав Витебской обл. в 1989 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 118.

Семянчук Г.М., 1991-А. Справаздача аб археалагічных палявых даследаваннях у Браслаўскім р-не, Віцебскай вобл. у 1991 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1386.

Семянчук Г.М., 2001-А. Справаздача аб археалагічных даследаваннях у Браслаўскім р-не Віцебскай вобласці і г. Гродна ў 2001 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело №.

Сергеева З.М., 1981-А. Отчет о работе Витебского отряда ИА АН СССР в 1981 г. на территории Верхнедвинского района Витебской области / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 761.

Собаль В.Е., 1993-А. Справаздача аб археалагічных раскопках у жніўні 1993 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1517.

Соловьёва Г.Ф., 1963-А. Отчёт о раскопках курганов Радимичской экспедиции Института Археологии АН СССР в пределах Гомельской обл. БССР за 1963 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 226.

Соловьёва Г.Ф., 1964-А. Отчёт о работе Радимичского отряда Приднепровской археологической экспедиции Института Археологии АН СССР за 1964 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 245.

Соловьева Г.Ф., 1965-А. Отчет о работе Радимичского отряда за 1965 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 254.

Соловьёва Г.Ф., 1968-А. Отчёт о работе Радимичской экспедиции в 1968 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 322.

Соловьева Г.Ф., 1969-А. Отчет о работе Восточнобелорусской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1969 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 356.

Тарасаў С.В., 1989-А. Справаздача аб раскопках у Полацку ў 1989 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1165.

Тарасаў С.В., 1990-А. Справаздача аб археалагічных доследах у Полацку і полацкай акрузе ў 1990 г. / ААНБ ИИ НАН Беларуси. Дело № 1205.

Тарасаў С.В., 1993. Справаздачы аб археалагічных доследах у г. Полацку і Полацкай акрузе ў 1993 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1496.

Тарасенко В.Р., Штыхов Г.В., 1962-А. Отчет о раскопках Полоцкого отряда белорусской археологической экспедиции 1962 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 130.

Тарасов С.В., 1988-А. Отчет о раскопках в г. Полоцке в 1988 г. – Архив ИИ НАНБ. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1084.

Ткачев М.А., Колединский Л.В., 1979-А. Отчет о полевых исследованиях в Витебске за 1979 г. и разведках в Минской обл. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 773.

Ткачоў М.А., 1976-А. Справаздача аб палявых даследаваннях Днепрадзвінскага атрада за сезон 1976 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1032.

Ткачоў М.А., 1980-А. Справаздача аб летніх палявых даследаваннях археалагічнага атрада Гродзенскага універсітэта ў 1980 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 703.

Трусов О., Чернявский И., 1981-А. Отчет о проведении археологических раскопок в июне-июле 1981 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 768а.

Чернявский В.М., 1994-А. Отчёт о раскопках неолитического поселения Угольщина-2 Белыничского р-на Могилёвской области в 1993–1994 гг. / Архив археологической лаборатории исторического факультета МГУ имени А.А. Кулешова.

Шадыро В.И., 1983-А. Раскопки городища «Замок» близ д. Прудники Миорского р-на в 1983 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 833.

Шадыро В.И., 1989-А. Отчет о полевых исследованиях в Миорском и Глубокском р-нах Витебской обл. в 1989 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 1138.

Ширинский С.С., 1958-А. Отчет о раскопках трех курганов в 1958 г у д. Глыбов Речицкого района Гомельской области / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 153а.

Штыхов Г.В., 1964-А. Отчет о раскопках в Витебске и археологических разведках в Полоцке, Шклове и Орше в 1964 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 243.

Штыхов Г.В., 1965-А. Отчет об археологических исследованиях в Витебской обл. и Логойске в 1965 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 259.

Штыхов Г.В., 1970-А. Отчёт о раскопках в Витебске и Минской обл. 1970 / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 368.

Штыхов Г.В., 1972-А. Отчет о раскопках в Витебске и обследовании археологических памятников в Витебском и Городокском районах в 1972 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 413.

Штыхов Г.В., 1973-А. Отчет об исследованиях в Витебской обл. в 1973 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 454.

Штыхов Г.В., 1975-А. Отчет об исследовании поселений и курганов северной и центтальной Белоруссии в 1975 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 515.

Штыхов Г.В., 1978-А. Отчет об археологических исследованиях в 1978 г. / ААНД ИИ НАН Беларуси. Дело № 578.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААНД ИИ НАН Беларуси – Архив археологической научной документации Института истории НАН Беларуси
АО – Археологические открытия. М.
АС – Археологический съезд
АСГЭ – археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.–СПб.
БГА – Беларускі гістарычны агляд. Мн.
ВВ – Византийский вестник. М.
КСИА – Краткие сообщения института археологии. М.
ПГКБ – Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мн.
Працы. Т. І. – Працы катэдры археолёгіі. Том І. Запіскі аддзелу гуманітарных навук Інстытута Беларускае культуры. Кніга 5. Мн., 1928.
РА – Российская археология. М.
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников
AE – Archeologija un etnogrāfija. Riga.
AP – Archeologia Polski. Warszawa – Wroclaw
LA – Lietuvos Archeologija. Vilnius.
PA – Przeglạnd Archeologiczny. Warszawa.
WA – Wiadomości archeologiczne. Warszawa.

КАТАЛОГ НАХОДОК

Таблица 1. Кресты-тельники

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
1	Берестье, детинец	Лысенко П.Ф., 1977	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип IV	конец XI в.	Лысенко, 1985, рис. 7:9
2	Берестье, детинец	Лысенко П.Ф., 1969	группа – каменные тип I	вторая половина XII в.	Лысенко, 1985, рис. 15:5
3	Берестье, детинец	Лысенко П.Ф., 1969	группа – каменные тип I	середина XII в.	Лысенко, 1985, рис. 15:4
4	Берестье, детинец	Лысенко П.Ф., 1974	группа – каменные тип I	XIV в.	Лысенко, 1985, рис. 15:6
5	Берестье, детинец	Лысенко П.Ф., 1977	группа – каменные тип I подтип B	первая половина XIII в.	Лысенко, 1985, рис. 15:7
6	Берестье, детинец	Лысенко П.Ф., 1971	группа – каменные тип I	вторая половина XIII в.	Лысенко, 1985, рис. 15:3
7	Берестье, детинец	Лысенко П.Ф., 1971	группа – каменные тип I	XIV в.	Лысенко, 1985, рис. 15:2
8	Берестье, детинец	Лысенко П.Ф., 1981	группа – каменные тип I	вторая половина XIII в.	Лысенко, 1985, рис. 15:1

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
9	Берестье, детинец	Лысенко П.Ф., 1977	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I	начало XIII в.	Лысенко, 1985, рис. 18:18
10	Берестье, детинец	Лысенко П.Ф., 1969	группа – каменные подгруппа – янтарные тип IV	конец XII – начало XIII в.	Лысенко, 1985, рис.18:19
11	Борисов, курган 2	Лявдан-ский А.Н., 1930	группа – металлические отдел – объёмные тип III	XI–XII вв.	Ляўданскі, 1930б, рис. 8:2
12	Борисов, курган 5	Лявданский А.Н., 1928	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип А	XI–XII вв.	Ляўданскі, 1930б, рис. 9:9
13	Браслав, подъемный материал	Семенчук Г.Н., Ткачев М.А., 1989	группа – металлические подгруппа – с эмалью отдел – плоские тип I подтип А	XII–XIII вв.	Семенчук, Ткачёв, 1989-А, рис. 10:6
14	Браслав, Замковая гора	Семенчук Г.Н., Ткачёв М.А., 1989	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Семенчук, Ткачёв, 1989-А, рис. 16:5
15	Браслав, Замковая гора	Алексеев Л.В., 1955	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Алексеев, 1955-А, рис. 16:4
16	Веточка-4, Рогачёвский район, курган 1	Соловьева Г.Ф., 1963	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип I вариант 5	XI–XII вв.	Соловьева, 1963-А, рис. 5:1

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
17	Веточка-5, Рогачёвский район, курган 2	Соловьева Г.Ф., 1965	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние Тип I вариант 4	XI в.	Соловьева, 1965-А, рис. 5:2
18–19	Веточка-5, Рогачёвский район, курган 2	Соловьева Г.Ф., 1965	группа – металлические подгруппа – с изображением Распятия отдел – плоские подотдел – односторонние тип I	конец X–XI вв.	Соловьева, 1965-А, рис. 8, 9
20	Витебск, подъемный материал	Штыхов Г.В., 1972	группа – металлические отдел – объёмные тип III	XII – первая половина XIII в.	Штыхов, 1972-А, рис. 8:5
21	Витебск, Нижний замок, подъемный материал	Ткачев М.А., Колединский Л.В., 1979	группа – металлические отдел – объёмные тип VII	XII – первая половина XIII в.	Ткачев, Колединский, 1979-А, рис. 7:8
22	Витебск, Нижний замок	Бубенько Т.С., 1985	группа – каменные тип II	XII–XIII вв.	Бубенько, 1985-А, рис. 17:14
23	Витебск, Нижний замок	Бубенько Т.С., 1984	группа – каменные тип II	XII–XIII вв.	Информация Т.С. Бубенько
24	Витебск, Верхний замок, постройка № 11	Колединский Л.В., 1978	группа – кожаные	конец XIII – начало XIV в.	Колединский, 1991, рис. 21:7
25	Вищин, Рогачёвский район, городище	Загорульский Э.М., 1984	группа – каменные тип I	XII – первая половина XIII в.	Загорульский, 1984-А, рис. 16:2

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
26	Вищин, Рогачёвский район, городище	Загорульский Э.М., 1985	группа – металлические отдел – плоские подотдел – гладкие без отделки тип II	XII – первая половина XIII в.	Загорульский, 1984-А, рис. 8:11
27	Вищин, Рогачёвский район, городище	Загорульский Э.М., 1982	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII	XII – первая половина XIII в.	Загорульский, 1982-А, рис. 9:4
28	Вищин, Рогачёвский район, городище	Загорульский Э.М., 1983	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII	XII – первая половина XIII в.	Загорульский, 1983-А, рис. 9:3
29	Вищин, Рогачёвский район, городище	Загорульский Э.М., 1979	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип VI	XII – первая половина XIII в.	Загорульский, 1979-А, рис. 10:16
30	Вищин, Рогачёвский район, городище	Загорульский Э.М., 1980	группа – металлические отдел – плоские подотдел – двусторонние тип I вариант 1	XII – первая половина XIII в.	Загорульский, 1980-А, рис. 10:17
31	Вищин, Рогачёвский район, городище	Загорульский Э.М., 1982	группа – каменные тип I	XII – первая половина XIII в.	Загорульский, 1982-А, рис. 16:3
32	Вищин, Рогачёвский район, городище	Загорульский Э.М., 1983	группа – металлические, отдел – объёмные тип III	XII – первая половина XIII в.	Загорульский, 1983-А, рис. 8:4
33	Вищин, Рогачёвский район, городище	Загорульский Э.М., 1984	группа – металлические отдел – объёмные тип III	XII – первая половина XIII в.	Загорульский, 1984-А, рис. 8:8

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
34	Вищин, Рогачёвский район, городище	Загорульский Э.М., 1984	группа – металлические подгруппа с эмалью отдел – плоские подотдел – двусторонние тип I подтип А	XII – первая половина XIII в.	Загорульский, 1984-А, рис. 10:7
35	Волковыск, Шведская гора	Зверуго Я.Г.	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип I вариант 10	XI–XIII вв.	Зверуго, 1975, рис. 5:14
36	Волковыск, Замчище	Зверуго Я.Г.	группа – металлические отдел – плоские подотдел – гладкие без отделки тип III	XII в.	Зверуго, 1975, рис. 10:15
37	Волковыск, Замчище	Зверуго Я.Г.	группа – металлические отдел – объёмные тип I	XII–XIII вв.	Зверуго, 1975, рис. 8:20
38	Волковыск, Шведская гора	Зверуго Я.Г.	группа – металлические отдел – объёмные тип II	XII в.	Зверуго, 1975, рис. 8:16
39	Волковыск, Замчище	Зверуго Я.Г.	группа – металлические отдел – объёмные тип III	XII в.	Зверуго, 1975, рис. 8:3
40	Волковыск, Шведская гора, подъемный материал	Зверуго Я.Г.	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII	XII–XIII вв.	Зверуго, 1975, рис. 9:8
41	Волковыск, Шведская гора	Зверуго Я.Г.	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип Б	XII в.	Зверуго, 1975. Рис.9:19

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
42–46	Волковыск, Шведская гора	Зверуго Я.Г.	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Зверуго, 1975, рис. 15:17–21
47–48	Волковыск, Замчище	Зверуго Я.Г.	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I	XIII в.	Зверуго, 1975, рис. 18:9–10
49	Волковыск, Шведская гора	Зверуго Я.Г.	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I	XII в.	Зверуго, 1975, рис. 18:11
50–51	Волковыск, Замчище	Зверуго Я.Г.	группа – каменные подгруппа – янтарные тип V	XIII в.	Зверуго, 1975, рис. 18:6–7
52	Волковыск, Шведская гора	Зверуго Я.Г.	группа – каменные подгруппа – янтарные тип V	XII в.	Зверуго, 1975, рис. 18:8
53	Гадиловичи, Рогачевский район, курган № 9	Соловьева Г.Ф., 1964	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип I вариант 6	XI в.	Соловьева, 1964-А, рис. 5:4
54	Глыбов, Речицкий район, курган № 2, погребение № 1	Ширинский С.С., 1958	группа – металлические подгруппа – с эмалью отдел – плоские тип I	XII в.	Ширинский, 1958-А, рис. 10:2
55	Гомель, посад	Макушников О.А., 1989	группа – металлические отдел – объёмные тип II	XII – первая половина XIII в.	Макушников, 1989-А
56	Гомель, подъемный материал	Бычков Н.В., 1989	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип Б вариант 2	XI–XII вв.	Макушников, 1989-А, рис. 9:22

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
57	Гомель, детинец	Макушников О.А., 1988	группа – каменные тип I	XII – начало XIII в.	Макушников, 1988-А, рис. 17:16
58	Гомель, детинец, постройка № 19	Макушников О.А., 1987	группа – костяные тип I	XII – начало XIII в.	Макушников, 1987-А, рис. 17:18
59	Гомель, детинец	Макушников О.А., 1988	группа – костяные тип II	XII в.	Макушников, 1988-А, рис. 17:19
60	Городище (Строчицы), Минский район, селище, подъемный материал	Штыхов Г.В., 1975	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип А вариант 1	XI в.	Штыхов, 1975-А, рис. 9:16
61	Гривковичи-1, Пинский район, селище, подъемный материал	Иов О.В., 1988	группа – каменные тип I подтип В	XII–XIII вв.	Иов, 1988-А, рис. 16:10
62	Гродно, Старый замок	Дурчевский З., 1930-е гг.	группа – металлические отдел – объёмные тип III	первая половина XIII в.	Durczewski, 1939
63	Гродно, Старый замок, погребение № 8	Иодковский И., 1930-е гг.	группа – каменные тип IV	XIII–XIV вв.	Воронин, 1954, рис. 16:7
64	Гродно, Старый замок	1930-е гг.	группа – каменные тип I	XII – первая половина XIII в.	Воронин, 1954. Рис.16:6
65–67	Гродно, Старый замок	Дурчевский З., 1930-е гг.	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I	первая половина XIII в.	Воронин, 1954, рис. 18:24–26

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
68–70	Дворчаны, Вороновский район, каменная могила 4/13	Шукевич В.А., конец XIX в.	группа – металлические отдел – объёмные тип IX	XIII в.	Квятковская, 1998, рис. 9:2
71	Дмитровщина, Полоцкий район, курган № 3	Тарасов С.В., 1993	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип I вариант 9	XI в.	Тарасаў, 1993-А, рис. 5:13
72	Дрисвяты, Браславский район, городище	Ткачёв М.А., 1976	группа – каменные тип I подтип А	XII в.	Ткачоў, 1976-А, рис. 16:1
73	Дрисвяты, Браславский район, посад	Семенчук Г.Н., 1991	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип I вариант 7	XI–XII вв.	Семенчук, 1991-А, рис. 5:8
74	Дроздово, Толочинский район, курган № 10	Левко О.Н., 1987	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип I вариант 1	конец X – первая четверть XI в.	Левко, 1987-А, рис. 5:10
75–76	Дулебы, Березинский район, курган	Татур Г.Х., конец XIX в.	группа – металлические отдел – объёмные тип – VIII подтип Б вариант 1	XI в.	Татур, 1892, рис. 9:25
77	Засвирь, Мядельский район, курган 11	Ясканис Д., 1930-е гг.	группа – металлические подгруппа – с эмалью отдел – объёмные тип – тип I	XII – начало XIII в.	Гуревич, 1981, рис. 9:11
78	Заславль, Минский район, посад	Заяц Ю.А.	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип II	XI – первая половина XIII в.	Заяц, 1995, рис. 6:6

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
79	Заславль, Минский район, Замчище	Заяц Ю.А., 1990	группа – металлические отдел – объёмные тип – VIII подтип А	XI–XII вв.	Заяц, 1990-А, рис. 9:13
80	Избище, Логойский район, курган	1980-е гг.	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип I вариант 3	XI в.	Штыхов, 1992, рис. 5:3
81	Караевичи, Лепельский район, курган	Карский Е.Ф., 1925	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип А	XI–XII вв.	–
82	Клецк, детинец	Поздняков В.С., 1990	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I	XII–XIII вв.	Информация В.С. Позднякова
83–86	Колодецкая, Костюкович-ский район, курган № 12	Риер Я.Г., 1973	группа – металлические подгруппа – с изображением Распятия отдел – плоские подотдел – односторонние тип I	конец X–XI в.	Риер, 1976, рис. 4:6
87	Колодецкая, Костюкович-ский район, курган № 12	Риер Я.Г., 1973	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип I вариант 2	XI в.	Риер, 1976, рис. 5:9
88	Копыль, городище	Колединский Л.В., 1998	группа – металлические отдел – объёмные тип III подтип Б	XII в.	Калядзінскі, 1998-А, рис. 8:10
89	Кукли, Вороновский район, каменная могила № 4	Квятковская А.В., 1988	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип I вариант 11	XII в.	Квятковская, 1998, рис. 5:15

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
90	Копыль, городище	Колединский Л.В., 1996	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Колединский, 1996-А, рис. 16:11
91	Лисно, Верхнедвинский район, курган № 31	Сергеева З.М., 1981	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип II	XI–XII вв.	Сергеева, 1981-А, рис. 6:13
92	Лоск, Воложинский район, городище	Бохан Ю.Н., 1991	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Информация Ю.Н. Бохана
93	Лоск, Воложинский район, городище	Бохан Ю.Н., 1991	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Информация Ю.Н. Бохана
94	Лоск, Воложинский район, городище	Бохан Ю.Н., 1991	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I	XII–XIII вв.	Информация Ю.Н. Бохана
95	Лучин, Рогачёвский район, селище, подъемный материал	Рикунов А.Н., 1997	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип В	XIII в.	частная коллекция А.Н. Рикунова
96–97	Лучин, Рогачёвский район, Попова гора, подъемный материал	Рикунов А.Н., 1990-е гг.	группа – металлические подгруппа – с эмалью отдел – плоские тип I	XII–XIII вв.	частная коллекция А.Н. Рикунова
98	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1980	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Дучиц, 1980-А, рис. 16:12
99	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1980	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Дучиц, 1980-А, рис. 16:15

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
100	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1988	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Дучиц, 1988-А, рис. 16:13
101–102	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В.	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Дучыц, 1991, мал. 16:14, 16
103	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1979	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип II	XII–XIII вв.	Дучиц, 1979, рис. 6:14
104	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1980	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип III	XI–XIII вв.	Дучиц, 1980-А, рис. 6:4
105	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1981	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип III	XI–XIII вв.	Дучиц, 1981-А, рис. 6:5
106	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1981	группа – металлические отдел – объёмные тип II	начало XII – середина XIII в.	Дучиц, 1981-А, рис. 8:18
107	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1983	группа – металлические отдел – объёмные тип III подтип А	XII–XIII вв.	Дучиц, 1983-А, рис. 8:9
108	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1977	группа – металлические отдел – плоские тип II	XII в.	Дучиц, 1977-А, рис. 10:10

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
109	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1988	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII	XII–XIII вв.	Дучиц, 1988-А, рис. 9:6
110	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1978	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII	XII–XIII вв.	Дучиц, 1978-А, рис. 9:7
111	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1976	группа – металлические подгруппа – с эмалью отдел – плоские тип I	вторая четверть XII – первая половина XIII в.	Дучиц, 1976-А, рис. 10:3
112	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1978	группа – каменные подгруппа – янтарные тип V	XII–XIII вв.	Дучиц, 1978-А, рис. 18:17
113	Минск, Замчище	Тарасенко В.Р., 1958	группа – металлические отдел – объёмные тип II	конец XII – середина XIII в.	Загорульский, 1982, рис. 8:14
114	Минск, подъемный материал возле Замчища	1986	группа – металлические отдел – плоские подотдел – двусторонние тип I вариант 2	XIV в.	Казей, 1986, рис. 7:3
115	Минск, Замчище	Загорульский Э.М.	группа – каменные подгруппа – с декоративной отделкой тела тип II	третья четверть XII в.	Загорульский, 1982, рис. 17:4
116	Минск, Замчище	Загорульский Э.М.	группа – каменные тип II	начало XII в.	Загорульский, 1982, рис. 17:5

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
117	Минск, Замчище	Загорульский Э.М.	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I	середина XII в.	Загорульский, 1982, рис. 18:15
118	Минск, Замчище	Загорульский Э.М.	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I подтип А	первая половина XII в.	Загорульский, 1982, рис. 18:14
119	Минск, Замчище	Загорульский Э.М.	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I	первая половина XII в.	Загорульский, 1982, рис.18:12
120	Минск, Замчище	Тарасенко В.Р., 1958	группа – каменные подгруппа – янтарные тип II	XIV в.	Загорульский, 1982, рис. 18:13
121	Михалево-2, Бобруйский район, городище	Лошенков М.И., 1998	группа – металлические подгруппа – с эмалью отдел – плоские тип I	XII – начало XIII в.	Лошенков, 1998-А, рис. 10:4.
122	Мозырь, Замковая гора	Трусов О.А., 1988	группа – каменные тип II	конец XII – начало XIII в.	Информация О.А. Трусова
123	Мстиславль, детинец	Алексеев Л.В., 1976	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип II	первая половина XIV в.	Алексеев, 1995
124	Мстиславль, детинец	Алексеев Л.В., 1976	группа – металлические отдел – объёмные тип IV	вторая половина XIV в.	Алексеев, 2000, рис. 7:5

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
125	Мстиславль, детинец	Алексеев Л.В., 1976	группа – металлические отдел – объёмные тип IV подтип А	первая четверть XIV в.	Алексеев, 1980, рис. 7:6
126	Мстиславль, детинец	Алексеев Л.В.	группа – каменные тип I	XIV в.	Алексеев, 2000
127–128	Мстиславль, детинец	Алексеев Л.В., 1960	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I	XIII–XIV вв.	Алексеев, 1960-А
129	Мстиславль, детинец	Алексеев Л.В., 1960	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I	XIII–XIV вв.	Алексеев, 1960-А
130	Навры, Мядельский район, курган № 8	Рябцевич В.Н., Плавинский А.Н., 1987	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип А вариант 2	XI–XII вв.	Рябцевич, Плавинский, 1987-А, рис. 9:14
131	Нисимковичи, Чечерский район, распаханные курганы	Макушников О.А., 1985	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип II вариант 2	XI–XII вв.	Макушников, 1985-А, рис. 6:7
132	Новогрудок, окольный город	Гуревич Ф.Д.	группа – металлические отдел – плоские подотдел – гладкие без отделки тип II	первая половина XII в.	Гуревич, 1981, рис. 8:12
133	Новогрудок, детинец	Гуревич Ф.Д., 1973	группа – металлические отдел – объёмные тип II	XII в.	Гуревич, 1973-А, рис. 8:19

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
134–135	Новогрудок, окольный город	Гуревич Ф.Д.	группа – металлические отдел – плоские тип I подтип А	XII–XIII вв.	Гуревич, 1981, рис. 10:5
136	Новогрудок, окольный город	Гуревич Ф.Д., 1957	группа – металлические подгруппа – с эмалью отдел – плоские тип II	XII–XIII вв.	Гуревич, 1957-А, рис. 10:8
137	Новогрудок, окольный город, постройка № 16	Гуревич Ф.Д.	группа – металлические подгруппа – с эмалью отдел – объёмные тип I	XII – начало XIII в.	Гуревич, 1981, рис. 9:12
138	Новогрудок, окольный город, постройка № 5	Гуревич Ф.Д.	группа – металлические подгруппа – ажурные отдел – плоские тип I	XII – первая половина XIII в.	Гуревич, 1981, рис. 10:12
139	Новогрудок, окольный город, постройка № 35	Гуревич Ф.Д.	группа – металлические подгруппа – с изображением Распятия отдел – плоские подотдел – односторонние тип I	конец X–XII в.	Гуревич, 1981, рис. 4:4
140	Новогрудок, окольный город, постройка № 18	Гуревич Ф.Д., 1962	группа – металлические подгруппа – с изображением Распятия отдел – плоские подотдел – двусторонние тип I	XII в.	Гуревич, 1962-А, рис. 7:2
141	Новогрудок, окольный город, постройка № 4	Гуревич Ф.Д.	группа – каменные тип I подтип А	XII в.	Гуревич, 1981, рис. 15:12
142	Новогрудок, окольный город, постройка № 16	Гуревич Ф.Д.	группа – каменные тип I подтип Б	XII в.	Гуревич, 1981, рис. 15:9

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
143	Новогрудок, окольный город	Гуревич Ф.Д.	группа – каменные подгруппа – с декоративной отделкой тела тип I	XII – вторая четверть XIII в.	Гуревич, 1981, рис. 15:11
144	Новогрудок, окольный город, постройка № 12	Гуревич Ф.Д.	группа – каменные подгруппа – с декоративной отделкой тела тип III	XII в.	Гуревич, 1981, рис. 15:14
145	Новогрудок, окольный город,	Гуревич Ф.Д.	группа – каменные подгруппа – с декоративной отделкой тела тип III подтип А	XII – вторая четверть XIII в.	Гуревич, 1981, рис. 15:13
146	Новогрудок, окольный город, постройка № 12	Гуревич Ф.Д.	группа – каменные тип I	XII – третья четверть XIII в.	Гуревич, 1981
147	Новогрудок, окольный город, постройка № 5	Гуревич Ф.Д.	группа – каменные тип I	XII – третья четверть XIII в.	Гуревич, 1981, рис. 15:10
148	Новогрудок, окольный город	Гуревич Ф.Д., 1957	группа – каменные тип I	XII – третья четверть XIII в.	Гуревич, 1957-А, рис. 15:15
149	Новогрудок, детинец	Гуревич Ф.Д., 1973	группа – каменные тип I	XII в.	Гуревич, 1973-А, рис. 15:16
150	Новогрудок, детинец	Бубенько Т.С., 1992	группа – каменные подгруппа – янтарные тип II	XIV в.	Бубенько, 1992-А, рис. 18:22
151	Орша, городище	Драгун Ю.И., 1965	группа – каменные тип II	XII–XIII вв.	Драгун, 1965-А, рис. 17:7

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
152	Орша, городище	Драгун Ю.И., 1965	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Драгун, 1965-А, рис. 17:8
153	Патока, Кличевский район, курган № 57	Дучиц Л.В., 1998	группа – металлические отдел – объёмные тип III	XI–XII вв.	Дучыц, 1998-А, рис. 8:1
154	Пинск, посад	Лысенко П.Ф., 1964	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип Б вариант 2	XI–XII вв.	Лысенко, 1964-А, рис. 9:23
155	Плусы, Полоцкий район, селище, подъемный материал	Штыхов Г.В., 1965	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип Б	XI–XII вв.	Штыхов, 1965-А, рис. 9:18
156	Полоцк, Великий посад	Тарасов С.В., 1988	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип V	XIII в.	Тарасов, 1988-А, рис. 6:8
157	Полоцк, Верхний замок	Тарасенко В.Р., Штыхов Г.В., 1960-е гг.	группа – металлические отдел – объёмные тип II	XII–XIII вв.	Фонды НИМ РБ
158	Полоцк, Великий посад	Тарасов С.В., 1988	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип А вариант 1	XII – первая половина XIII в.	Тарасов, 1988-А, рис. 9:15
159	Полоцк, Великий посад	Тарасов С.В., 1989	группа – металлические отдел – объёмные тип VII	XII – первая половина XIII в.	Тарасаў, 1989-А, мал. 10:9

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
160	Полоцк, Нижний замок	Тарасов С.В., 1989	группа – металлические подгруппа – с изображением Распятия отдел – плоские подотдел – односторонние тип II	XI в.	Тарасаў, 1989-А, мал. 4:1
161	Полоцк, Верхний замок	Штыхов Г.В.	группа – каменные тип III	первая четверть XIII в.	Штыхов, 1965, рис. 16:19
162	Полоцк, Верхний замок	Тарасенко В.Р., Митрофанов А.Г., 1959–1962	группа – каменные тип II	XII в.	Фонды НИМ РБ
163	Полоцк, Верхний замок	Штыхов Г.В.	группа – каменные тип II	вторая половина XIII в.	Штыхов, 1965, рис. 17:2
164	Полоцк, Верхний замок	Штыхов Г.В., 1967	группа – каменные тип II	первая половина XIII в.	Штыхов, 1965, рис. 17:1
165	Полоцк, Верхний замок	Тарасов С.В., 1990	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Тарасов, 1990-А, рис. 16:20
166	Полоцк, Верхний замок	Штыхов Г.В.	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I	первая половина XIII в.	Штыхов, 1965, рис. 18:3
167	Полоцк, Верхний замок	Тарасенко В.Р., 1959	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I	XII–XIII вв.	Штыхов, 1965, рис. 18:2

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
168	Полоцк, Верхний замок	Штыхов Г.В.	группа – каменные подгруппа – янтарные тип III	XI в.	Штыхов, 1965, рис. 18:1
169	Полоцк, Верхний замок	Штыхов Г.В.	группа – каменные подгруппа – янтарные тип IV	вторая половина XIII в.	Штыхов, 1965, рис. 18:4
170	Прудники, Миорский район, городище	Шадыро В.И., 1983	группа – каменные подгруппа – янтарные тип I	XIV в.	Шадыро, 1983-А, рис. 18:16
171	Рогачев, Замковая гора, подъемный материал	Рикунов А.Н., 1960-е гг.	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип Б вариант 2	XI–XII вв.	частная коллекция А.Н. Рикунова
172	Рогачев, Замковая гора, подъемный материал	Рикунов А.Н., 1960-е гг.	группа – металлические отдел – плоские подотдел – гладкие без отделки тип IV	XII–XIII вв.	частная коллекция А.Н. Рикунова
173	Рогачёв, Замковая гора	Рикунов А.Н., 1960-е гг.	группа – металлические отдел – объёмные тип II	начало XII – середина XIII в.	частная коллекция А.Н. Рикунова
174	Свислоч, Осиповичский район, городище	Загорульский Э.М., 1971	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Загорульский, 1971-А, рис. 16:21
175	Слободка-3, Чашницкий район, курган № 3	–	группа – металлические отдел – плоские подотдел – гладкие без отделки тип I	конец X – начало XI в.	Штыхов, 1992, мал. 6:1

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
176	Слобода, Сурожский район, подъемный материал возле кургана	Штыхов Г.В., 1972	группа – каменные тип II	XII–XIII вв.	Штыхов, 1972-А, рис. 17:9
177	Слуцк, городище	Колединский Л.В., 1987	группа – металлические отдел – объёмные тип V	XII в.	Колединский, 1987-А, рис. 10:14
178–179	Слуцк, городище	Колединский Л.В., 1986–1987	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Колединский, 1987-А, рис. 17:12–13
180	Слуцк, городище	Колединский Л.В., 1986–1987	группа – каменные подгруппа – янтарные тип VI	конец XII – начало XIII в.	Колединский, 1987-А, рис. 18:21
181	Снядин, Петриковский район, городище	Иов О.В., 1998	группа – металлические отдел – плоские подотдел – двусторонние тип I вариант 2	XIII–XIV вв.	Иов, 1998-А, рис. 7:4
182	Сосновка-1, Гомельский район, курган № 15	Бруевич Н.И., 1997	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип Б	XI в.	Бруевич, 1997-А, рис. 9:17
183	Туров, городище	Лысенко П.Ф.	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII	XIV в.	Лысенко, 1974, рис. 9:1
184	Туров, городище	Лысенко П.Ф.	группа – каменные тип I подтип Г	XII–XIII вв.	Фонды НИМ РБ

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
185	Туров, городище	Лысенко П.Ф.	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Фонды НИМ РБ
186	Хавхолица, Борисовский район, подъемный материал	Коваленя А.З., начало 1930-х гг.	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Дучыц, 1996
187	Харчичи, Березинский район, курган № 2	Рябцевич В.Н., Плавинский А.Н., 1999	группа – металлические подгруппа – с изображением Распятия отдел – плоские подотдел – односторонние тип I	конец X–XI в.	Рябцевич, Плавинский, 1999-А, рис. 4:4
188	Ходосовичи, Рогачевский район, курган № 1	Соловьева Г.Ф., 1969	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип I вариант 8	XI–XII вв.	Соловьева, 1969-А, рис. 5:7
189	Ходосовичи, Рогачевский район, курган № 1	Соловьева Г.Ф., 1969	группа – металлические подгруппа –с изображением Распятия отдел – плоские подотдел – односторонние тип II	XI в.	Соловьева, 1969-А, рис. 4:2
190	Чаусы, селище	Риер Я.Г., 1977	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип II подтип А	XI–XII вв.	Риер, 1977-А, рис. 6:11
191–192	Чаусы, курган № 10	Риер Я.Г., 1977	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип II вариант 1	XI в.	Риер, 1977-А, рис. 6:9

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
193–200	Шапчицы, Рогачевский район, курган № 5, погребение № 2	Соловьева Г.Ф., 1968	группа – металлические подгруппа – с изображением Распятия отдел – плоские подотдел – односторонние тип I	конец X–XI в.	Соловьева, 1968-А, рис. 4:7
201	Юдичи, Рогачёвский район, курган № 3	Соловьёва Г.Ф., 1968	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип I	первая половина XI в.	Соловьева, 1968-А, рис. 5:12
202	Яново, Быховский район, городище	Ильютик А.В.	группа – металлические подгруппа – с изображением Распятия отдел – плоские подотдел – односторонний тип II	XI в.	Ільюцік, 1985, мал. 4:3
203	Звезда, Лепельский район, курган № 34	Войтехович А.В., 2001	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип I	XI в.	Вайцяховіч, 2001-А, мал. 5:11
204	Гомель, посад	Макушников О.А., 2001	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Макушников, 2001-А, рис. 17:17
205	Слободка, Браславский район, городище	Дернович С.Д., 2002	группа – металлические отдел – плоские подотдел – без отделки тип I	XI–XII вв.	Дернович, 2002-А, рис. 6:2
206	Струга II, Столинский район, селище	Белицкая А.Н., 2002	группа – металлические отдел – объёмные тип III	XII–XIII вв.	Белицкая, 2002-А, рис. 8:6
207	Петуховка, Чауский район, могильник 6, курган № 3	Сербов И.А., 1930	группа – металлические отдел – плоские подотдел – без отделки тип IV	XII в.	Сербаў, 1932

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
208–210	Дулебы, Березинский район, курган	Татур Г.Х., конец XIX в.	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII	XII в.	Татур, 1892
211	Кордон, Гомельская область, курган	–	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип Б вариант 1	конец XI–XII в.	Седова, 1981
212	Бывшая Витебская губерния, курган	начало XX в.	группа – металлические отдел – плоские тип I вариант 1	XI в.	Фонды НИМ РБ
213	Бывшая Витебская губерния, курган	начало XX в.	группа – металлические отдел – плоские тип I вариант 5	XI в.	Фонды НИМ РБ
214	Бывшая Витебская губерния, курган	начало XX в.	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип II подтип Б	XI – начало XII в.	Фонды НИМ РБ
215	Дрисвяты, Браславский район, посад	Семенчук Г.Н., 2001	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип II	XI–XII вв.	Семянчук, 2001-А, мал. 6:12
216	Полоцк, Верхний замок	Штыхов Г.В., 1965	группа – металлические отдел – объёмные тип VII	первая половина XIII в.	Штыхов, 1965, рис. 10:13
217	Дрисвяты, Браславский район, посад	Семенчук Г.Н., 2001	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII	XII в.	Семенчук, 2001, рис. 9:10

№	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
218	Друцк, детинец	Алексеев Л.В., середина XX в.	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII	XI–XII вв.	Алексеев, 2002, рис. 7:7
219	Друцк, детинец	Алексеев Л.В., середина XX в.	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII подтип Б	XI–XII вв.	Алексеев, 2002, рис. 9:20
220	Друцк, детинец	Алексеев Л.В., середина XX в.	группа – металлические отдел – плоские подотдел – без отделки тип VIII подтип Б	XI–XII вв.	Алексеев, 2002, рис. 8:13
221	Друцк, детинец	Алексеев Л.В., середина XX в.	группа – каменные тип I	XII–XIII вв.	Алексеев, 2002, рис. 16:17
222	Друцк, детинец	Алексеев Л.В., середина XX в.	группа – каменные тип II	XII–XIII вв.	Алексеев, 2002, рис. 16:18
223	Денисковичи, Жлобинский район, курган № 2	Богомольников В.В., 1975	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние (переотливка с энколпиона)	XI в.	Богомольников, 1975-А, рис. 7:1
224	Прудок, Светлогорский район	Дубицкая Н.Н., 1990-е гг.	группа – металлические отдел – плоские подотдел – односторонние тип II подтип А	XI–XII вв.	Информация Н.Н. Дубицкой
225	Харчичи, Березинский район, курган № 4	Рябцевич В.Н., Плавинский А.Н., 2002	группа – металлические отдел – объёмные тип VIII	XI–XII вв.	Рябцевич, Плавинский, 2002-А, рис. 9:5

Таблица 2. Кресты-энколпионы

№ п/п	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
1	Берестье, детинец	Лысенко П.Ф., 1968	группа – гравированные	вторая половина XII в.	Лысенко, 1985, рис. 26:8
2	Берестье, детинец	Лысенко П.Ф., 1977	группа – гравированные	XIV в.	Лысенко, 1985, рис. 37:5
3	Верхнедвинск, замчище, подъемный материал	Козлов В.В., 1990-е гг.	группа – рельефные	XII в.	Информация В.В. Козлова
4	Витебск, Нижний замок, подъемный материал	–	группа – рельефно-гравированные	вторая четверть XII – середина XIII в.	–
5	Витебск, Нижний замок	Штыхов Г.В., 1964	группа – рельефные	XIV в.	Штыхов, 1964-А, рис. 35:1
6	Витебск, подъемный материал	Колединский Л.В.	группа – рельефные	XIV в.	Колединский, 1991, рис. 38:16
7	Бывшая Витебская губерния, подъемный материал	конец XIX в.	группа – рельефные	середина XII в.	Сементовский, 1890, рис. 23:2
8	Бывшая Витебская губерния, подъемный материал	конец XIX в.	группа – рельефные	конец 30-х гг. XIII в.	Сементовский, 1890, рис. 31:3

№ п/п	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
9	Гадиловичи, Рогачёвский район, подъемный материал возле кургана	Рикунов А.Н.	группа – рельефные	XIV в.	Информация А.Н. Рикунова
10	Гомель, детинец	Макушников О.А., 1986	группа – гравированные	середина XII – первая половина XIII в.	Макушников, 1986-А, рис. 26:7
11	Гомель, посад	Макушников О.А., 1989	группа – рельефные	XII в.	Макушников, 1989-А, рис. 27:4
12	Гомель, подъемный материал	Бычков Н.В., 1989	группа – гравированные	вторая половина XII – середина XIII в.	Бычков, 1989-А, рис. 26:4
13	Гродно, Старый замок	Дурчевский З., Иодковский И., 1930-е гг.	группа – гравированные	вторая четверть XII в.	Алексеев, 1974, рис. 25:1
14	Гродно, Старый замок	Дурчевский З., Иодковский И., 1930-е гг.	группа – рельефные	вторая половина XIV в.	Durczewski, 1939
15	Гродно, Старый замок	Дурчевский З., Иодковский И., 1930-е гг.	группа – рельефные	вторая половина XII в.	Durczewski, 1939
16	Гродно, Старый замок	Дурчевский З., Иодковский И., 1930-е гг.	– (сильно оплавлен)	середина XIII –первая половина XIV в.	Durczewski, 1939
17	Гродно, Старый замок	Дурчевский З., Иодковский И., 1930-е гг.	группа – рельефные	30-е гг. XIII – первая половина XIV в.	Durczewski, 1939

№ п/п	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
19	Дрисвяты, городище	Ткачёв М.А., 1976	группа – рельефно-гравированные	вторая четверть XII – первая половина XIII в.	Ткачоў, 1976-А, мал. 28:1
20	Дрисвяты, городище	Ткачёв М.А., 1976	группа – гравированные	вторая четверть XII – первая половина XIII в.	Ткачоў, 1976-А, мал. 29:1
21	Дрисвяты, городище, подъемный материал	–	группа – рельефно-гравированные	вторая четверть XII – первая половина XIII в.	Семянчук, 1999
22	Друцк, детинец	Алексеев Л.В.	группа – рельефно-гравированные	вторая четверть XII – середина XIII в.	Алексеев, 1974, рис. 25:2
23	Друцк, детинец	Алексеев Л.В.	группа – рельефные	XII в.	Алексеев, 1974, рис. 26:9
24	Друцк, детинец	Алексеев Л.В., 1958	группа – гравированные	вторая половина XI в.	Фонды НИМ РБ
25	Друцк, окольный город, подъемный материал	–	группа – рельефно-гравированные	вторая четверть XII – первая половина XIII в.	Алексеев, 1974, рис. 27:5
26	Дулебы, Березинский район, городище, подъемный материал	Татур Г.Х., кон. XIX в.	группа – рельефные	XIV в.	Татур, 1892

№ п/п	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
27	Заславль, посад	Заяц Ю.А., 1982	группа – рельефные	конец XIV–XV в.	Заяц, 1995, рис. 38:15
28	Зборово, Рогачёвский район, городище	Соловьёва Г.Ф., 1967	фрагмент	XII–XIII вв.	Соловьева, 1967-А
29	Комарино-1, Рогачёвский район, селище, подъемный материал	Рикунов А.Н.	группа – гравированные	вторая половина XII – середина XIII в.	Информация А.Н. Рикунова
30	Кричев, Замковая гора	Метельский А.А., 1988	группа – рельефные	середина XIII в.	Метельский, 1988-А, рис. 31:4
31	Купятичи, Пинский район, подъемный материал	–	группа – рельефные	середина XII – первая половина XIII в.	Петров, 1897, рис. 22
32	Курганье, Жлобинский район, курган № 1	Богомольников В.В., 1972	группа – гравированные	вторая половина XII в.	Богомольников, 1972-А, рис. 26:2
33	Лоск, Воложинский район, городище	Бохан Ю.Н., 1991	группа – рельефные	вторая половина XIII в.	Информация Ю.Н. Бохана
34	Лукомль, посад	Штыхов Г.В., 1970	группа – рельефные	XIV в.	Штыхов, 1970-А, рис. 36:2

№ п/п	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
35	Лучно, Полоцкий район, монастырь	Климов М.В., 1998	группа – рельефные	конец XIV–XV в.	Клімаў, 1998-А, рис. 33:3
36	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1988	группа – гравированные	вторая половина XII – середина XIII в.	Дучиц, 1988-А, рис. 26:5
37	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1976	группа – рельефно-гравированные	вторая четверть XII–XIII в.	Дучиц, 1976-А, рис. 24:2
38	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1980	группа – гравированные	конец XII – первая половина XIII в.	Дучиц, 1980-А, рис. 30:2
39	Масковичи, Браславский район, городище	Дучиц Л.В., 1976	группа – гравированные	конец XII – первая половина XIII в.	Дучиц, 1976-А, рис. 30:1
40	Минск, Замчище	Загорульский Э.М.	группа – рельефные	30-е гг. XIII в.	Загорульский, 1982, рис. 31:5
41	Минск, Замчище	Загорульский Э.М.	группа – гравированные	вторая половина XIII в.	Загорульский, 1982, рис. 38:6
42	Минск, подъемный материал	Бычков Н.В., 1988	группа – рельефно-гравированные	вторая четверть XII – первая половина XIII в.	Бычков, 1988-А, рис. 27:6
43	Минск, Замчище	Русов П.А., 1987	группа – рельефные	вторая половина XIII в.	Русов, 1987-А, рис. 32:1

№ п/п	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
44	Могилёв, подъемный материал	–	группа – рельефные	середина XII – первая половина XIII в.	Алексеев, 1974, рис. 23:3
45	Могилёв, селище	Марзалюк И.А.	группа – рельефные	конец 30-х гг. XIII в.	Марзалюк, 1998
46	Мстиславль, детинец, подъемный материал	Атрошенко Н.П.	группа – рельефные	XIV в.	Алексеев, 1974, рис. 35:2
47	Мстиславль, подъемный материал	Зюзкевич В.В., 1959	группа – рельефные	30-е гг. XIII в.	Алексеев, 1974, рис. 31:1
48	Мстиславль, детинец	Алексеев Л.В., 1962	группа – рельефно-гравированные	вторая половина XII – первая половина XIII в.	Алексеев, 1995, рис. 24:1
49	Мстиславль, детинец, подъемный материал	конец XIX в.	группа – рельефные	XII – первая половина XIII в.	Каталог…, 1893
50	Мстиславль, детинец, подъемный материал	1893	группа – рельефно-гравированные	вторая четверть XII – первая половина XIII в.	Каталог…, 1893
51	Мстиславль, подъемный материал	–	группа – рельефные	конец XIV–XV в.	Алексеев, 1974, рис. 34:1
52	Мстиславль, детинец, подъемный материал	Атрошенко Н.П., 1958	группа – рельефные	конец XIV–XV в.	Алексеев, 1974, рис. 34:2

№ п/п	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
53	Мстиславль, посад, подъемный материал	Диденко Л.Е., 1969	группа – рельефные	конец XIV–XV в.	Алексеев, 1974, рис. 33:5
54	Мстиславль, детинец	Алексеев Л.В., 1969	группа – рельефные	конец XIV–XV в.	Алексеев, 1974, рис. 33:2
55	Мстиславль, детинец	Алексеев Л.В., 1959	группа – рельефные	конец XIV–XV в.	Алексеев, 1974, рис. 33:4
56	Новогрудок, окольный город	Гуревич Ф.Д.	группа – рельефные	середина XIII в.	Гуревич, 1981, рис. 38:4
57	Новогрудок, окольный город	Гуревич Ф.Д.	группа – рельефно-гравированные	вторая четверть XII – первая половина XIII в.	Гуревич, 1981, рис. 27:8
58	Новогрудок, детинец	Гуревич Ф.Д., 1970	группа – рельефно-гравированные	вторая четверть XII – первая половина XIII в.	Гуревич, 1970-А, рис. 27:7
59	Новогрудок, окольный город, постройка № 16	Гуревич Ф.Д., 1963	группа – рельефные	XII в.	Гуревич, 1981
60	Новогрудок, окольный город	Гуревич Ф.Д.	группа – гравированные	вторая половина XII – середина XIII в.	Гуревич, 1981, рис. 26:1

№ п/п	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
61	Новогрудок, детинец	Гуревич Ф.Д., 1973	фрагмент (навершие)	XII в.	Гуревич, 1973-А, рис. 38:12
62	Новогрудок, детинец	Гуревич Ф.Д., 1973	группа – рельефные	вторая половина XII в.	Гуревич, 1973-А, рис. 38:11
63	Новогрудок, детинец	Гуревич Ф.Д., 1974	группа – рельефные	середина XIII в.	Гуревич, 1974-А, рис. 38:8
64	Новогрудок, детинец	Гуревич Ф.Д., 1971	в двух фрагментах	середина XIII в.	Гуревич, 1971-А, рис. 38:9
65	Олпень, Столинский район, подъемный материал	–	группа – рельефно-гравированные	вторая четверть XII – первая половина XIII в.	Поболь, 1979, рис. 27:9
66	Полоцк, Верхний замок	Тарасенко В.Р., Штыхов Г.В., 1959–1962	группа – рельефные	вторая половина XIII в.	Штыхов, 1965, рис. 38:5
67	Полоцк, Верхний замок	Штыхов Г.В.	фрагмент (навершие)	вторая половина XIII в.	Штыхов, 1965, рис. 38:14
68	Прудники, Миорский район, городище	Шадыро В.И., 1989	группа – рельефные	XIV в.	Шадыро, 1989-А, рис. 35:3
69	Рогачёв, Замок, подъемный материал	Рикунов А.Н.	группа – рельефно-гравированные	XII в.	Информация А.Н. Рикунова
70	Свислочь, Осипович-ский район, городище	Загорульский Э.М., 1971	группа – рельефные	вторая половина XIII в.	Загорульский, 1971-А, рис. 38:7

№ п/п	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
71	Свислочь, Осипович-ский район, городище	Загорульский Э.М., 1969	группа – гравированные	вторая половина XII в.	Загорульский, 1969-А, рис. 38:3
72	Скригалов, Мозырский район, подъемный материал	–	группа – рельефные	конец XIV–XV в.	Алексеев, 1974
73	Бывший Слуцкий уезд, подъемный материал	конец XIX в.	группа – гравированные	середина XII – первая половина XIII в.	Алексеев, 1974
74	Смаляны, Оршанский район, городище	Собаль В.Е., 1993	группа – рельефные	конец XIV–XV в.	Собаль, 1993-А, рис. 33:7
75	Снядин, Петриковский район, городище	Иов О.В., 1997	группа – рельефно-гравированные	вторая четверть XII – первая половина XIII в.	Іоў, 1997-А, мал. 29:2
76	Туров, городищ	Лысенко П.Ф.	группа – рельефные	вторая половина XIV в.	Лысенко, 1974, рис. 34:4
77	Туров, городищ	Лысенко П.Ф.	группа – гравированные	вторая половина XIV в.	Лысенко, 1974, рис. 37:4
78	Могилёвская область, подъемный материал	–	группа – рельефные	конец XIV–XV в.	Алексеев, 1974, рис. 37:3
79	Жупраны, Ошмянский район, подъемный материал	–	группа – рельефные	конец XIV–XV в.	Фонды НИМ РБ

№ п/п	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
80	Трепки, бывшая Минская губерния, городище, подъемный материал	–	группа – рельефные	конец XIV–XV в.	Фонды НИМ РБ
81	Дрисвяты, городище	Семенчук Г.Н., 2001	навершие (матрица?)	XII–XIII вв.	Информация Г.Н. Семенчука
82	Рогачёв, городище	Загорульский Э.М., 1976	группа – рельефно-гравированные	XII в.	Загорульский, 1977-А, рис. 27:2
83	Молодечно, подъемный материал	–	группа – рельефные	XIV в.	Информация Г.В. Штыхова
84	Друцк, детинец	Алексеев Л.В.	группа – рельефные	XIV–XV вв.	Алексеев, 2002, рис. 33:6
85	Минск	Тарасов С.В., 2003	группа – рельефные	вторая половина XIII в.	Информация С.В. Тарасова
86	Рогачёв, городище, подъемный материал	Рикунов А.Н.	группа – рельефные	вторая половина XII – середина XIII в.	Информация А.Н. Рикунова
87	Каменец, подъемный материал	2003	группа – рельефные	середина XIII в.	Информация А.Ф. Расинской
88	Жабинковский район, подъемный материал	конец 1990-х гг.	группа – рельефные	середина XII в.	Информация А.Ф. Расинской

Таблица 3. Иконы и змеевики

№ п/п	Памятник	Автор и год раскопок	Тип	Датировка	Источник информации
1	Берестье, детинец	Лысенко П.Ф., 1977	категория – вставки группа – металлические	XIII в.	Лысенко, 1985, рис. 48:5
2	Берестье	Лысенко П.Ф., 1973	категория – змеевики	XIV в.	Лысенко, 1985, рис. 50:1
3	Витебск, детинец, подъемный материал	Штыхов Г.В., 1964	категория – складни группа – металлические подгруппа – энколпии тип I	конец XIII–XIV в.	Гісторыя беларускага…, 1987
4	Витебск, подъемный материал у Благовещенс-кой церкви	–	группа – каменные	XIII в.	Сементовский, 1890, рис.41:8
5	Витебск, Нижний замок	Бубенько Т.С., 1983	группа – костяные	XIII–XIV вв.	Информация Т.С. Бубенько
6	Волковыск, Замок, подъемный материал	Зверуго Я.Г.	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – односторонние тип I	XII в.	Зверуго, 1975, рис. 43:1
7	Волковыск, Замок, подъемный материал	Пех Г.И., 1948	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – односторонние тип II	первая пололовина XII в.	Зверуго, 1975, рис. 43:2

8	Волковыск	–	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – фигурные тип II	XII – середина XIII в.	Древние…, рис. 45:2
9	Волковыск, Замок	Зверуго Я.Г., 1956	группа – каменные	конец XII–XIII вв.	Зверуго, 1975, рис. 42:3
10	Волковыск, Шведская гора	Зверуго Я.Г., 1954	группа – каменные	XIII в.	Зверуго, 1975, рис. 42:2
11	Волковыск, Шведская гора	Зверуго Я.Г., 1965	группа – каменные	XII–XIII вв.	Зверуго, 1975, рис. 47:1
12	Волковыск, Замок, подъемный материал	Пех Г.И., 1946	категория – змеевики	середина XII – начало XIII в.	Зверуго, 1975, рис. 49:1
13	Городище (Строчицы), Минский район, малое городище	Штыхов Г.В., 1978	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – односторонние тип VI	начало XIII в.	Пуцко, 1993, рис. 43:8
14	Горы, Горецкий район, городище	Ткачёв М.А., 1976	категория – складни группа – металлические подгруппа – энколпии тип II	конец XIV в.	Ткачоў, 1976-А, мал. 44:2
15	Гродно, Нижняя церковь на Старом замке	–	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – фигурные тип I	первая четверть – конец XII в.	Воронин, 1954, рис. 45:1

16	Дрисвяты, городище	Ткачёв М.А., 1980	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – односторонние тип I	XII в.	Ткачоў, 1980-А
17	Заславль, селище, подъемный материал	1927	категория – змеевики	XIV в.	Ляўданскі, 1928, рис. 51:3
18	Капланцы, Березинский район, городище	Кошман В.И., 1999	категория – вставки	конец X–XI в.	Кошман, 1999-А, мал. 48:7
19	Копысь, Шкловский район, городище	Загорульский Э.М., 1972	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – фигурные тип III	начало XIII в.	Загорульский, 1972-А, рис. 45:3
20	Минск, Замчище	Загорульский Э.М.	группа – каменные	первая половина XIII в.	Загорульский, 1982, рис. 41:3
21	Минск, Замчище	Загорульский Э.М.	группа – каменные	первая половина XII в.	Загорульский, 1982, рис. 41:4
22	Минск, подъемный материал	–	группа – каменные	XIII в.	Николаева, 1983, рис. 41:2
23	Бывшая Минская губерния, подъемный материал	Татур Г.Х., конец XIX в.	категория – змеевики	XIII в.	Фонды НИМ РБ

24	Могилёв, покровский посад	Марзалюк И.А., 1992	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – односторонние тип V	конец XIV в.	Марзалюк, 1998, мал. 44:3
25	Мстиславль, детинец	Алексеев Л.В., 1985	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – односторонние тип IV	вторая половина XII – первая половина XIII в.	Алексеев, 1985-А, рис. 43:6
26	Мышковичи, Кировский район, подъемный материал	–	категория – складни группа – металлические подгруппа – энколпии тип I	конец XIII–XIV в.	Алексеев, 1974, рис. 44:4
27	Новогрудок, окольный город	Гуревич Ф.Д.	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – двусторонние тип II	вторая половина XII – первая половина XIII в.	Гуревич, 1981, рис. 43:5
28	Новогрудок, детинец, постройка № 20	Гуревич Ф.Д., 1970	категория – складни группа – металлические подгруппа – триптихи	XII в.	Гуревич, 1970-А, рис. 46:1
29	Новогрудок, окольный город	Гуревич Ф.Д.	группа – каменные	XII – третья четверть XIII в.	Гуревич, 1981, рис. 41:5
30	Новогрудок, детинец	Гуревич Ф.Д., 1971	группа – каменные	вторая половина XII в.	Гуревич, 1971-А, рис. 41:6

31	Новогрудок, детинец	Гуревич Ф.Д.	группа – каменные	XIII в.	Гуревич, 1981, рис. 42:4
32	Новогрудок, детинец	Гуревич Ф.Д., 1974	категория – вставки группа – стеклянные	XII – третья четверть XIII в.	Гуревич, 1982, рис. 48:6
33	Пинск, подъемный материал	1963	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – односторонние тип III	XII–XIII вв.	Лысенко, 1997, рис. 43:7
34	Пинск, детинец	Лысенко П.Ф., 1963	категория – складни группа – металлические подгруппа – триптихи	начало XIII в.	Лысенко, 1963-А
35	Пинск, детинец	Лысенко П.Ф., 1964	группа – каменные	XII в.	Лысенко, 1964-А, рис. 41:7
36	Полоцк, Верхний замок	Тарасенко В.Р., Штыхов Г.В., 1962	категория – складни группа – металлические подгруппа – триптихи	первая половина XIII в.	Тарасенко, Штыхов, 1962-А, рис. 46:2
37	Полоцк, Верхний замок	Штыхов Г.В., 1967	группа – каменные	вторая половина XII – начало XIII в.	Штыхов, 1965, рис. 41:1
38	Полоцк, Верхний замок	Тарасов С.В., Климов М.В., 1995	группа – каменные	начало XIII в.	Клімаў, Тарасаў, 1995-А

39	Полоцк, Верхний замок	Тарасов С.В., Климов М.В., 1995	категория – змеевики	XIV в.	Клімаў, Тарасаў, 1995-А
40	Прудники, Миорский район, городище	Шадыро В.И., 1983	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – двухсторонние тип I	середина XII в.	Шадыро, 1983-А
41	Речица, подъемный материал	–	категория – змеевики	XIV в.	–
42	Горы, Горецкий район, городище	Метельский А.А., 1990	группа – каменные	конец XII – начало XIII в.	Метельский, 1990-А, рис. 42:5
43	Туров, городище	Полубояринова Н.Д.	категория – складни группа – металлические подгруппа – триптихи	вторая половина XII – первая половина XIII в.	Полубояринова, 1961-А, рис. 46:3
44	Чечерск, Замковая гора	Трусов О.А., Чернявский И.М., 1981	категория – змеевики	XII в.	Трусов, Чернявский, 1981-А, рис. 49:2
45	Мстиславль, за пределами детинца, подъемный материал	Козловский М.С.	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – односторонние тип VII	XIV в.	Алексеев, 1974, рис. 44:2
46	Озераны, Рогачёвский район, курганный могильник 1	Романов Е.Р., 1888	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – односторонние	XII–XIII вв.	Помнікі…, с. 290

47	Угольщина-II, Белыничский район, селище	Черняв-ский В.М., 1993	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – двусторонние тип I	середина XII в.	Чернявский, 1994-А, рис. 43:4
48	Лучно, Полоцкий район, селище	Климов М.В., 2003	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – двусторонние тип I	XII–XIII вв.	Клімаў, 2003-А
49	Браславский район, случайная находка	–	категория – привески группа – металлические подгруппа – односторонние отдел – нефигурные подотдел – односторонние тип I	XII в.	Информация Н.А. Плавинского
50–53	Туров, городище	Лысенко П.Ф.	категория – вставки группа – металлические	начало XIII в.	Лысенко, 1974, рис. 48:1–4

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1

2

3

4

5

6

7

Рис. 1. Способы ношения крестов на памятниках изобразительного искусства: 1–4 – Западная Европа; 5 – Скандинавия; 6 – Масковичи (Беларусь); 7 – Новгород (Россия)

Рис. 2. Кресты конца X–XIV вв. в составе ожерелий и способы их крепления: 1 – Власовичи, Черниговская область (курганное захоронение); 2 – крест из собрания братьев Ханенко; 3 – Киев (в составе клада); 4 – Атвасес (могильник земгалов); 5 – Новгород; 6 – Нефедьево, Восточное Прионежье (грунтовое захоронение); 7 – бывшая Витебская губерния (курганное захоронение)

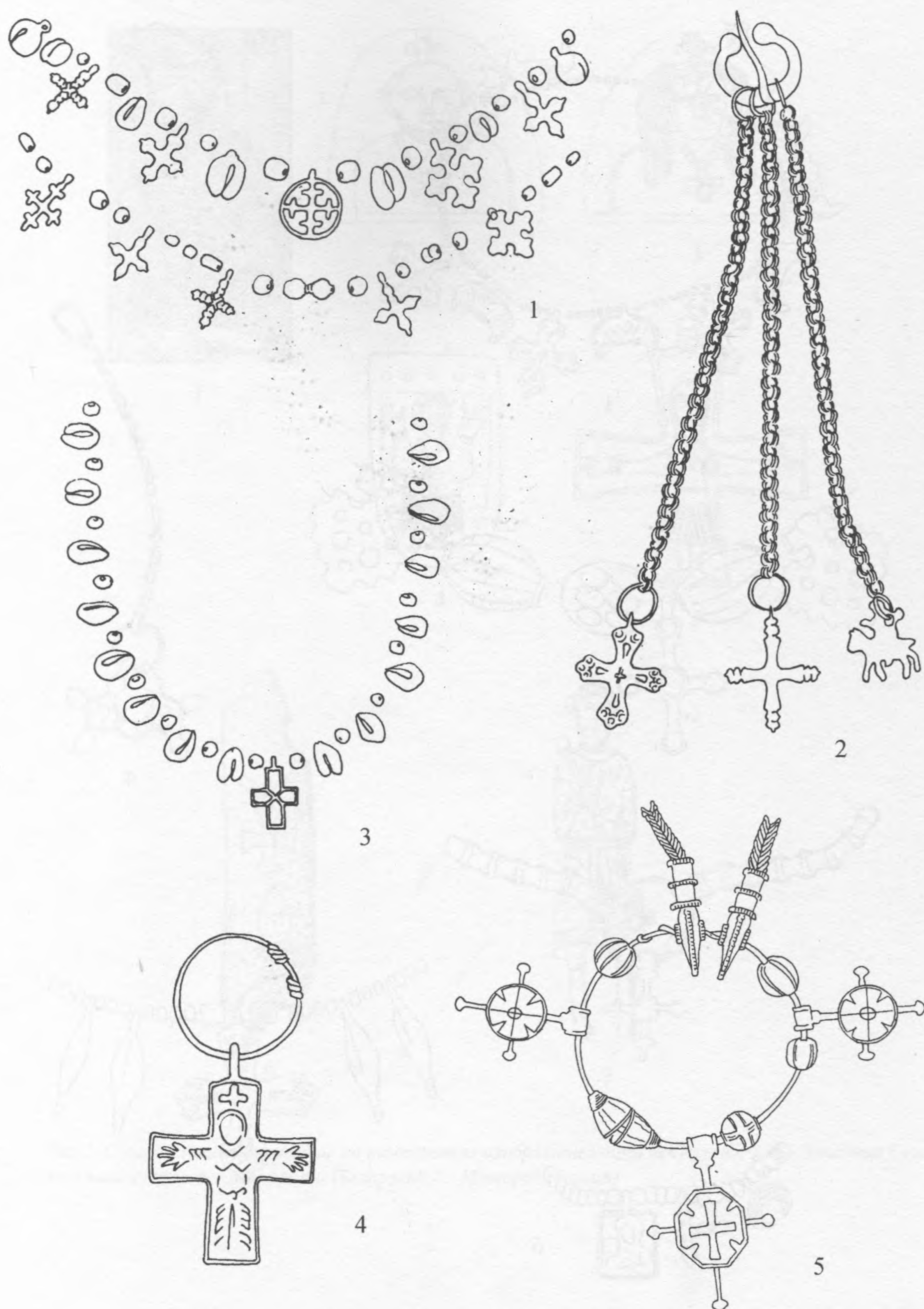

Рис. 3. Кресты конца X–XIV вв. в составе ожерелий и способы их крепления: 1 – Леясдонели, Латвия (курганное захоронение); 2 – Челмужи, Онежское озеро (курганное захоронение); 3 – Даугавс Оглениеки, Восточная Латвия (курганное захоронение); 4–5 – Скандинавия

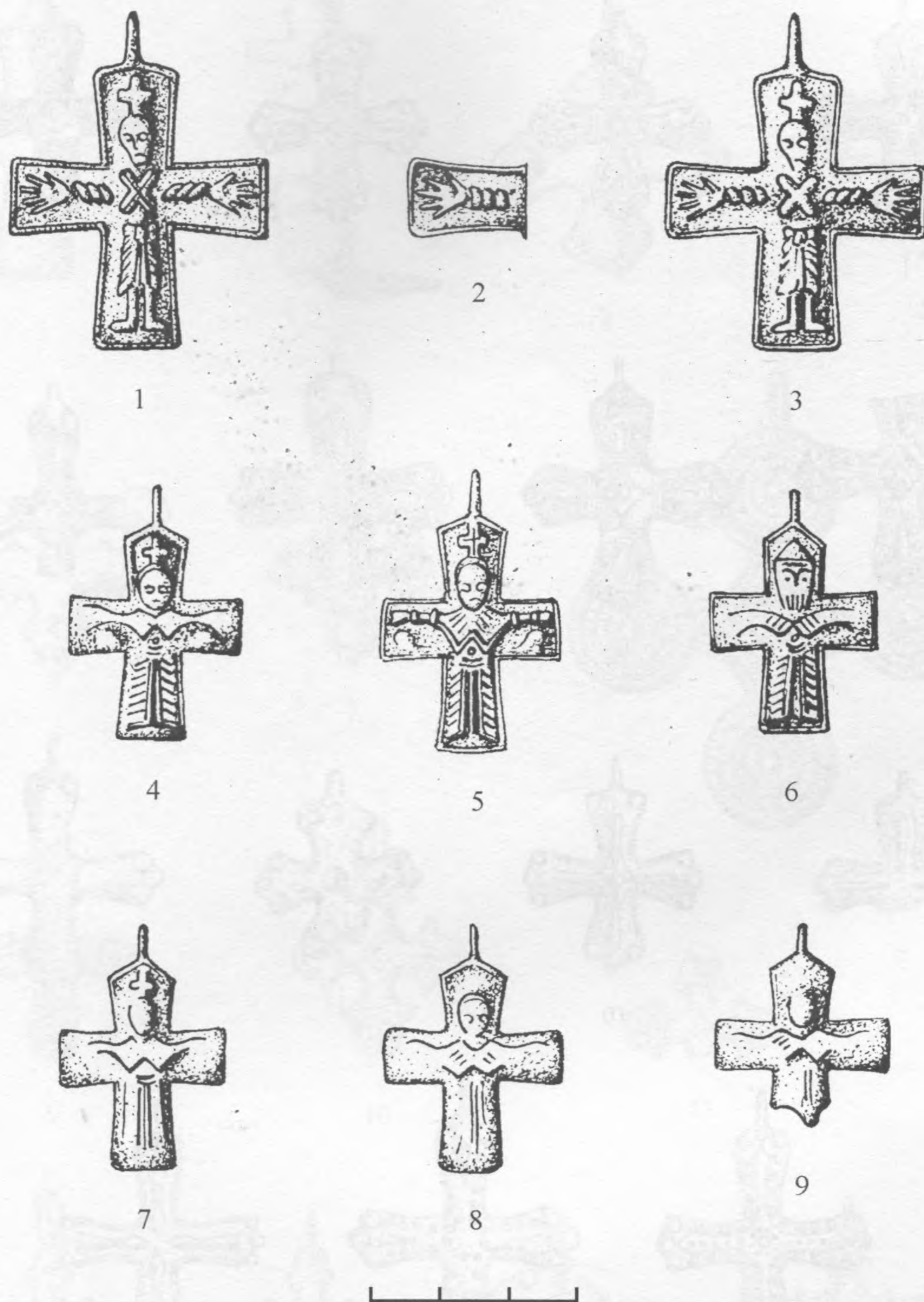

Рис. 4. Кресты «с грубым изображением Распятия» конца X–XI в.: 1 – Полоцк (№ 160); 2 – Ходосовичи (№ 189); 3 – Яново (№ 202); 4 – Новогрудок (№ 140); 5 – Харчичи (№ 187); 6 – Колодецкая (№ 83); 7 – Шапчицы (№ 193); 8–9 – Веточка (№№ 18–19)

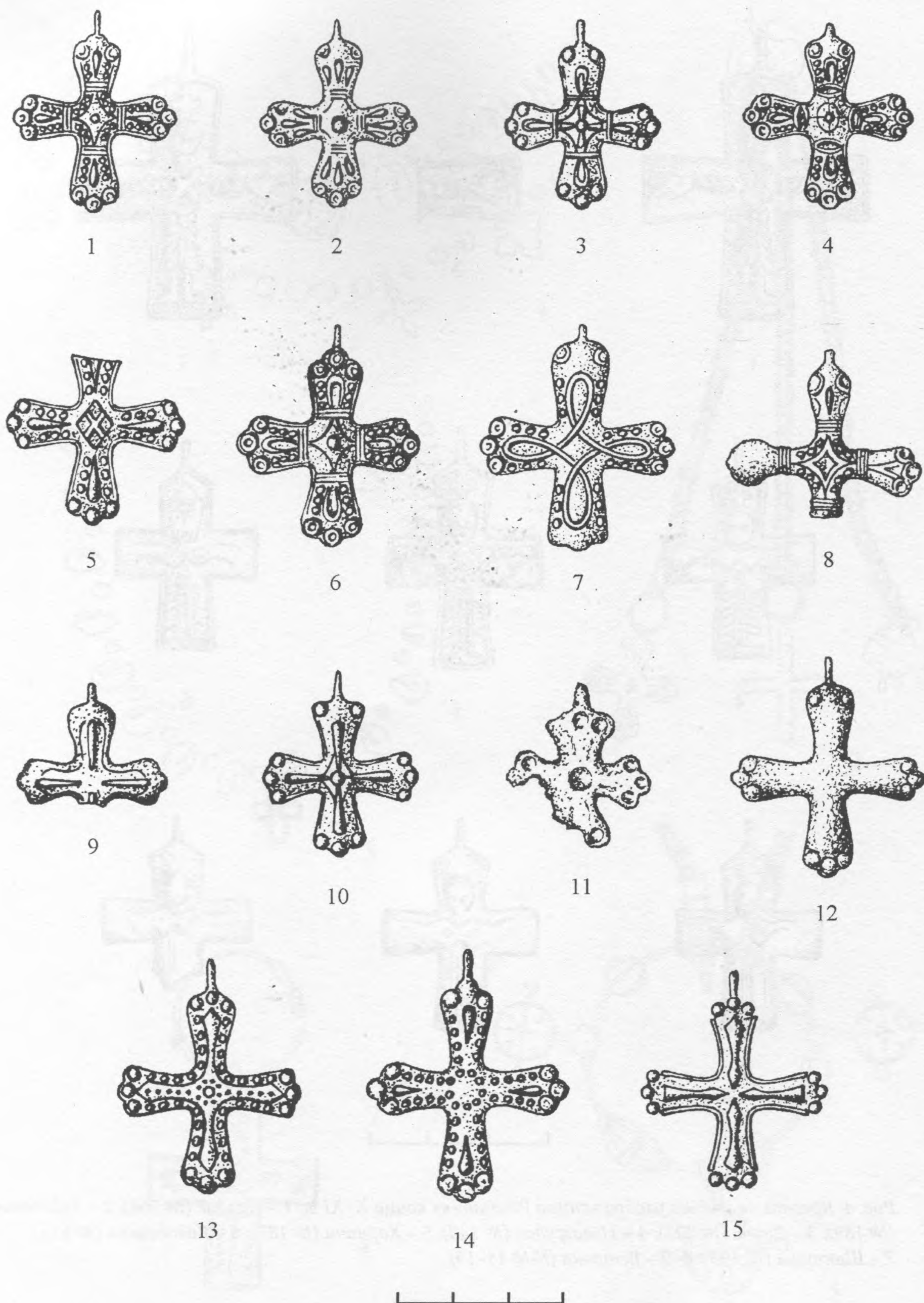

Рис. 5. Кресты «скандинавского» типа конца X–XIII в.: 1 – Веточка-IV (№ 6); 2 – Веточка-V (№ 17); 3 – Избище (№ 80); 4 – Гадиловичи (№ 53); 5–6 – бывшая Витебская губерния (№№ 212–213); 7 – Ходосовичи (№ 188); 8 – Дрисвяты (№ 73); 9 – Колодецкая (№ 87); 10 – Дроздово (№ 74); 11 – Звезда (№ 203); 12 – Юдичи (№ 201); 13 – Дмитровщина (№ 71); 14 – Волковыск (№ 35); 15 – Кукли (№89)

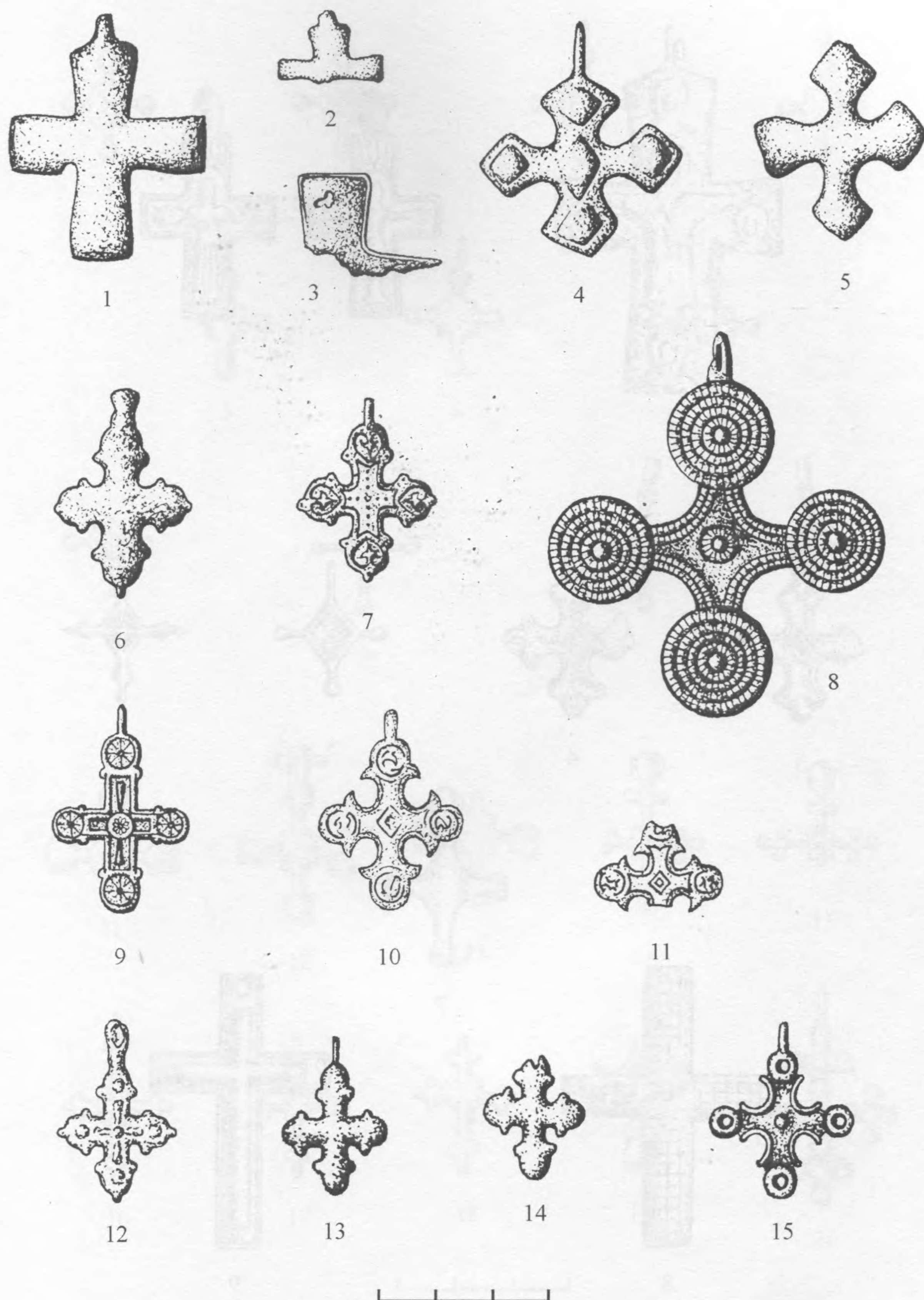

Рис. 6. Металлические кресты-тельники XI–XIII вв.: 1 – Слободка, Чашницкий район. (№ 75); 2 – Слободка, Браславский район (№ 205); 3 – Туров; 4–5 – Масковичи (№№ 104–105); 6 – Заславль (№ 78); 7 – Нисимковичи (№ 131); 8 – Полоцк (№ 156); 9, 11 – Чаусы (№№ 191–190); 10 – Прудок (№ 224); 12 – Дрисвяты (№ 215); 13 – Лисно (№ 91); 14 – Масковичи (№ 103); 15 – бывшая Витебская губерния (№ 214)

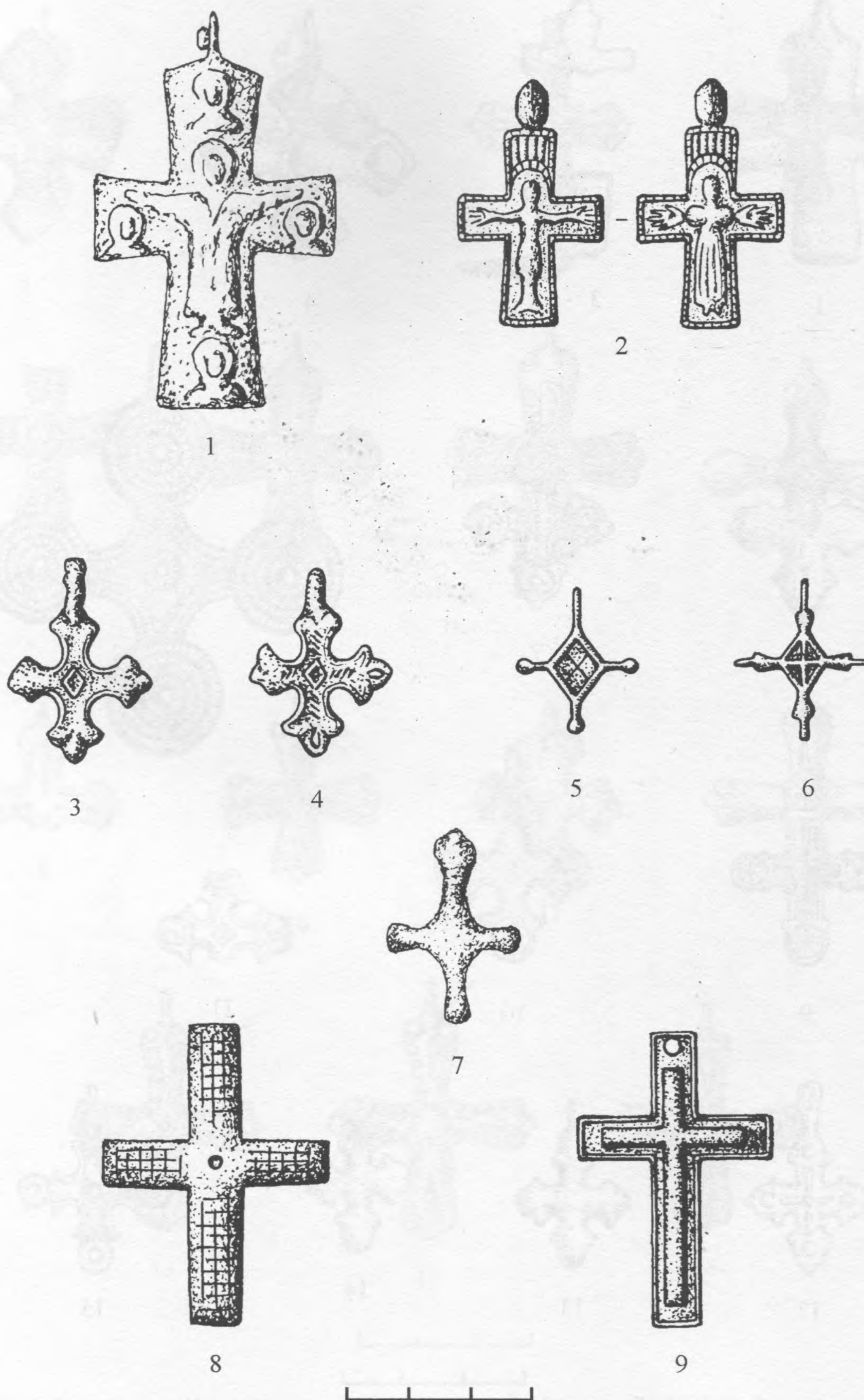

Рис. 7 Металлические кресты-тельники XI–XIV вв.: 1 – Денисковичи (переотливка с энколпиона (№ 223)); 2 – Новогрудок (№ 140); 3 – Минск (№ 114); 4 – Снядин (№ 181); 5–6 – Мстиславль (№№ 124–125); 7 – Друцк (№ 218); 8 – Витебск (№ 21); 9 – Брест (№ 1)

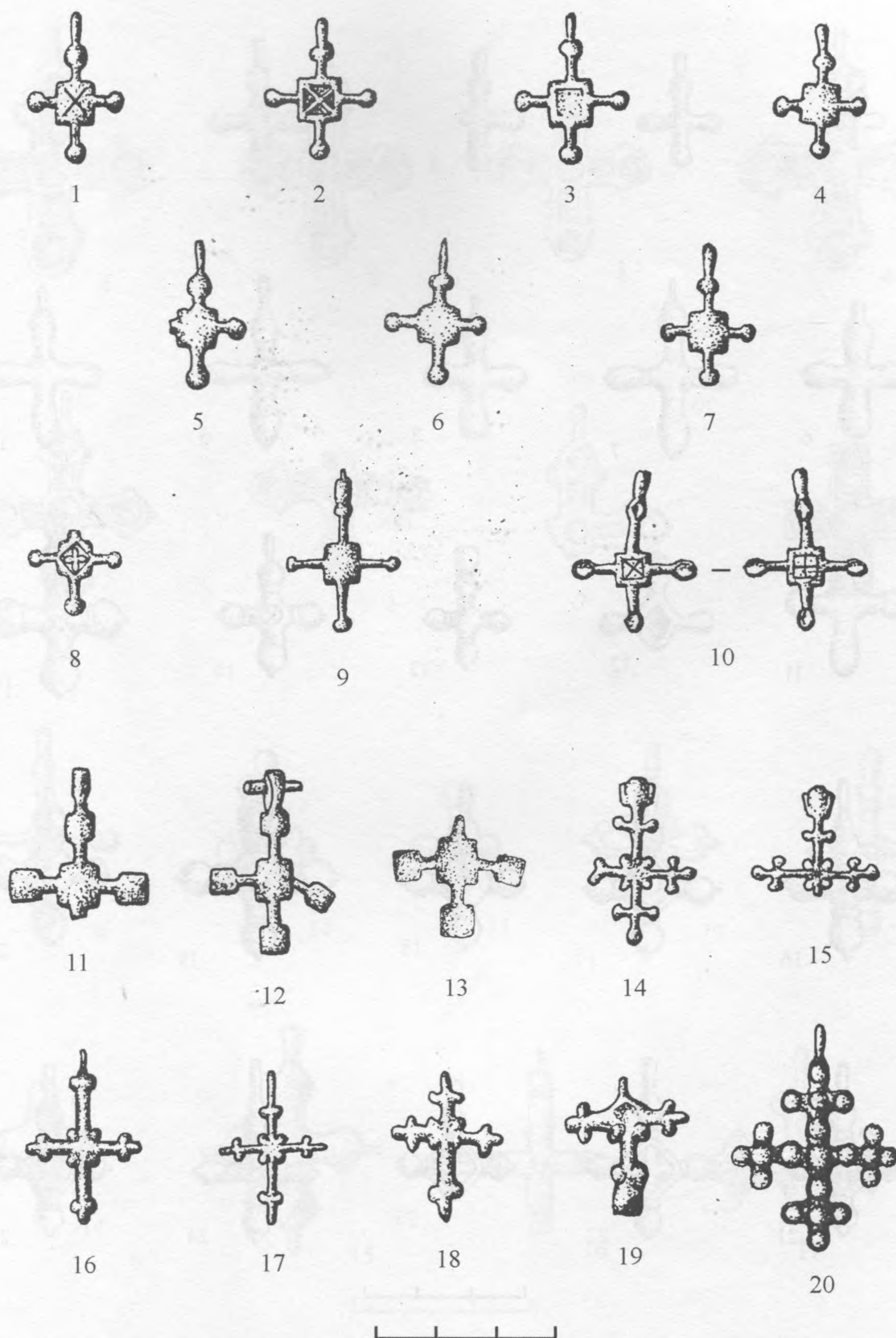

Рис. 8. Металлические кресты-тельники XI–XIII вв.: 1 – Патока (№ 153); 2 – Борисов (№ 11); 3, 16, 20 – Волковыск (№№ 37–39); 4, 8, 11 – Вищин (№№ 26, 32–33); 5 – Витебск (№ 20); 6 – Струга (№ 206); 7 – Гродно (№ 62); 9, 18 – Масковичи (№№ 106–107); 10 – Копыль (№ 88); 12, 18 – Новогрудок (№ 132–133); 13 – Друцк (№ 220); 14 – Минск (№ 113); 15 – Полоцк (№ 157); 17 – Рогачёв (№ 173)

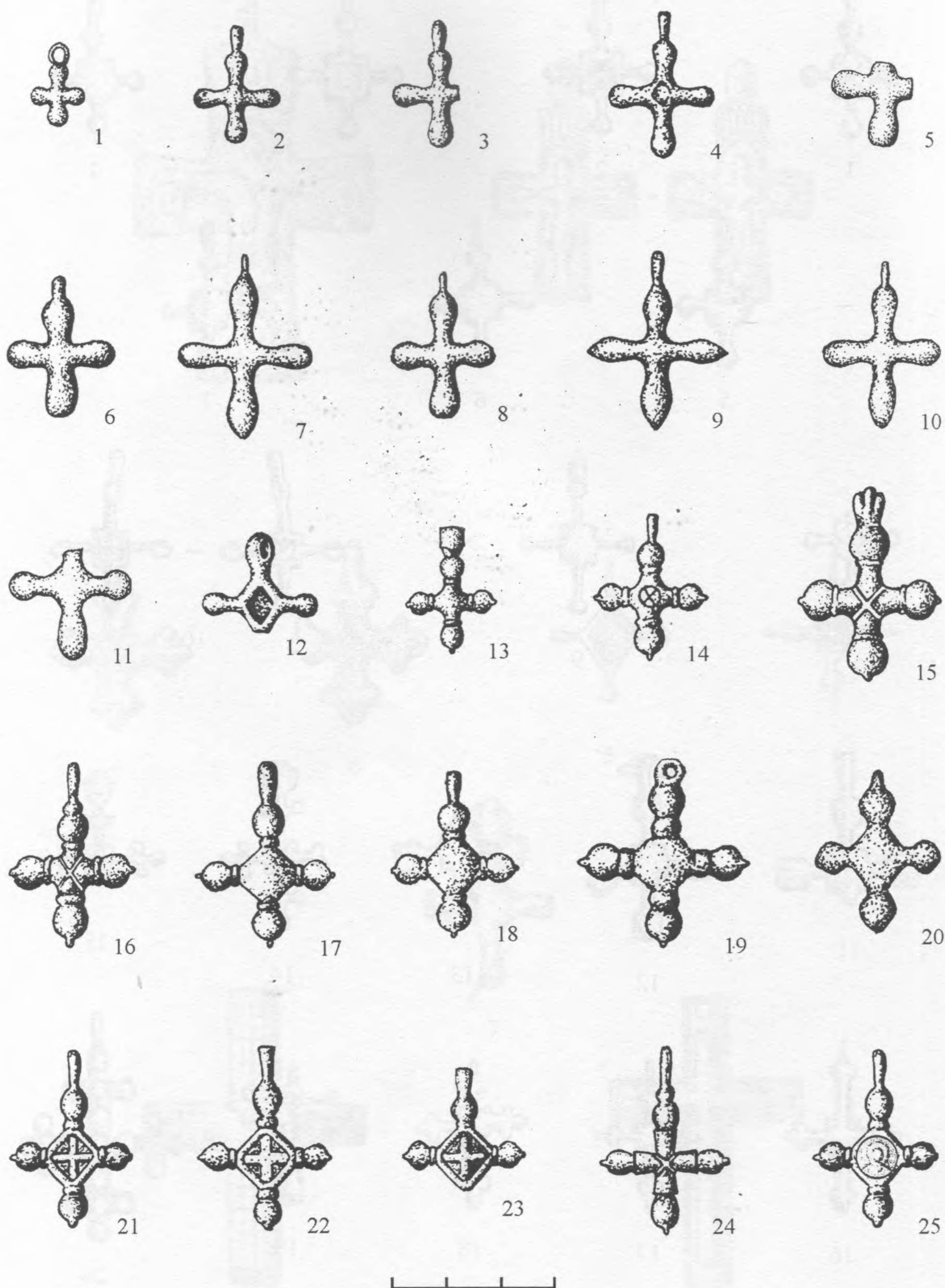

Рис. 9. Металлические кресты-тельники XI–XIII вв.: 1 – Туров (№ 183); 2 – Дворчаны (№ 68); 3–4 – Вищин (№№ 27–28); 5 – Харчичи (№ 225); 6–7 – Масковичи (№№ 109–110); 8 – Волковыск (№ 40); 9 – Борисов (№ 12); 10 – Дрисвяты (№ 217); 11 – Засвирь (№ 77); 12 – Новогрудок (№ 137); 13 – Заславль (№ 79); 14 – Навры (№ 130); 15 – Полоцк (№ 158); 16 – Городище на Менке (№ 60); 17 – Сосновка (№ 182); 18 – Плусы (№ 155); 19 – Волковыск (№ 41); 20 – Друцк (№ 219); 21 – Рогачёв (№ 171); 22 – Гомель (№ 56); 23 – Пинск (№ 154); 24 – Лучин (№ 95); 25 – Дулебы (№ 75)

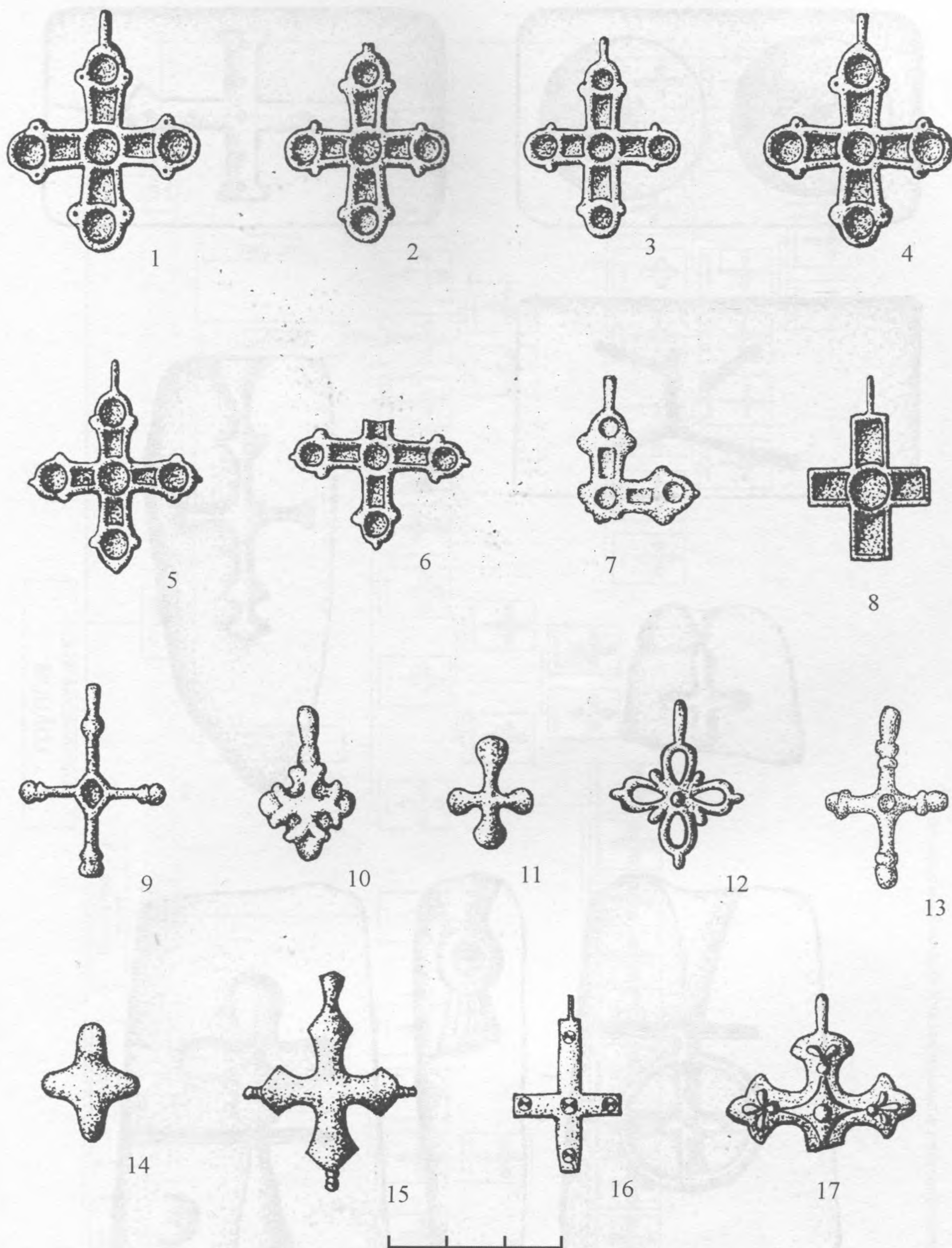

Рис. 10. Металлические кресты-тельники конца XI–XIII вв.: 1 – Лучин (№ 96); 2 – Глыбов (№ 54); 3, 10 – Масковичи (№№ 108, 111); 4 – Михалёва (№ 121); 5, 8, 12 – Новогрудок (№№ 134, 136, 138); 6 – Браслав (№ 13); 7, 16, 17 – Вйщин (№№ 29, 30, 34); 9 – Полоцк (№ 159); 11 – Рогачёв (№ 172); 13 – Полоцк (№ 216); 14 – Слуцк (№ 177); 15 – Волковыск (№ 36)

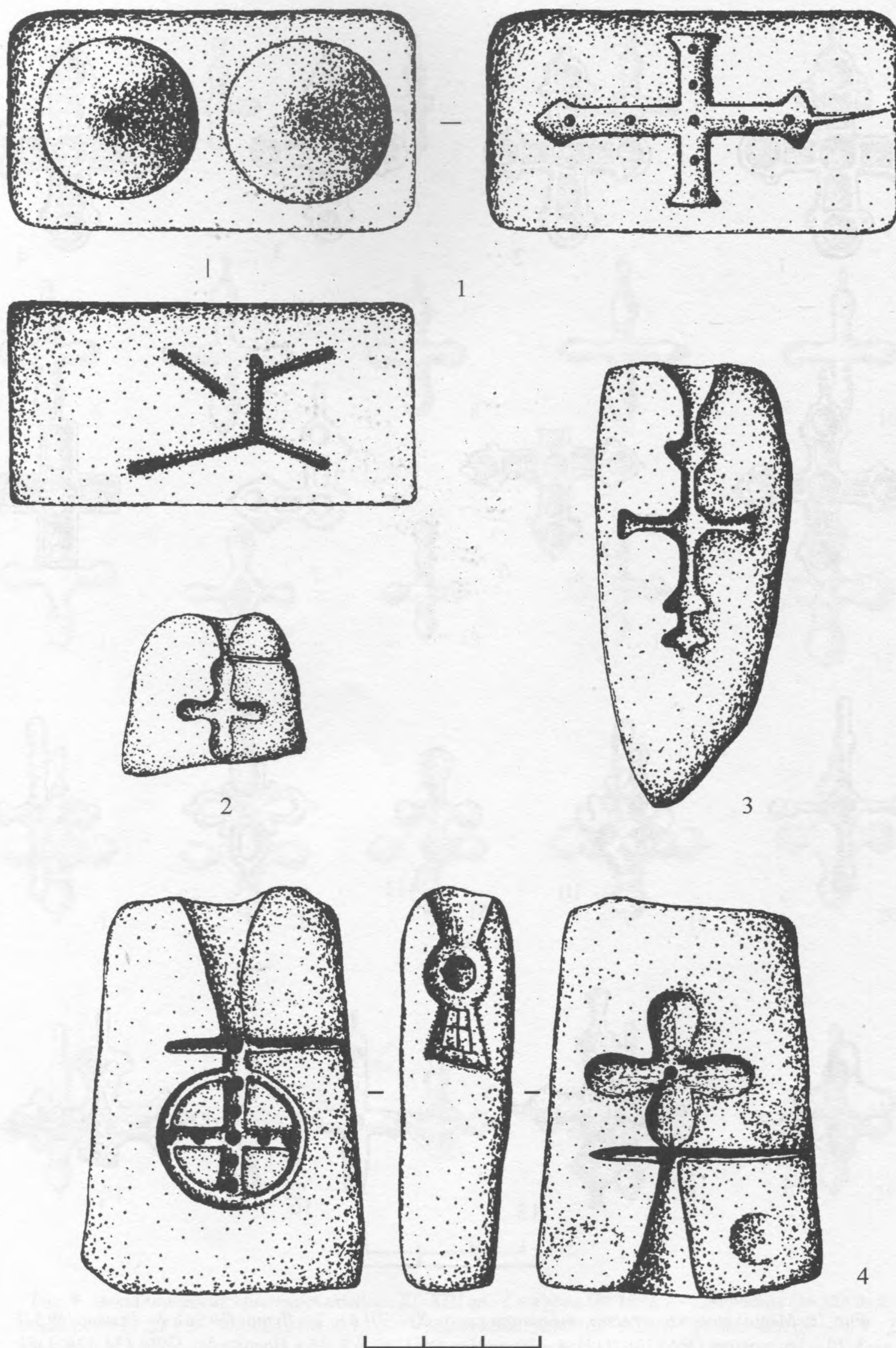

Рис. 11. Каменные формы для отливки нательных крестов XII–XIII вв.: 1 – Витебск; 2 – Волковыск; 3 – Полоцк; 4 – Лукомль

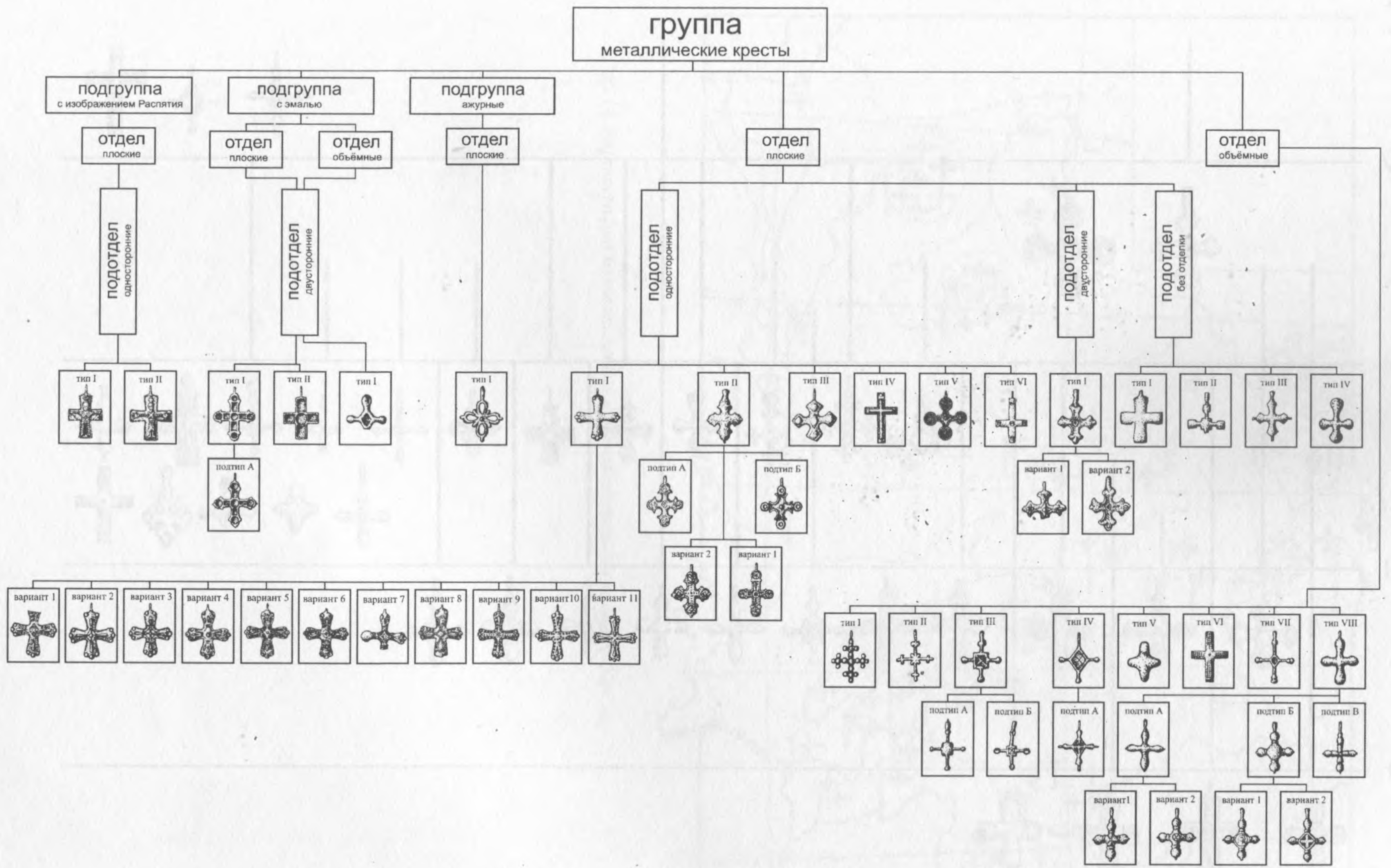

Рис. 12. Классификация металлических крестов-тельников

век
XV
XIV
XIII
XII
XI
X

Рис. 13. Хронология возникновения и бытования металлических крестов-тельников

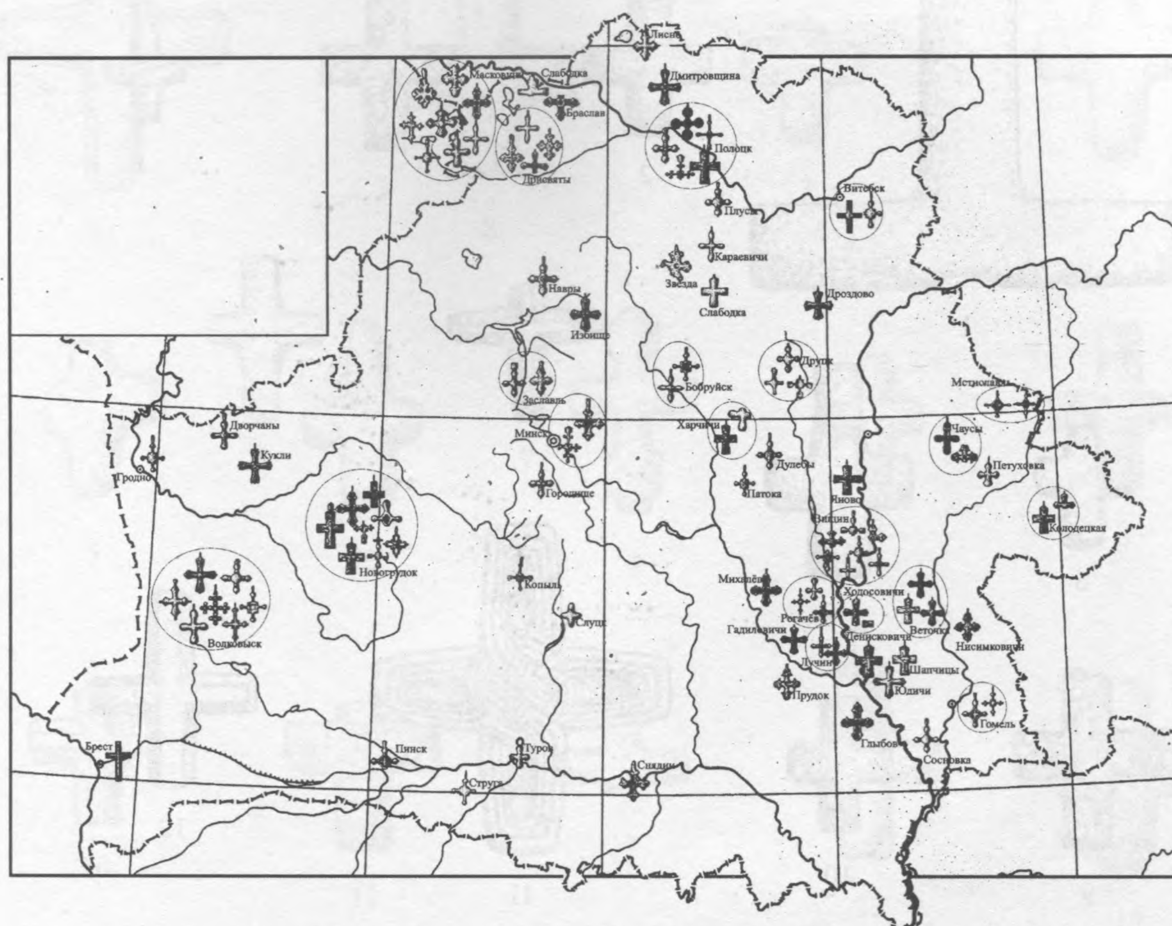

Рис. 14. Картография металлических крестов-тельников конца X–XIV вв.

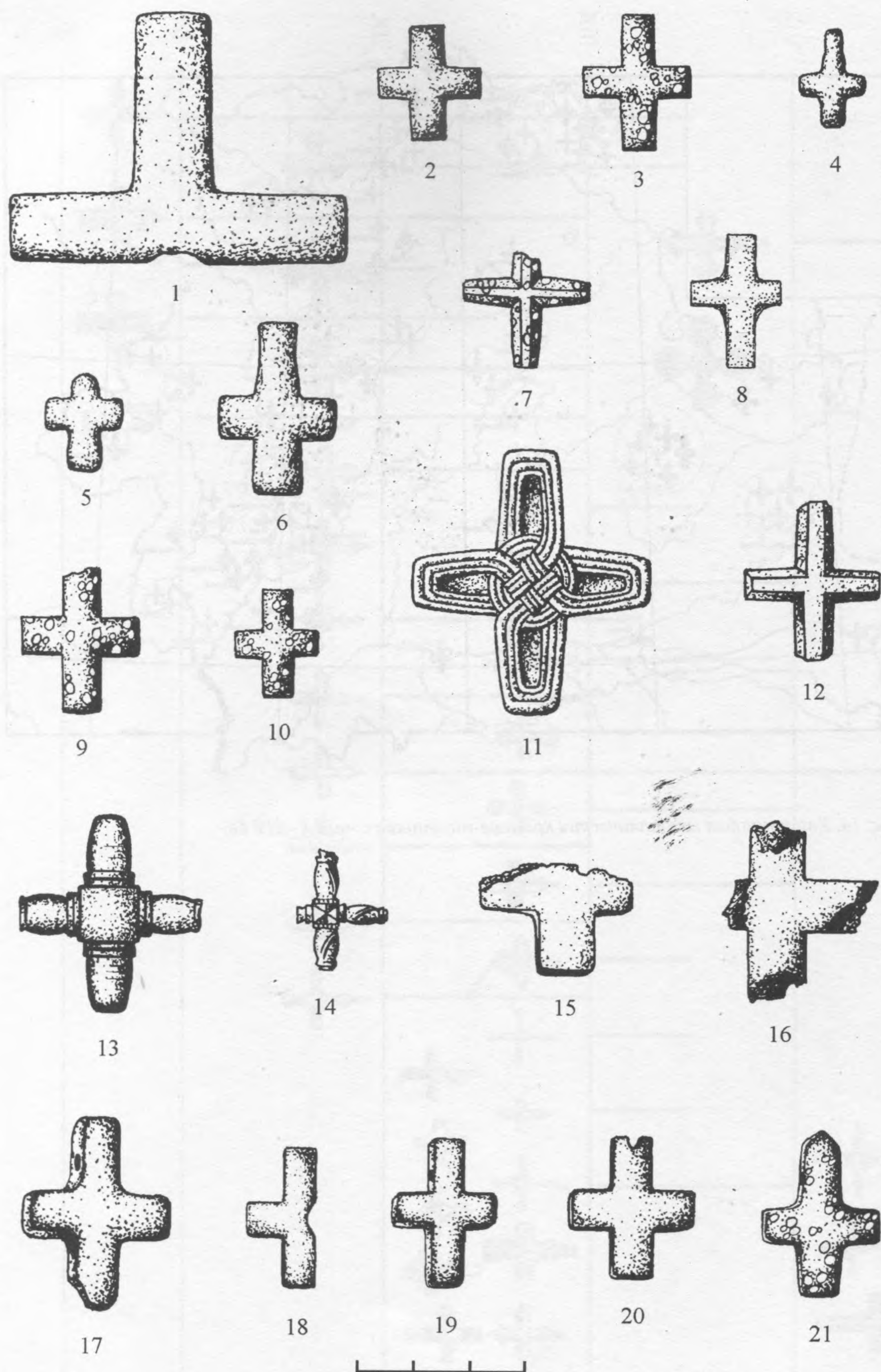

Рис. 15. Каменные кресты-тельники XII–XIII вв.: 1–7 – Брест (№№ 2–8); 8 – Свислочь (№ 174); 9–16 – Новогрудок (№ 141–145, 147–149); 17–21 – Волковыск (№№ 42–46)

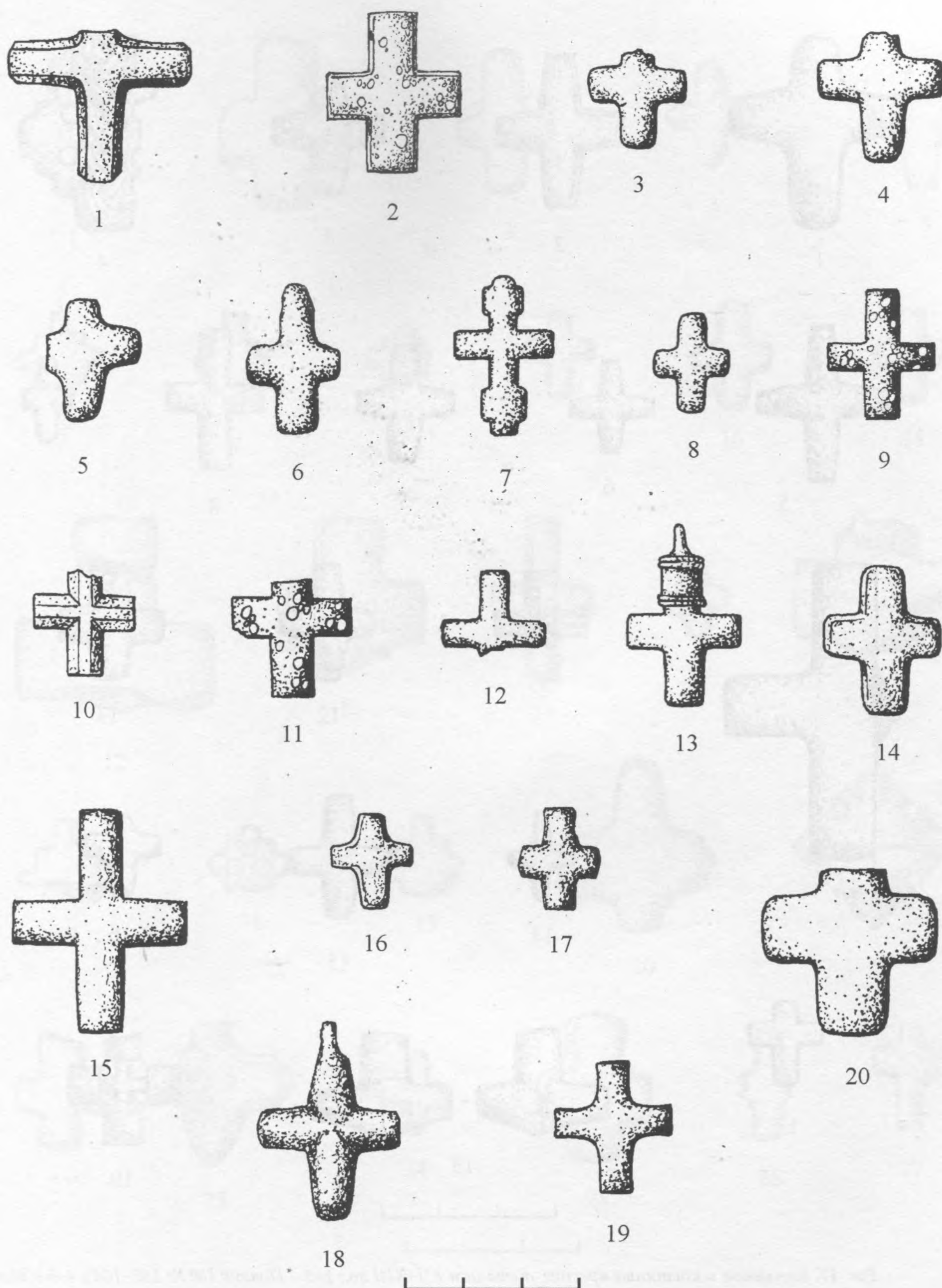

Рис. 16. Каменные кресты-тельники XII–XIII вв.: 1 – Дрисвяты (№ 72); 2–3 – Вищин (№№ 25, 31); 4–5 – Браслав (№№ 14–15); 6–7 – Гродно (№№ 63–64); 8–9 – Лоск (№№ 92–93); 10 – Гривковичи (№ 61); 11 – Копыль (№ 90); 12–16 – Масковичи (№№ 98–102); 17–18 – Друцк (№№ 221–222); 19–20 – Полоцк (№№ 161, 165)

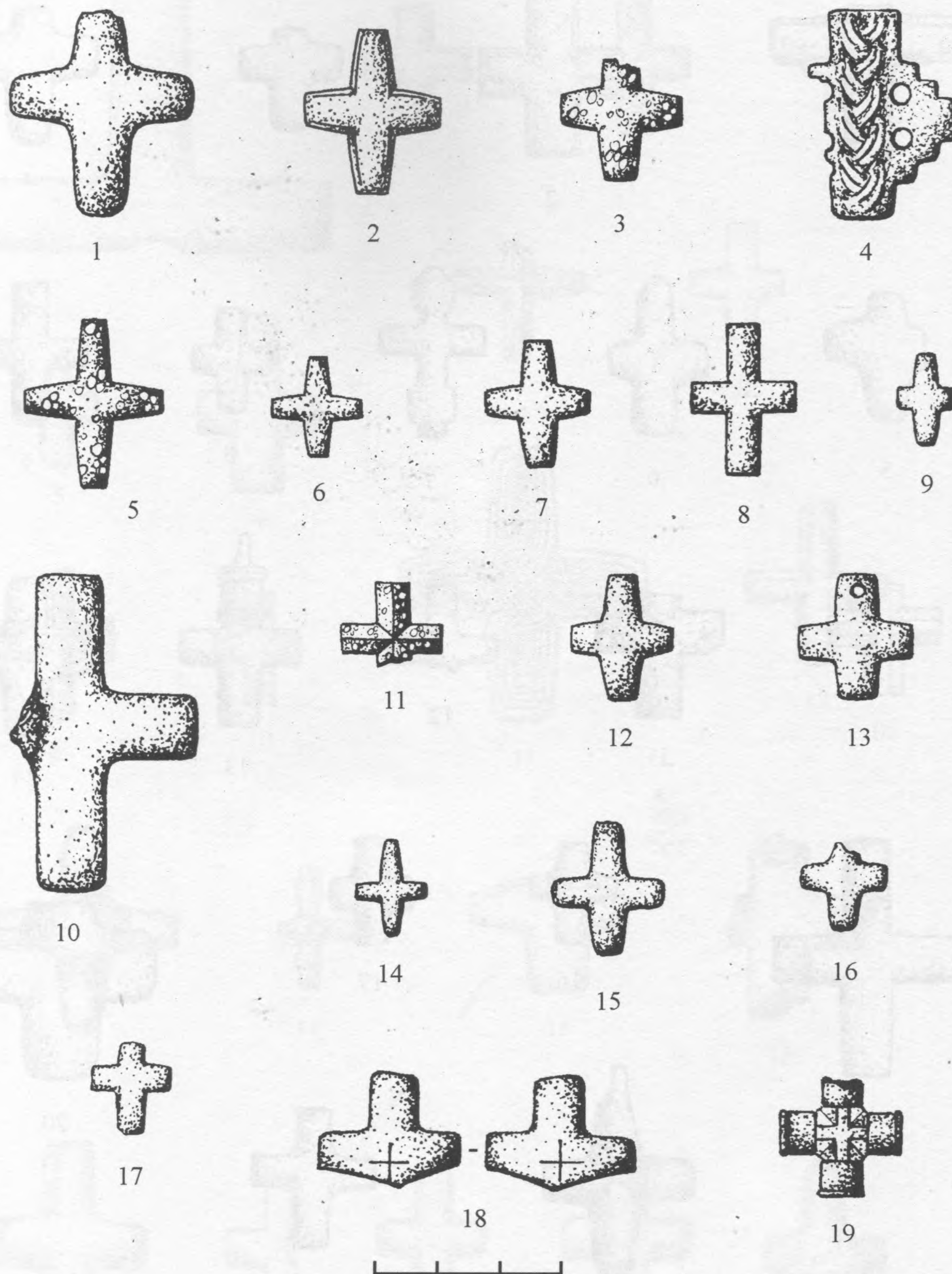

Рис. 17. Каменные и костяные кресты-тельники XII–XIII вв.: 1–3 – Полоцк (№ № 162–164); 4–5 – Минск (№№ 115–116); 6 – Мозырь (№ 122); 7–8 – Орша (№№ 151–152); 9 – Слобода (№ 176); 10–11 – Туров (№№ 184–18); 12–13 – Слуцк (№№ 178–179); 14–15 – Витебск (№№ 22–23); 16–17 – Гомель (№№ 57, 204); 18–19 – Гомель (№№ 58–59)

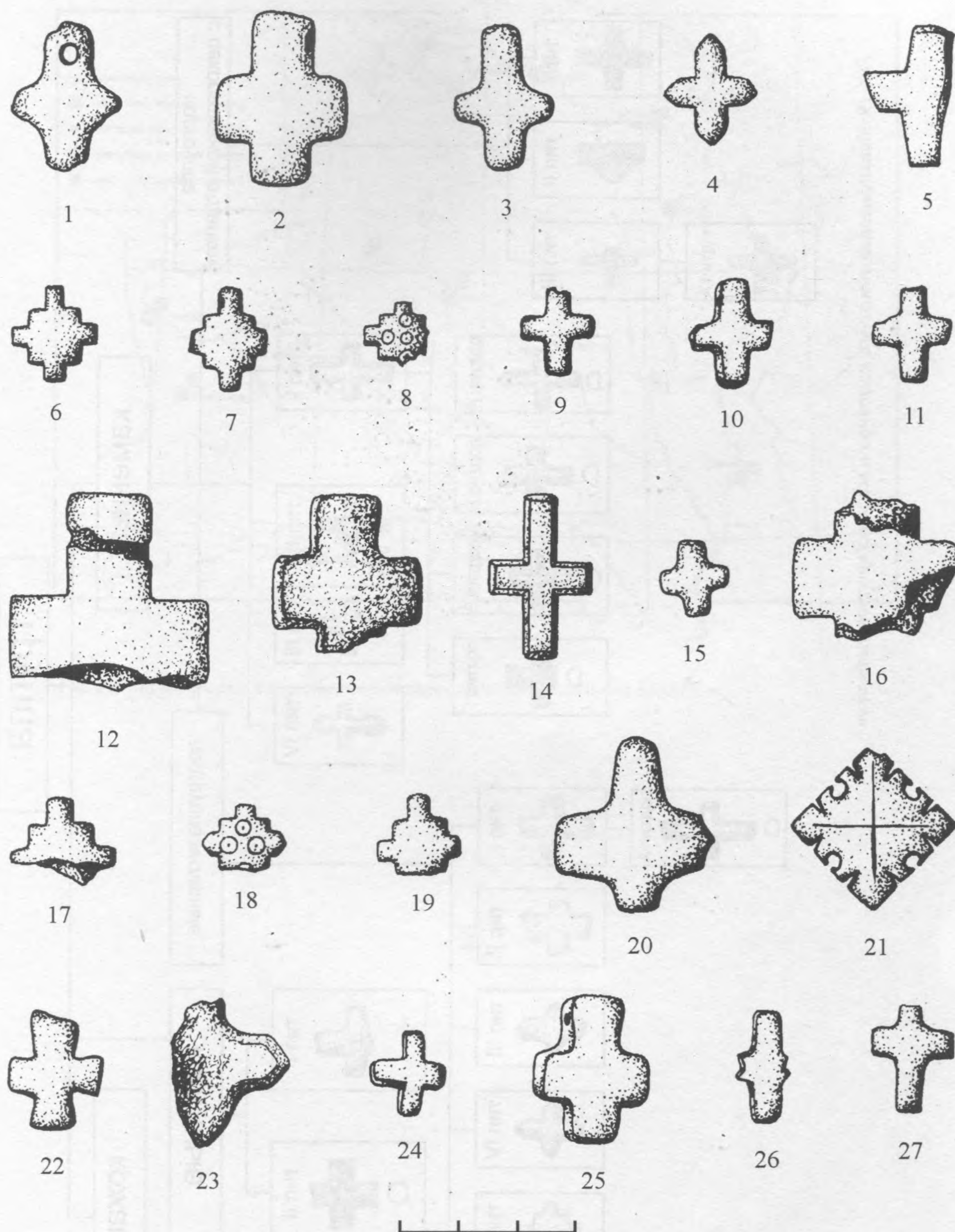

Рис. 18. Янтарные кресты-тельники XI–XIV вв.: 1–5 – Полоцк (№№ 166–169); 6–11 – Волковыск (№№ 47–51); 12–15 – Минск (№№ 117–120); 16 – Прудники (№ 170); 17 – Масковичи (№ 112); 18–19 – Брест (№№ 9–10); 20 – Лоск (№ 94); 21 – Слуцк (№ 180); 22–23 – Новогрудок (№ 150); 24–26 – Гродно (№№ 65–67); 27 – Клецк (№ 82)

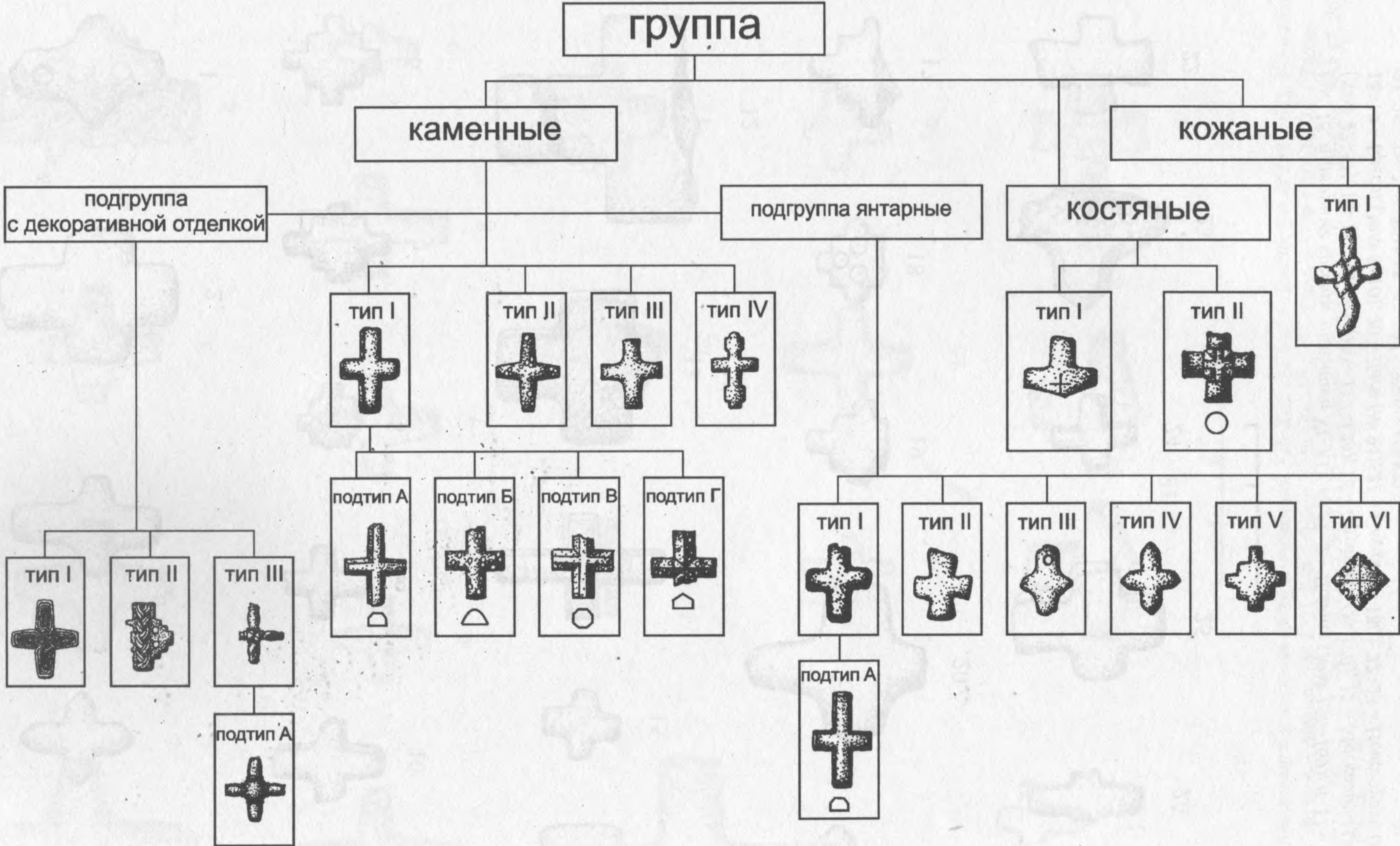

Рис. 19. Классификация каменных, костяных и кожаных крестов-тельников

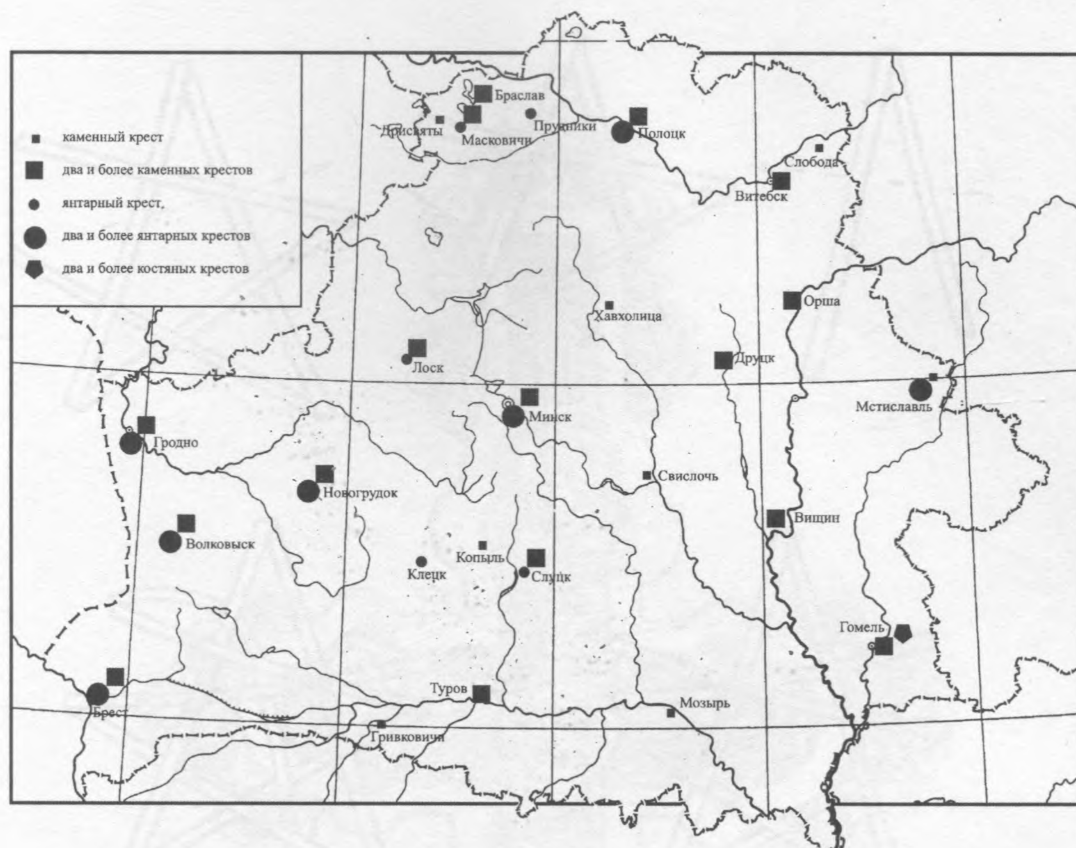

Рис. 20. Картография каменных и костяных крестов-тельников XI–XIV вв.

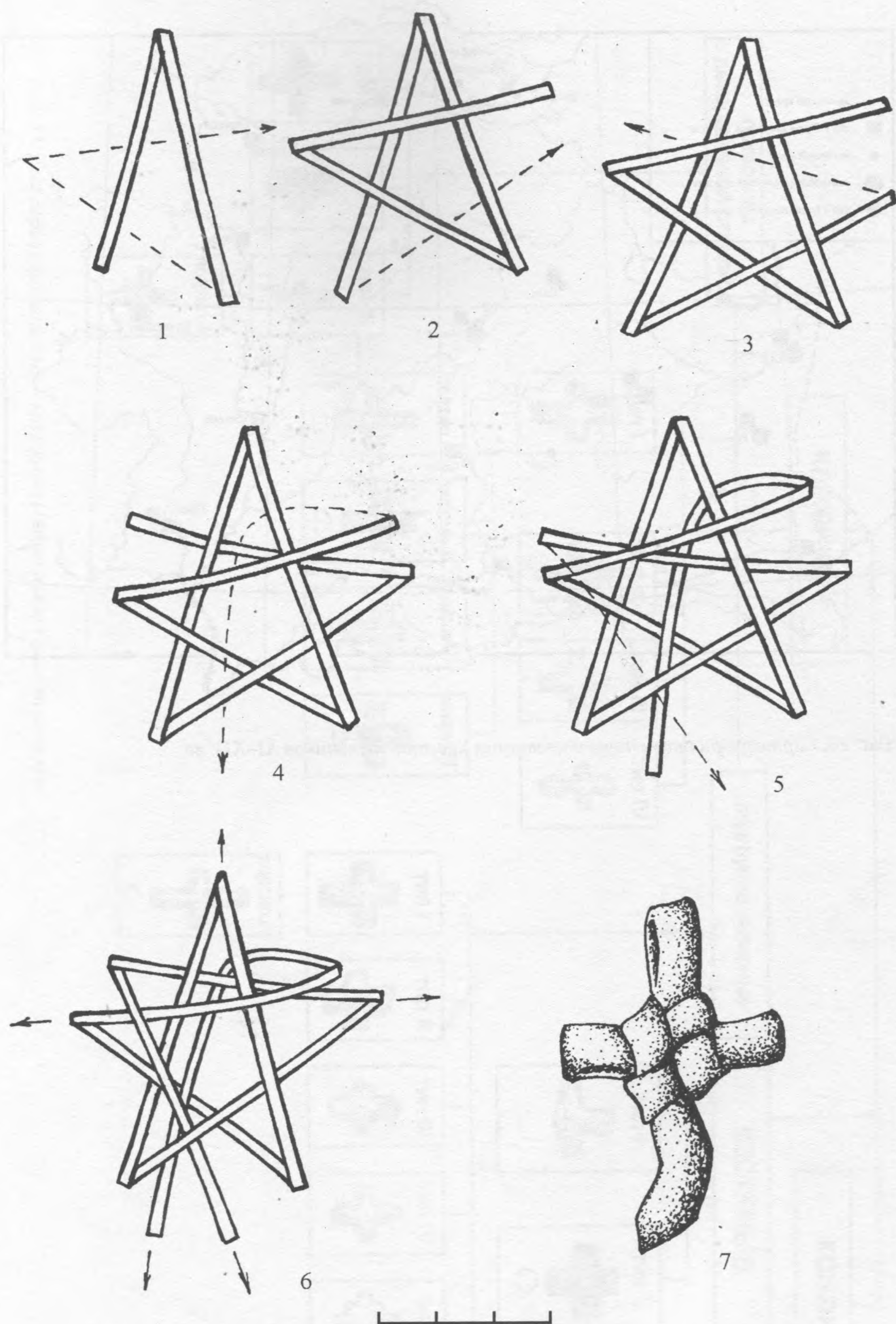

Рис. 21. Реконструкция плетения кожаного креста-тельника XIII в. из Витебска (№ 24)

Рис. 22. Чудотворная икона Купятичской Богоматери (№ 31)

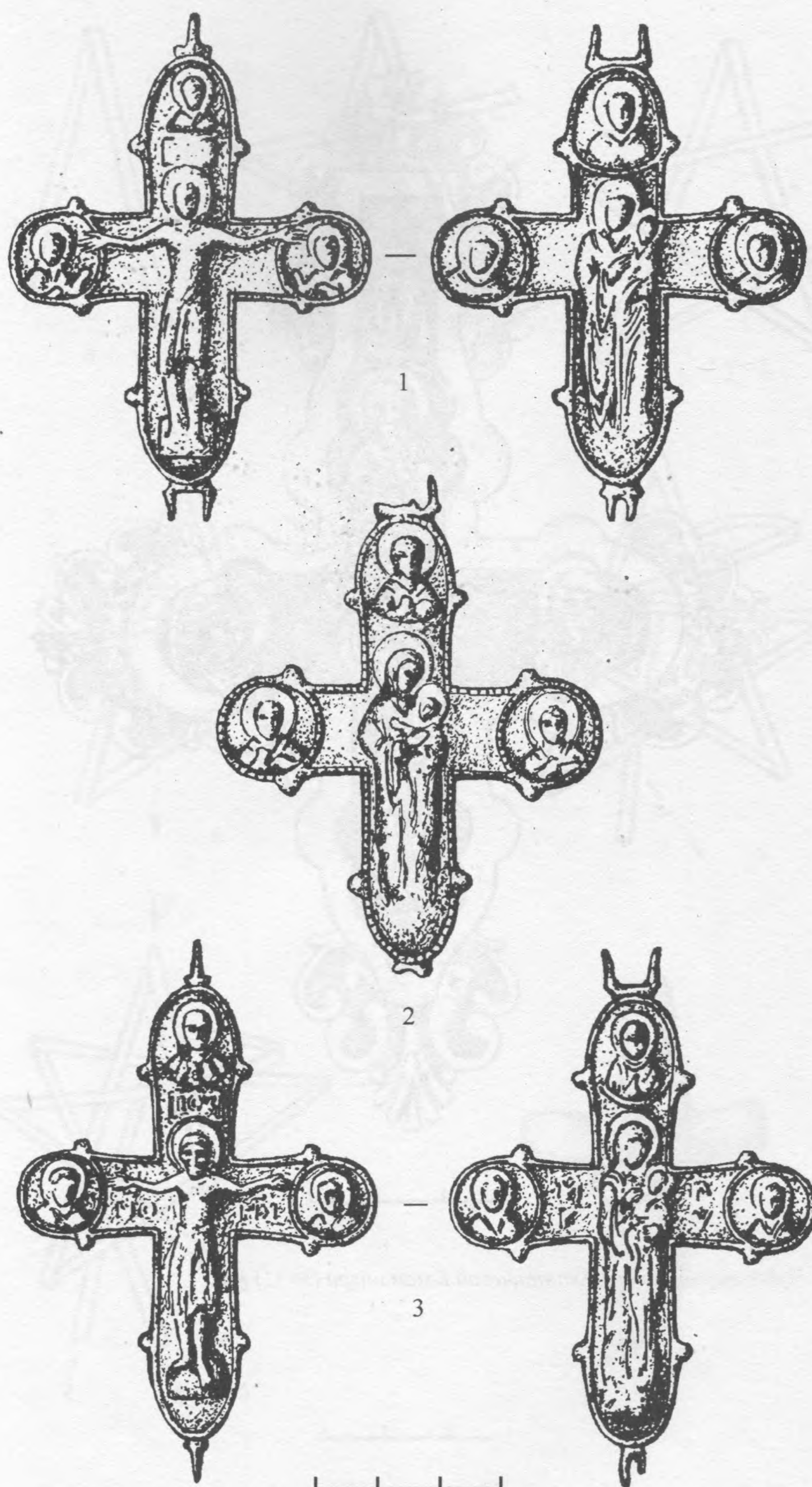

Рис. 23. Кресты-энколпионы XII–XIII вв.: 1 – Гродно (№ 15); 2 – бывшая Витебская губерния (№ 7); 3 – Могилёв (№ 44)

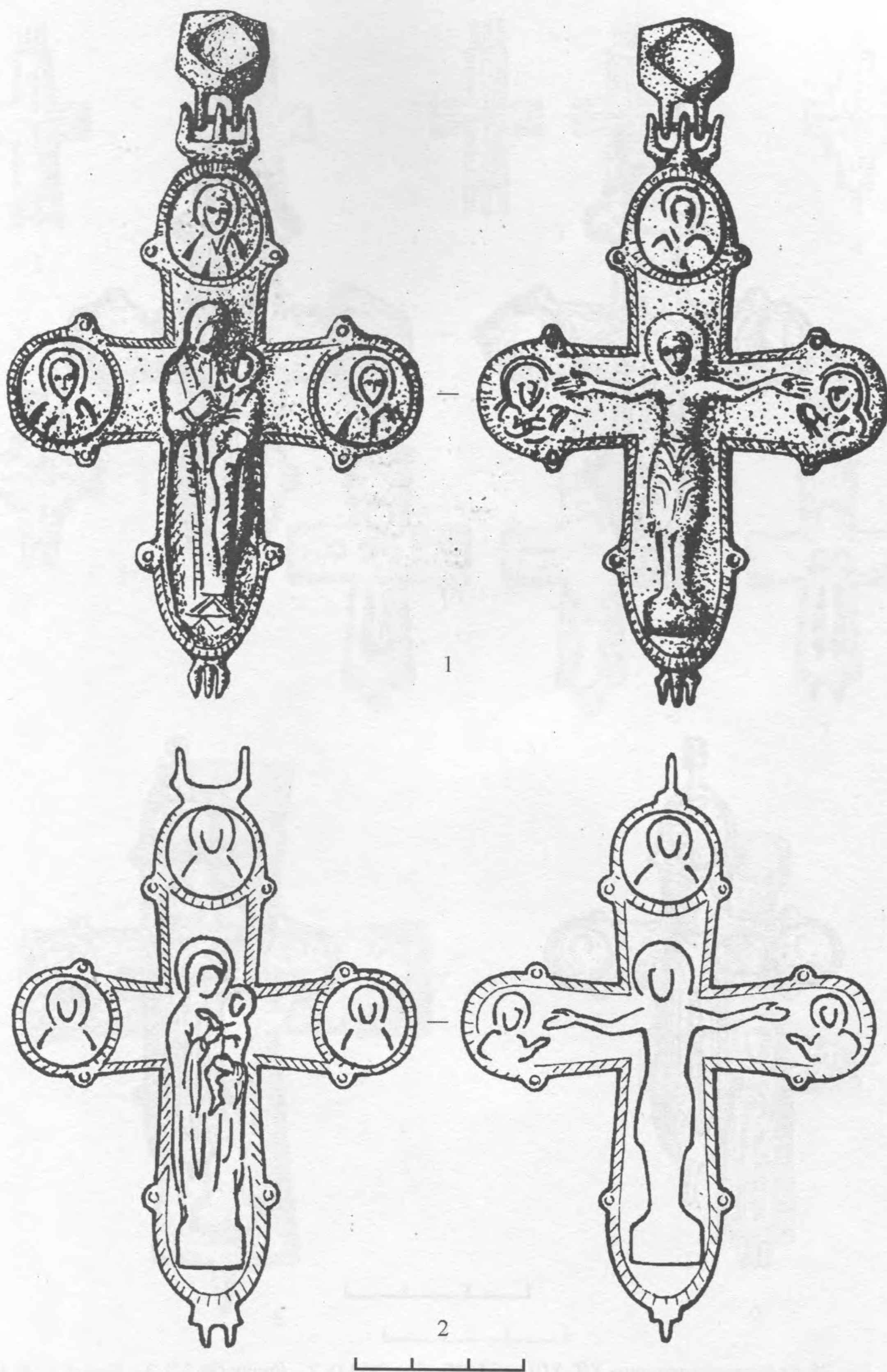

Рис. 24. Кресты-энколпионы XII–XIII вв.: 1 – Мстиславль (№ 48); 2 – Масковичи (реконструкция на основе сохранившихся фрагментов (№ 37))

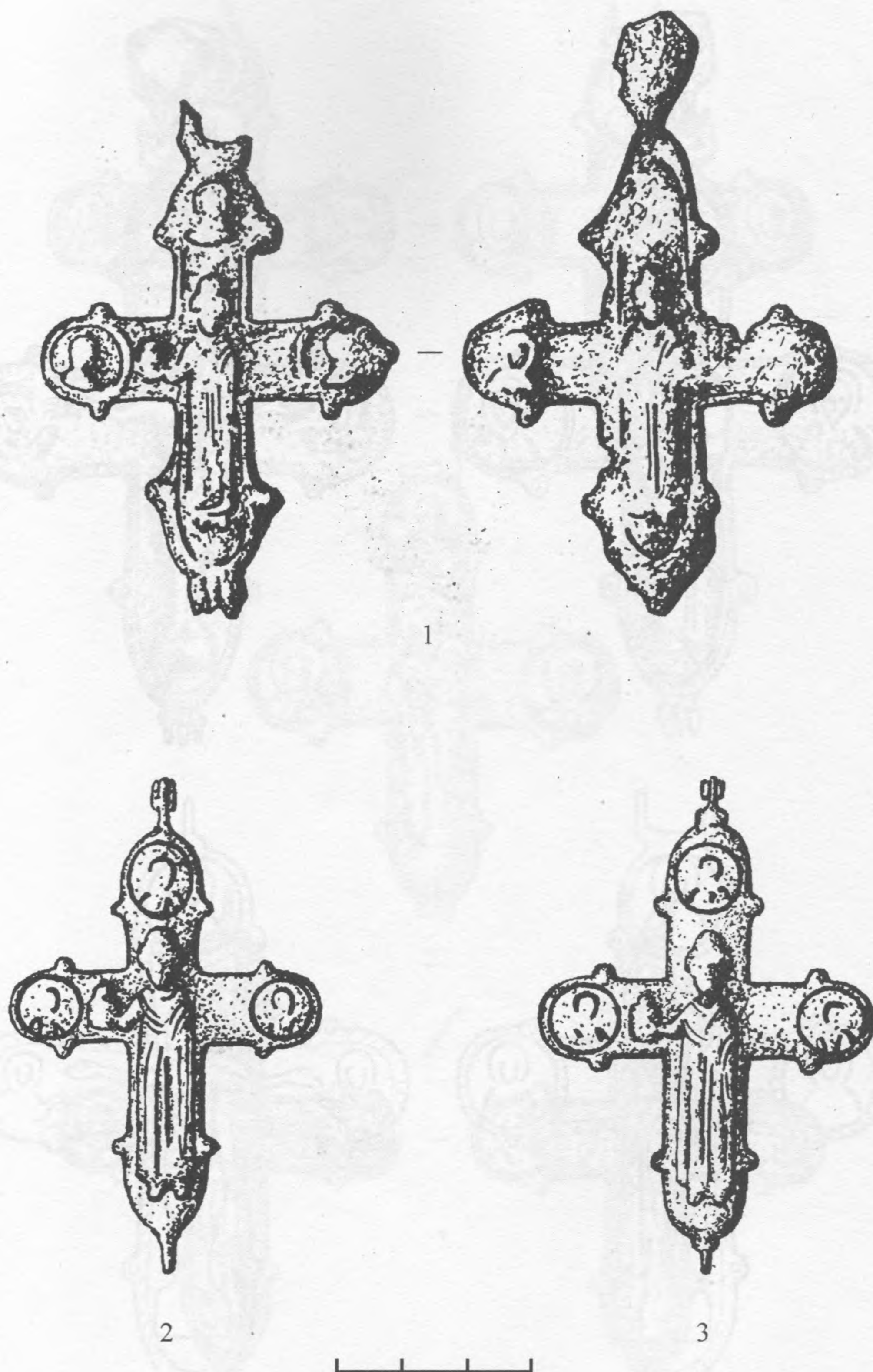

Рис. 25. Кресты-энколпионы XII–XIII вв.: 1 – Гродно (№ 13); 2 – Друцк (№ 22); 3 – Витебск (№ 4)

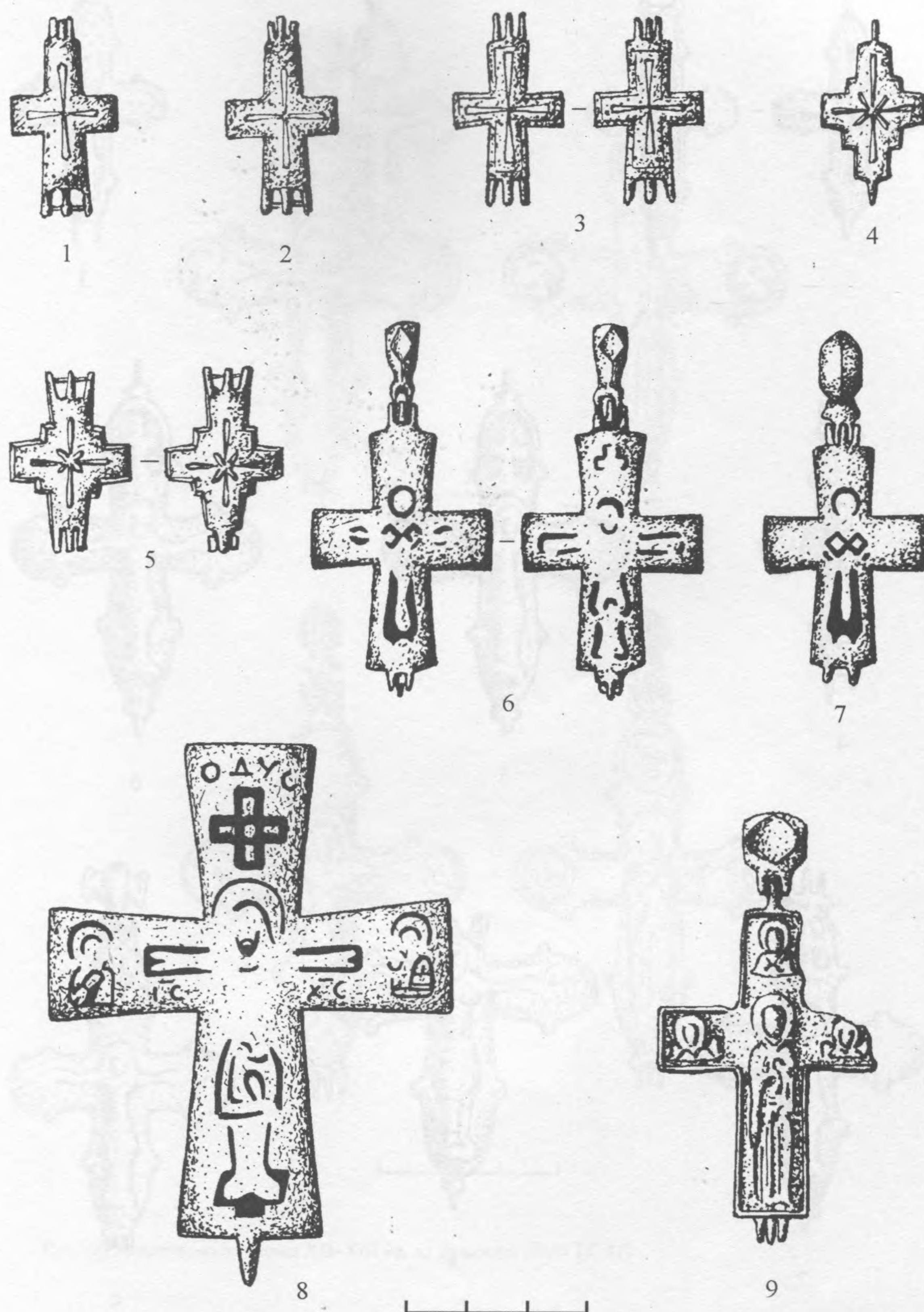

Рис. 26. Кресты-энколпионы XII–XIII вв.: 1 – Новогрудок (№ 60); 2 – Рогачёв (№ 86); 3 – Комарино (№ 29); 4, 7 – Гомель (№№ 10, 12); 5 – Масковичи (№ 36); 6 – Курганье (№ 32); 8 – Брест (№ 1); 9 – Друцк (№ 23)

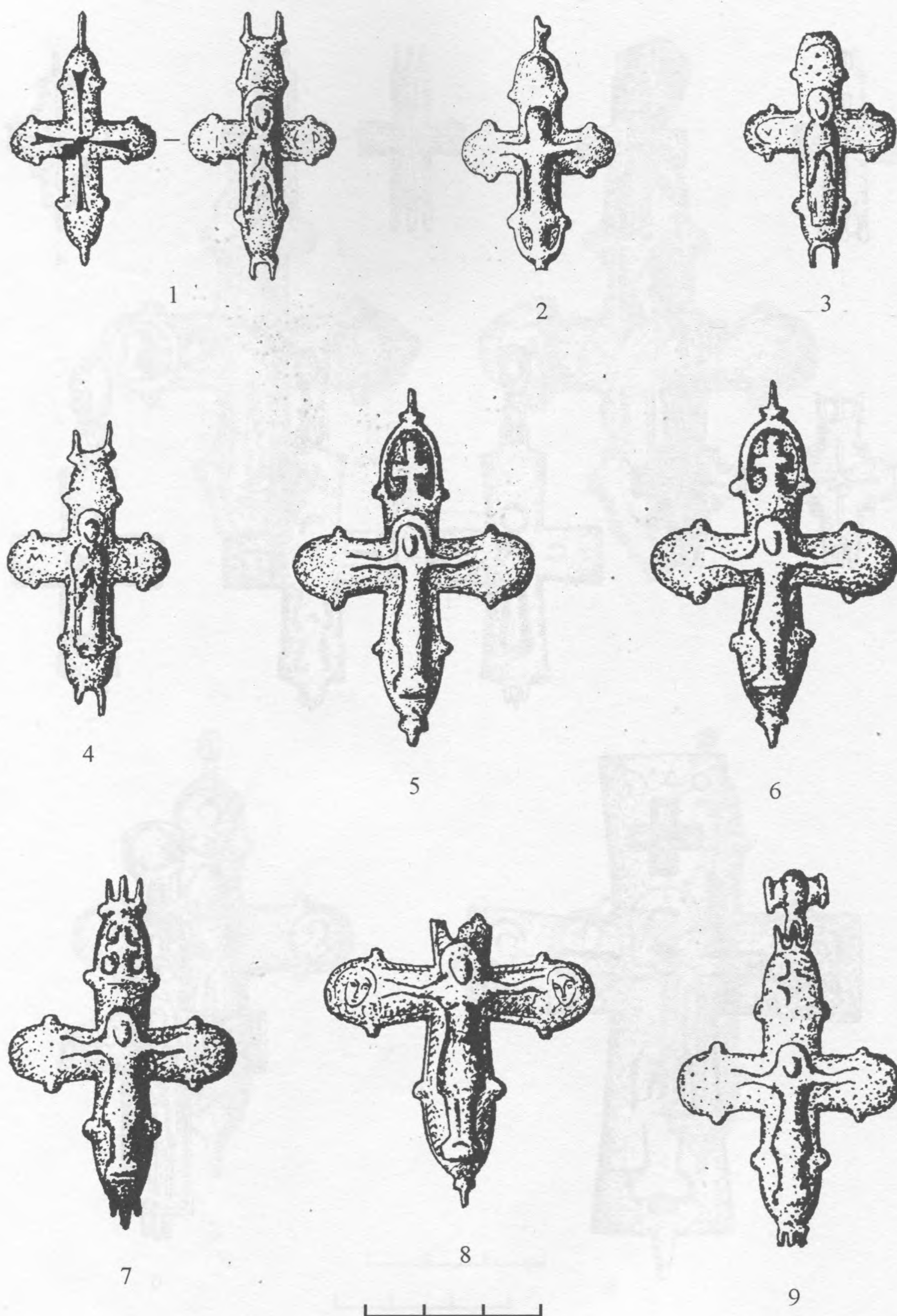

Рис. 27. Кресты-энколпионы XII–XIII вв.: 1 – Верхнедвинск (№ 3); 2–3 – Рогачёв (№№ 69, 82); 4 – Гомель (№ 11); 5 – Друцк (№ 25); 6 – Минск (№ 42); 7–8 – Новогрудок (№№ 57–58); 9 – Олпень (№ 65)

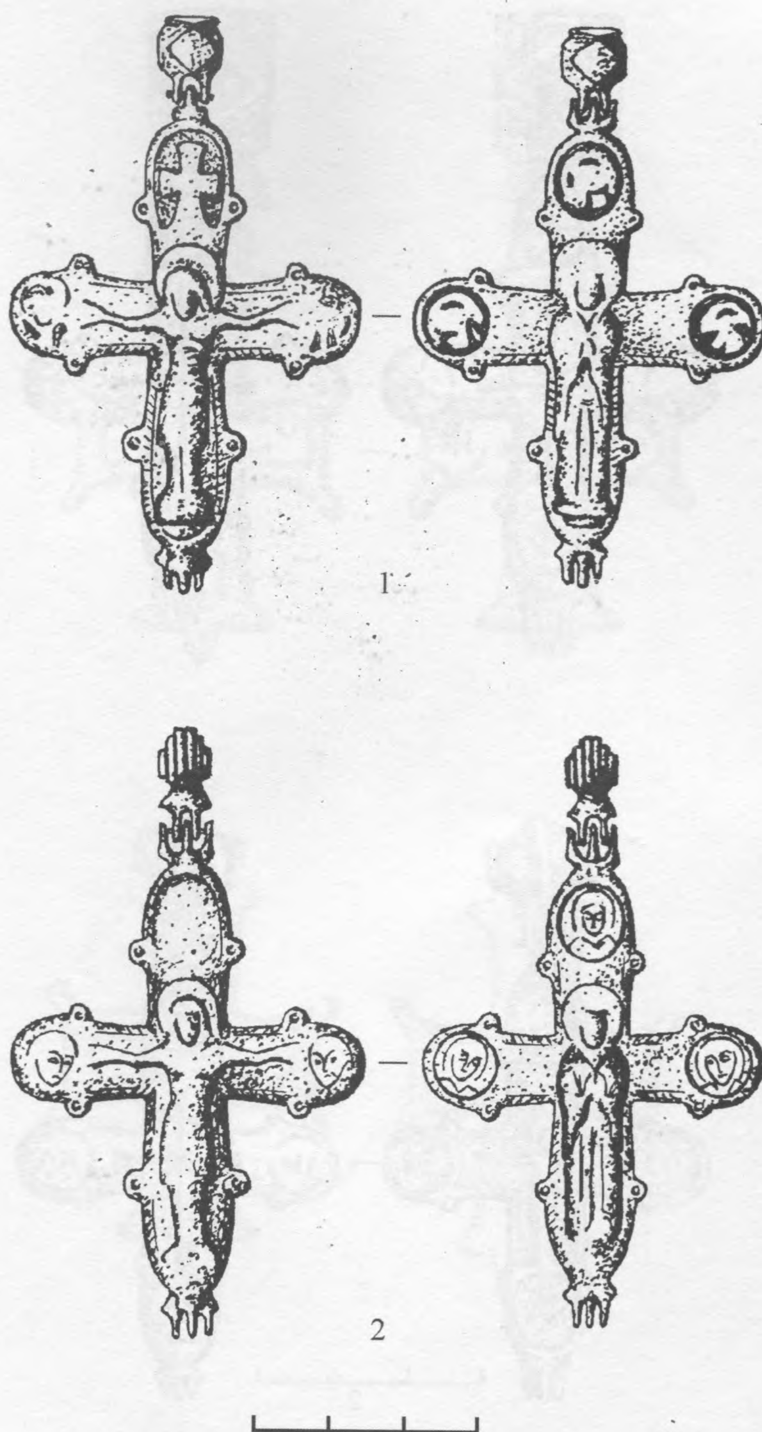

Рис. 28. Кресты-энколпионы XII–XIII вв. из Дрисвят (№№ 19, 21)

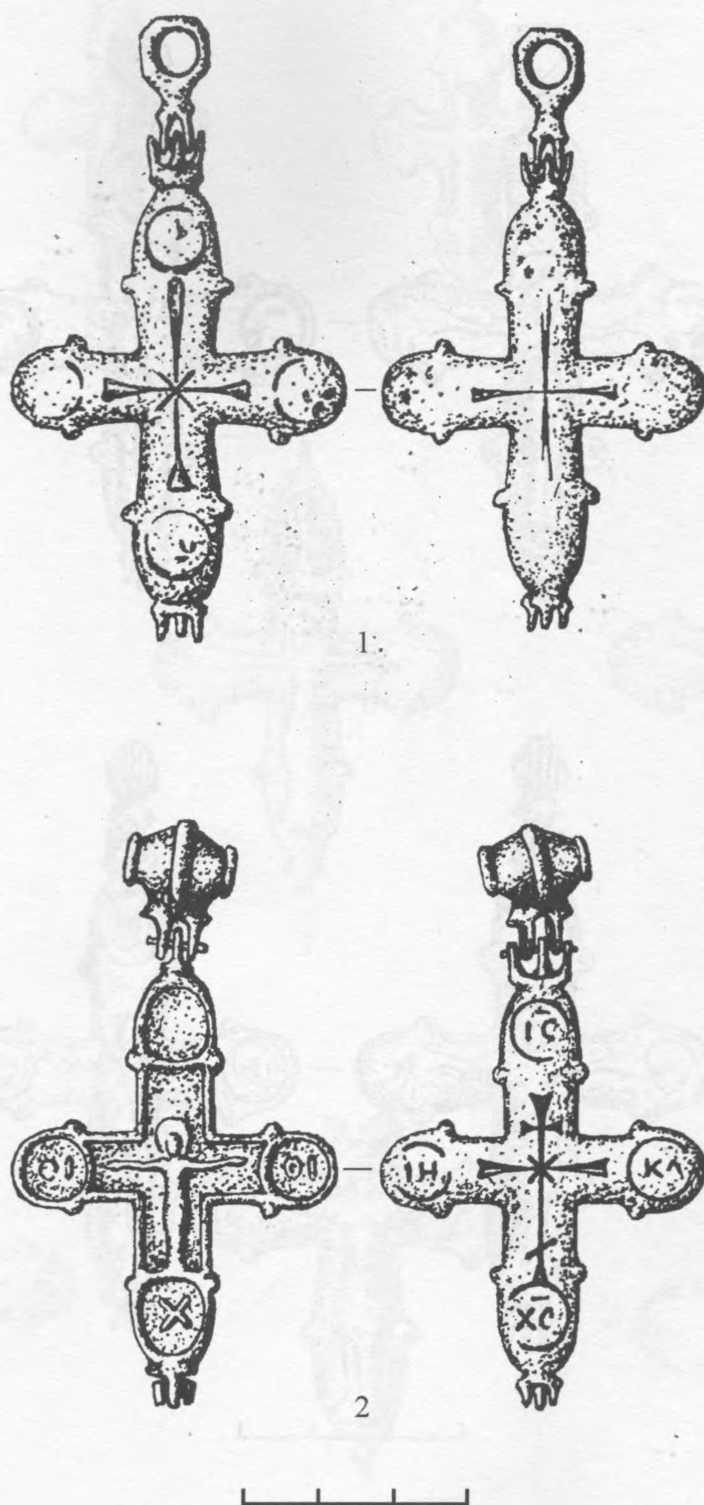

Рис. 29. Кресты-энколпионы XII–XIII вв.: 1 – Дрисвяты (№ 20); 2 – Снядин (№ 75)

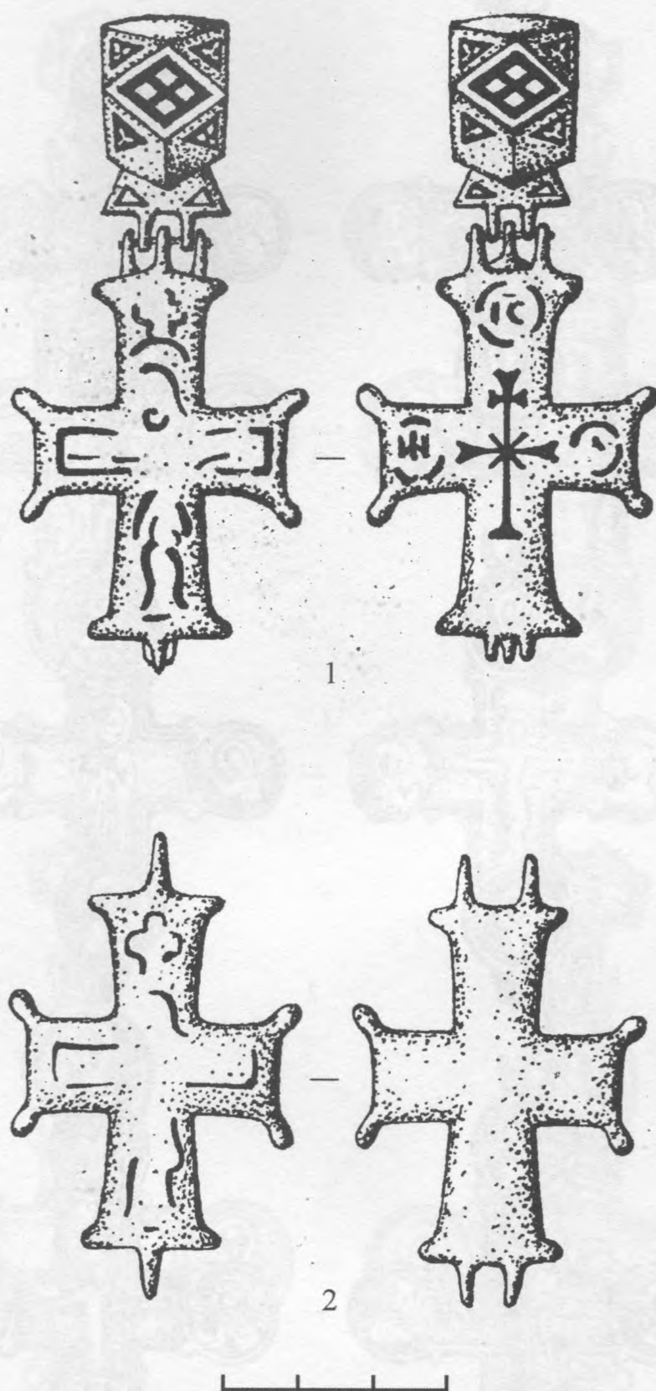

Рис. 30. Кресты-энколпионы XII–XIII вв. из Маскович (№№ 38–39)

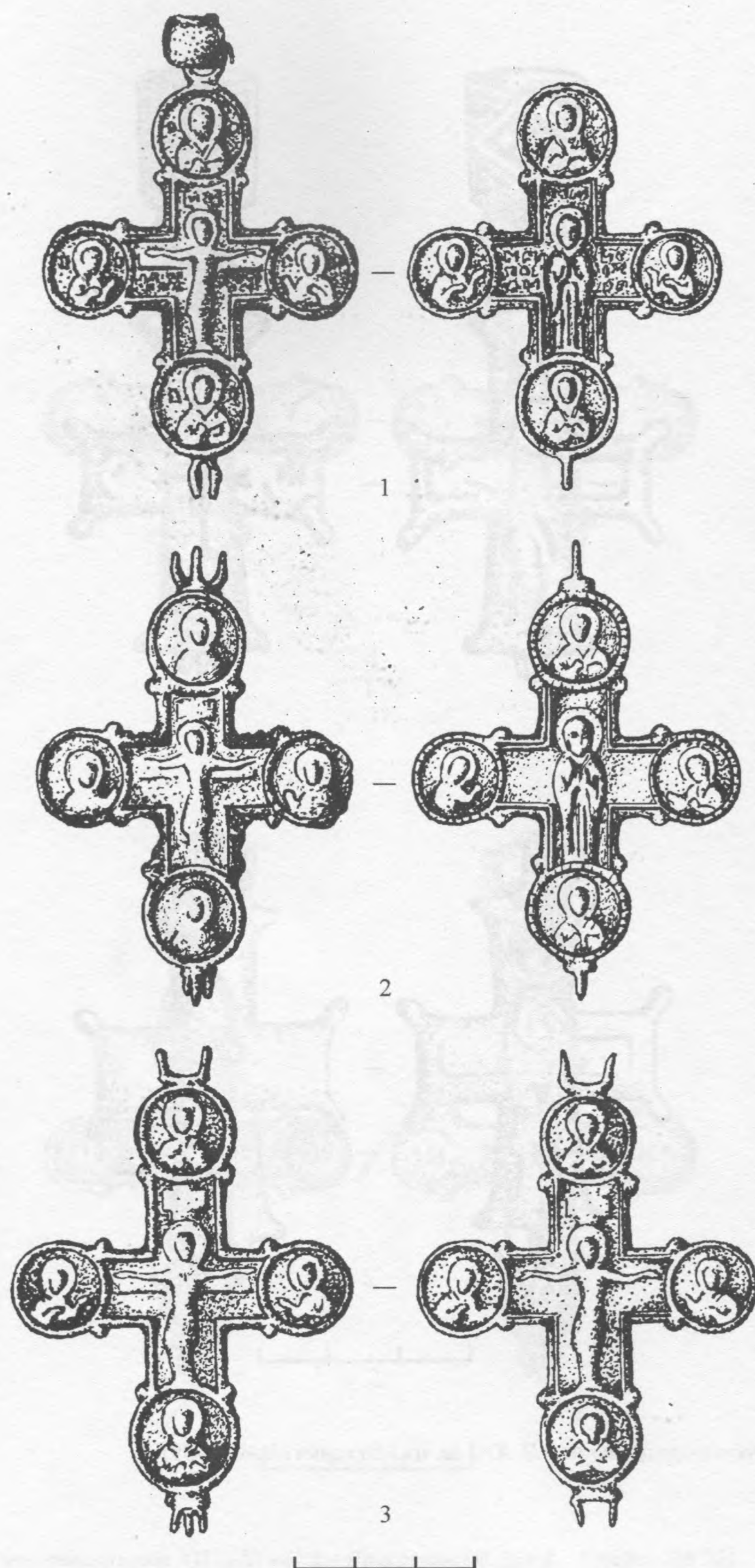

Рис. 31. Кресты-энколпионы XIII в. (тип «Пресвятая Богородица, помогай!»): 1 – Мстиславль (№ 47); 2 – Гродно (№ 17); 3 – бывшая Витебская губерния (№ 8); 4 – Кричев (№ 30); 5 – Минск (№ 40)

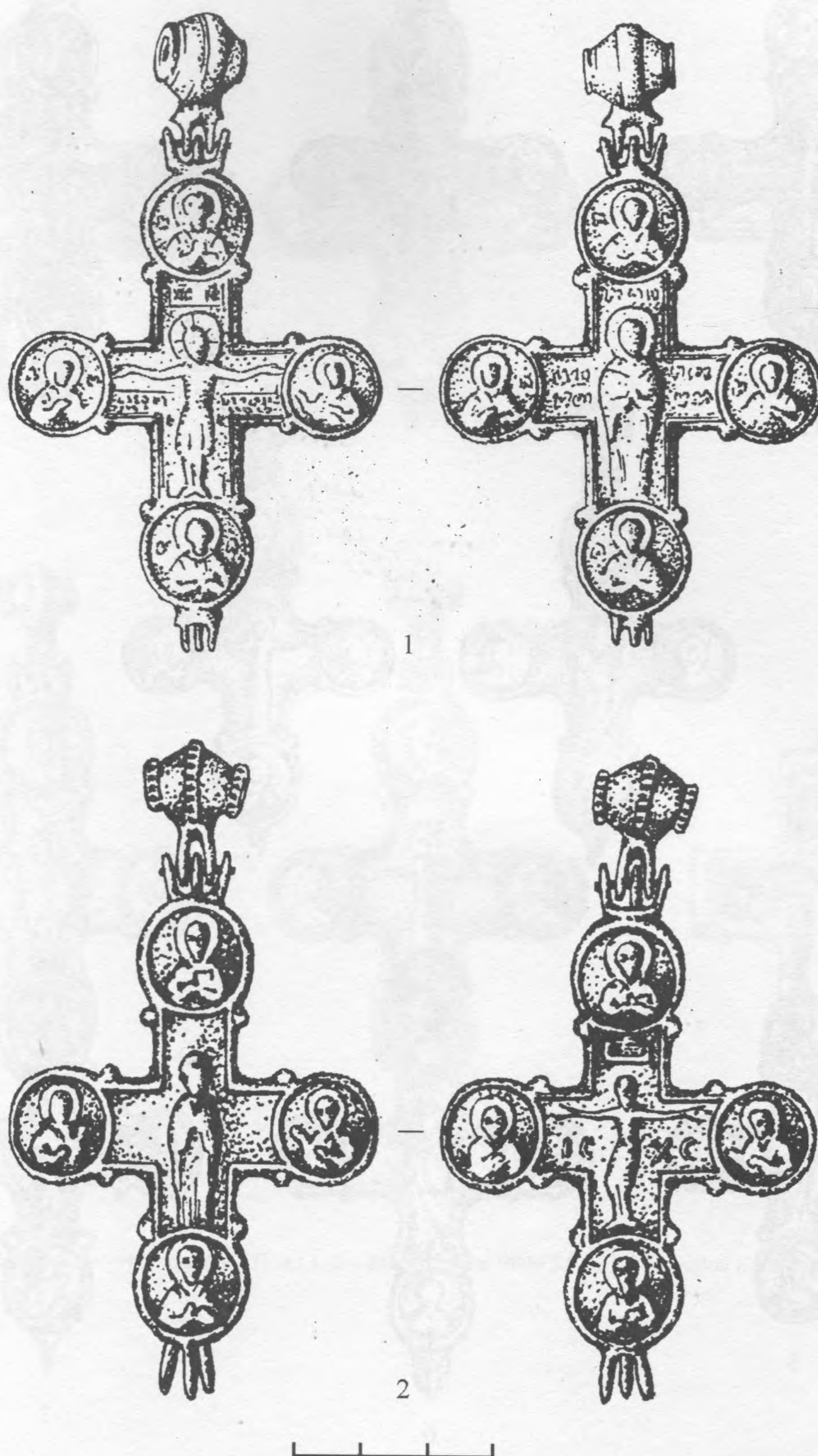

Рис. 32. Кресты-энколпионы XIII в. (тип «Пресвятая Богородица, помогай!»): 1 – Минск (№ 43); 2 – Лоск (№ 33)

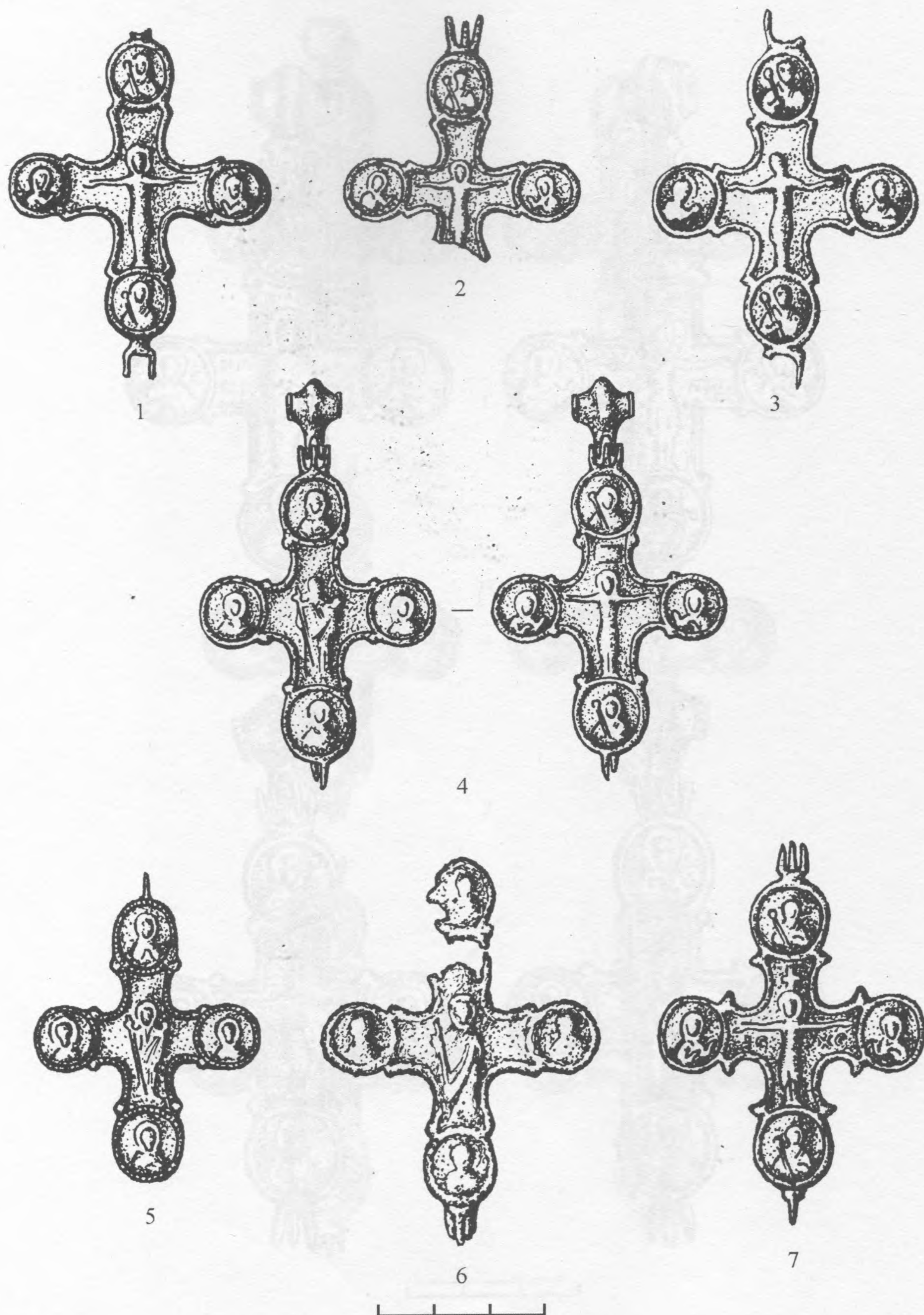

Рис. 33. Кресты-энколпионы XIV в.: 1 – Жупраны (№ 79); 2, 4, 5 – Мстиславль (№№ 53–55); 3 – Лучно (№ 35); 6 – Друцк (№ 84); 7 – Смаляны (№ 74)

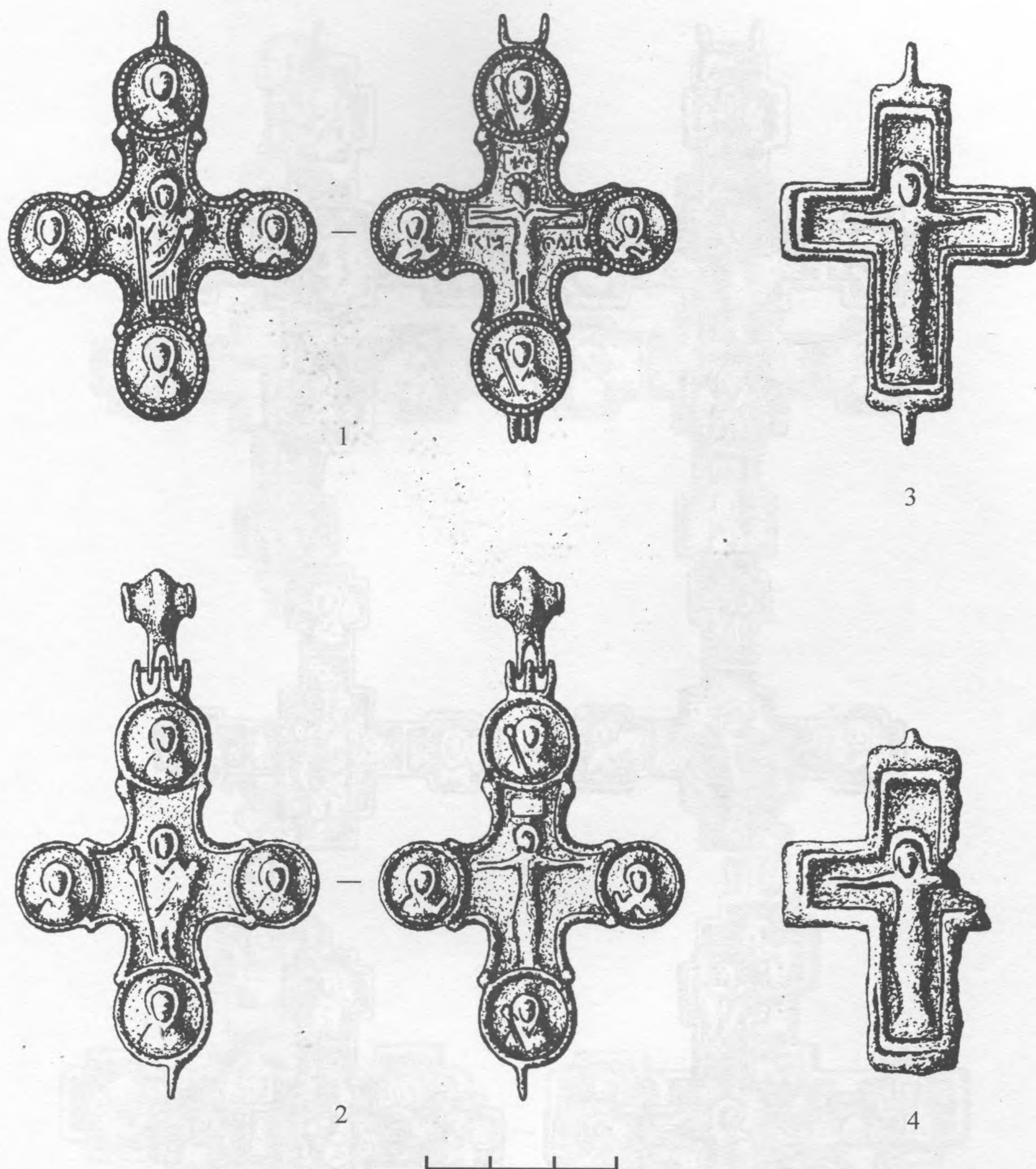

Рис. 34. Кресты-энколпионы XIV в.: 1–2 – Мстиславль (№№ 51–52); 3 – Гродно (№ 14); 4 – Туров (№ 76)

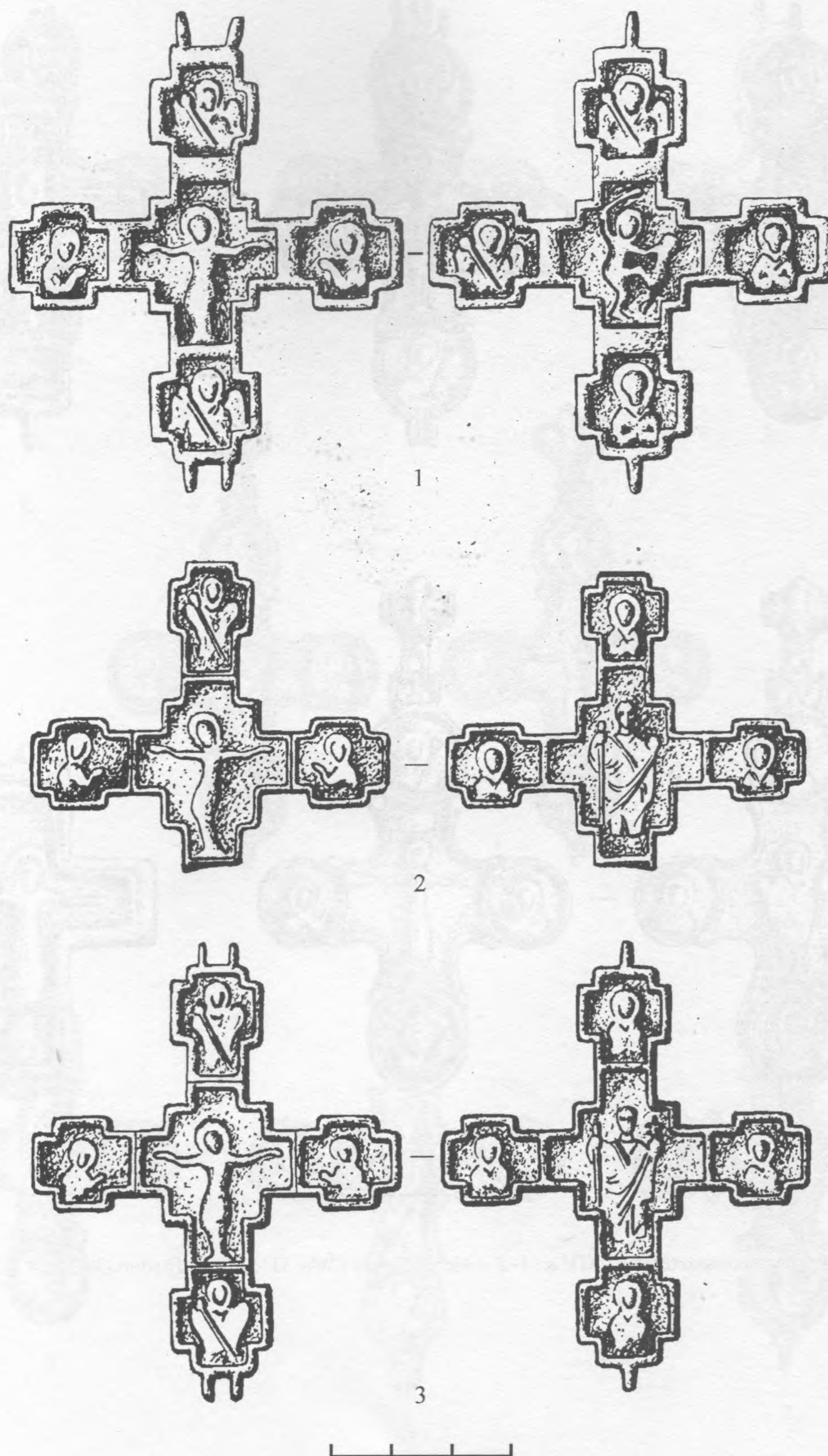

Рис. 35. Кресты-энколпионы XIV в.: 1 – Витебск (№ 5); 2 – Мстиславль (№ 46); 3 – Прудники (№ 68)

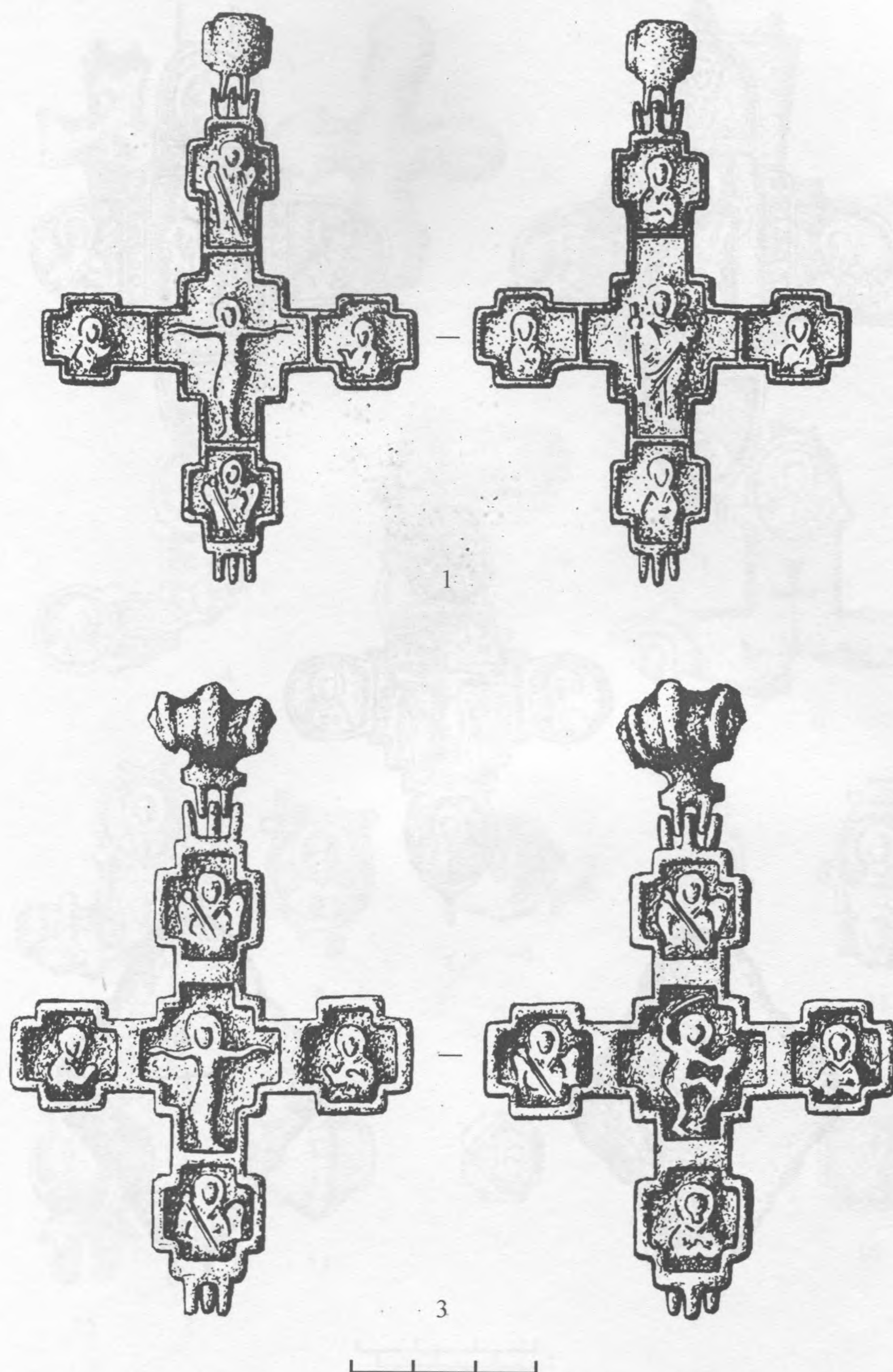

Рис. 36. Кресты-энколпионы XIV в.: 1 – Трепки (№ 80); 2 – Лукомль (№ 34)

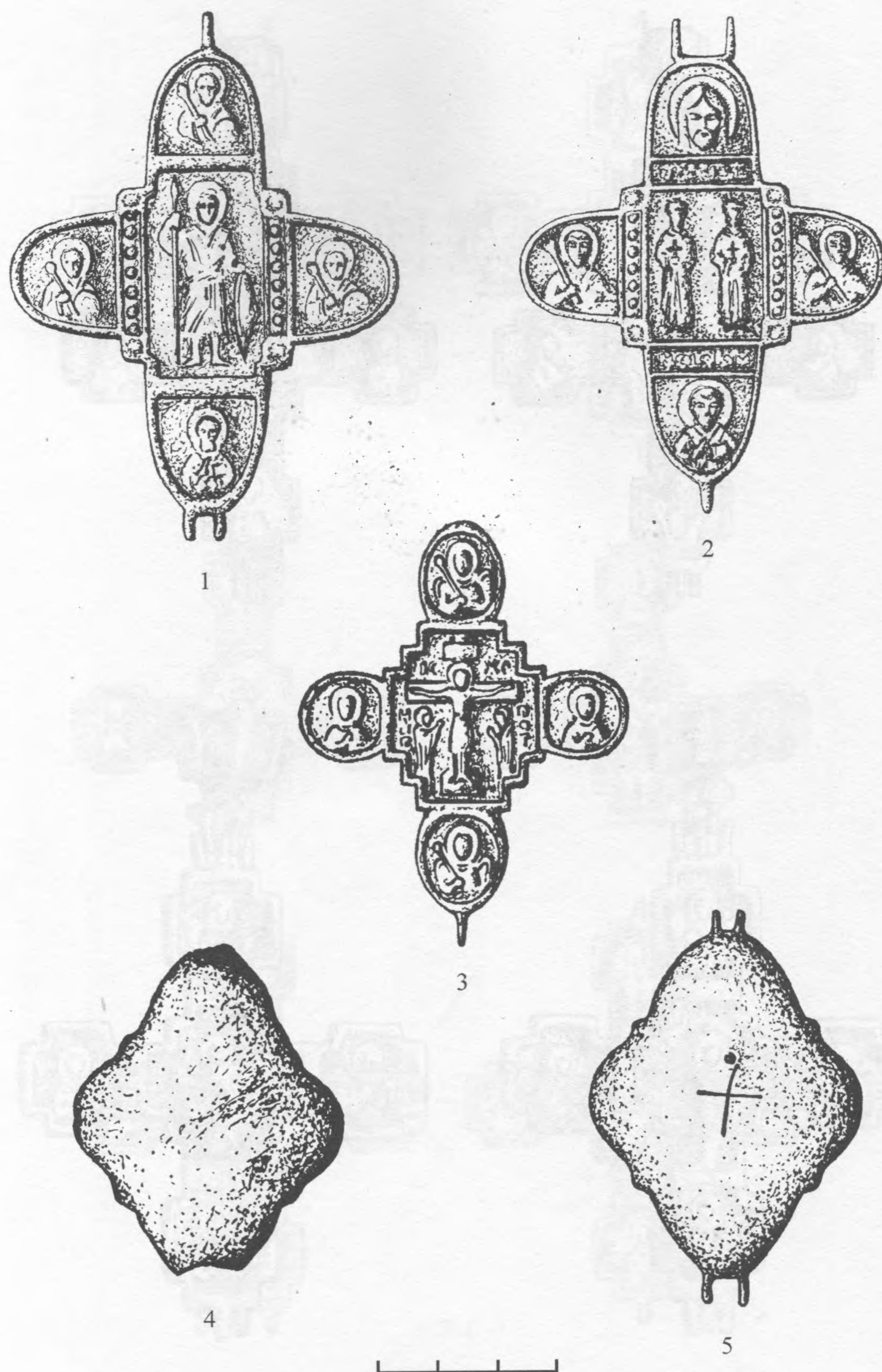

Рис. 37. Квадрифолии XIV в.: 1 – Молодечно (№ 83); 2 – Гадиловичи (№ 9); 3 – Могилёвская область (№ 78); 4 – Туров (№ 77); 5 – Брест (№ 2)

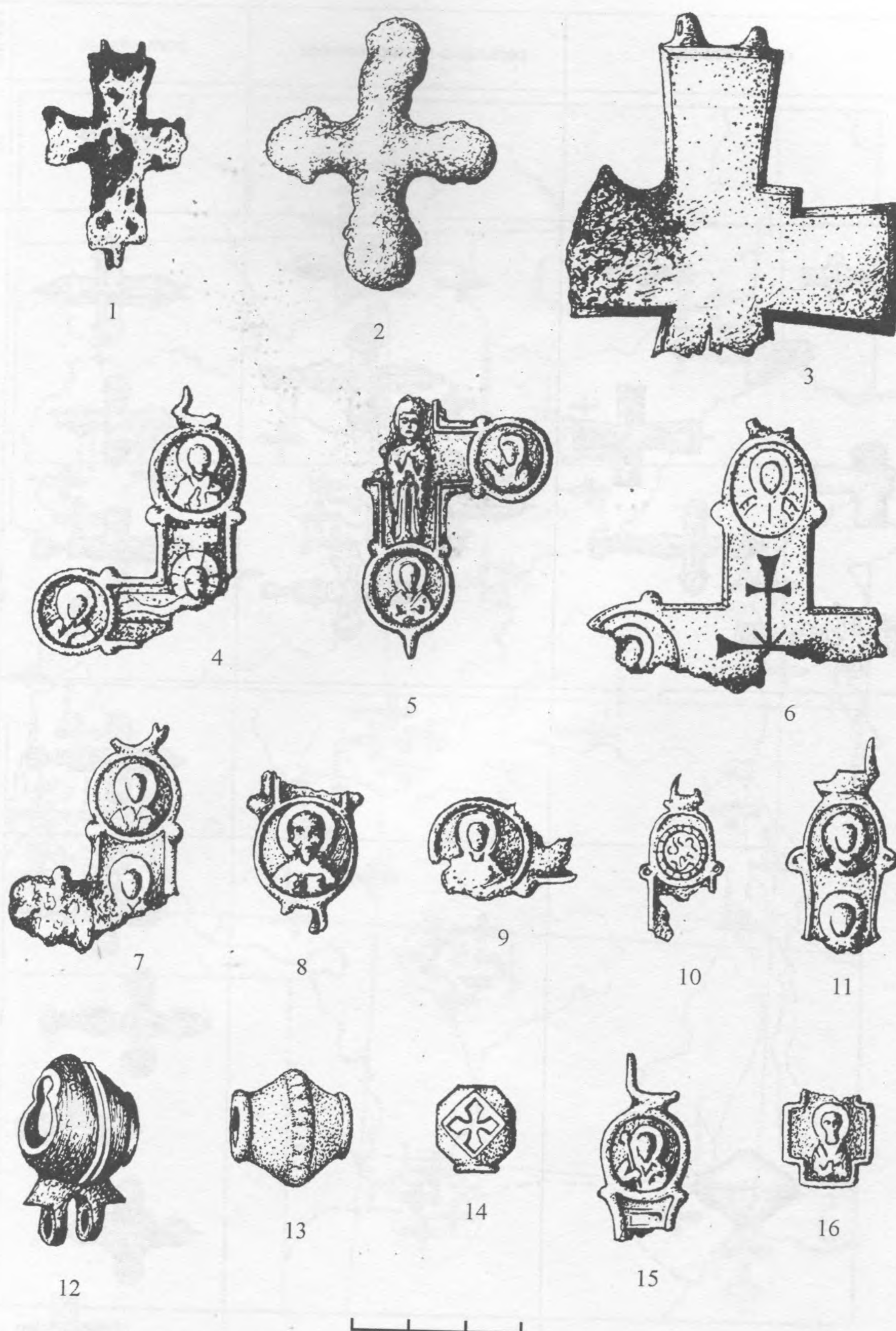

Рис. 38. Фрагменты и детали крестов-энколпионов XI–XIV вв.: 1 – Друцк (№ 24); 2 – Гродно (№ 16); 3, 7 – Свислочь (№№ 70–71); 4, 8–12 – Новогрудок (№№ 56, 59, 61–64); 5, 14 – Полоцк (№№ 66–67); 6 – Минск (№ 41); 13 – Дрисвяты (№ 81); 15 – Заславль (№ 27); 17 – Витебск (№ 6)

Рис. 39. Хронология возникновения и крестов-энколпионов

века \ группа	гравированные	рельефно-гравированные	рельефные
XI			
XII			
XIII			
XIV			

Рис. 40. Картография крестов-энколпионов XI–XIV вв.

Рис. 41. Каменные иконы XII–XIII вв.: 1 – Полоцк (№ 37); 2–4 – Минск (№№ 21–22); 5–6 – Новогрудок (№№ 29–30); 7 – Пинск (№ 35); 8 – Витебск (№ 4)

Рис. 42. Каменные иконы XII–XIII вв.: 1 – Полоцк; 2–3 – Волковыск (№№ 9–10); 4 – Новогрудок (№ 31); 5 – Горы (№ 42)

Рис. 43. Нагрудные иконы XII–XIII вв.: 1–2 – Волковыск (№№ 6–7); 3 – Браславский район (№ 49); 4 – Угольщина (№ 47); 5 – Новогрудок (№ 27); 6 – Мстиславль (№ 25); 7 – Пинск (№ 33); 8 – Городище на Менке (№ 13)

Рис. 44. Нагрудные иконы XIII–XIV вв.: 1 – Мстиславль (№ 45); 2 – Горы (№ 14); 3 – Могилёв (№ 24); 4 – Мышковичи (№ 26)

Рис. 45. Фигурные иконы XII–XIII вв.: 1 – Гродно (№ 15); 2 – Волковыск (№ 8); 3 – Копысь (№ 19)

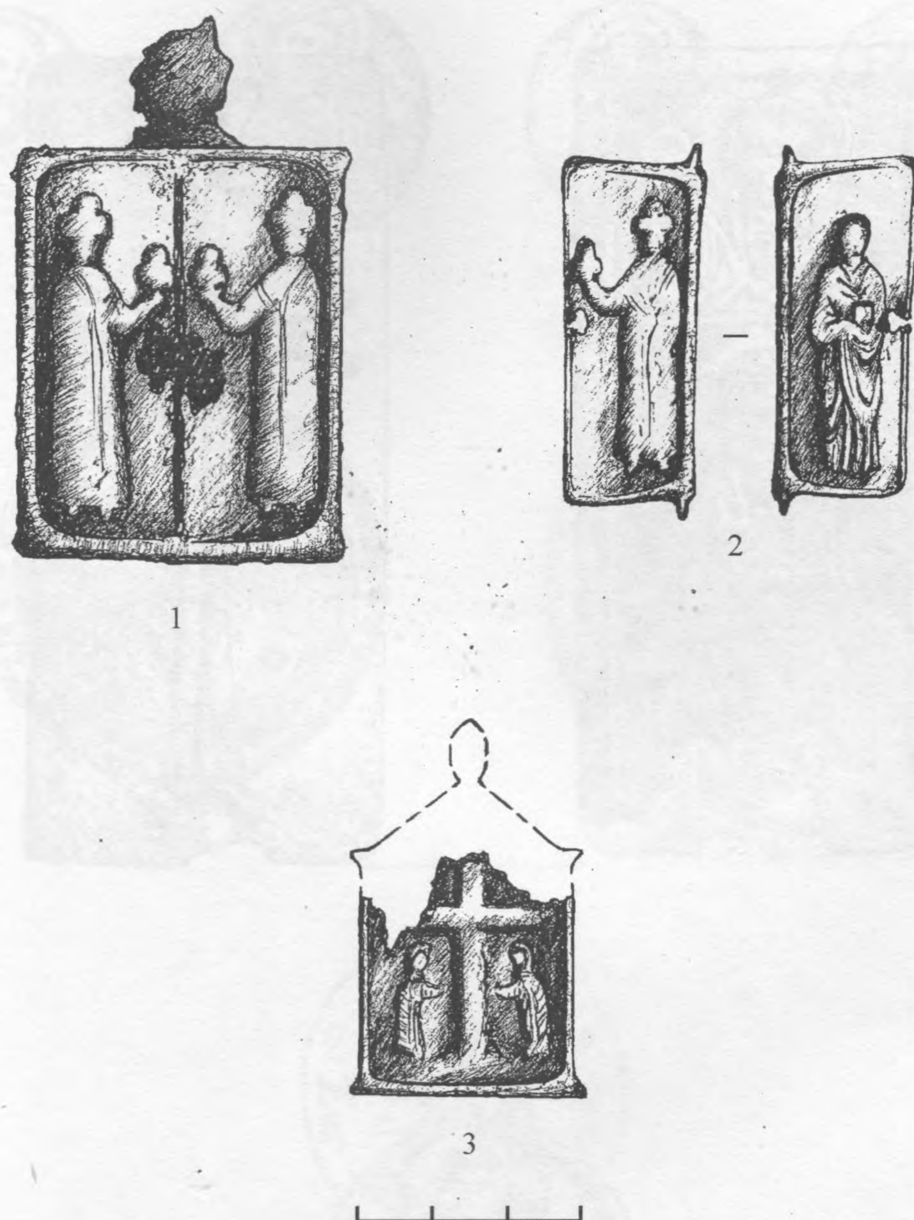

Рис. 46. Иконы-триптихи XII–XIII вв.: 1 – Новогрудок (№ 28); 2 – Полоцк (№ 36); 3 – Туров (№ 43)

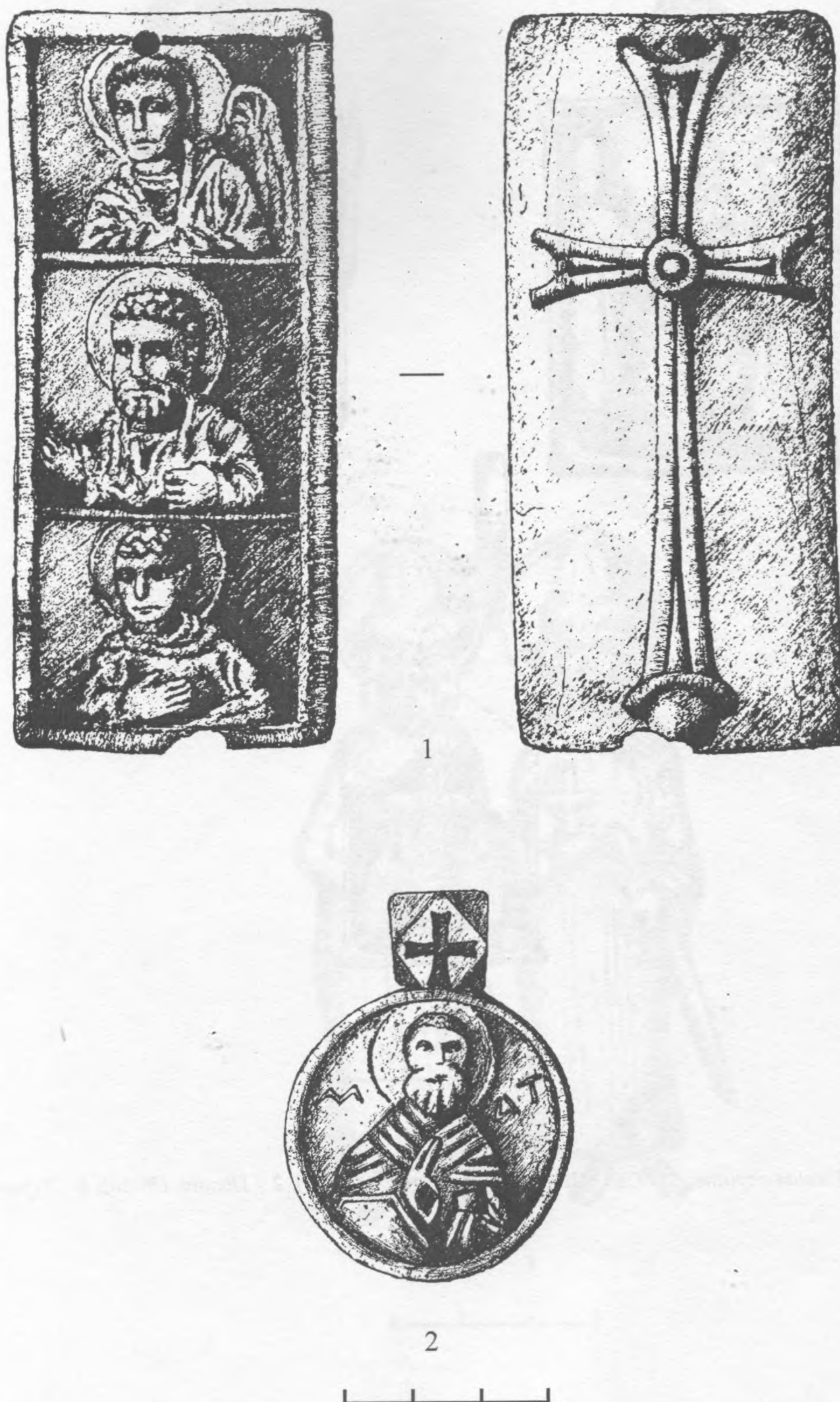

Рис. 47. Костяные иконы XII–XIV вв.: 1 – деталь костяного триптиха XII–XIII вв. из Волковыска (№ 11); 2 – костяная икона XIII–XIV вв. из Витебска (№ 5)

Рис. 48. Иконы-вставки XII–XIII вв.: 1–4 – свинцовые иконы-вставки (матрицы) из Турова (№№ 50–53); 5 – Брест (бронза (№ 1)); 6 – Новогрудок (стекло (№ 32)); 7 – Капланцы (золото, эмаль (№ 18))

Рис. 49. Змеевики XII–XIII вв.: 1 – Волковыск (№ 12); 2 – Чечерск (№ 14); 3 – бывшая Минская губерния (№ 23)

Рис. 50. Змеевик XIV в. из Бреста (№ 2) – 1; форма для отливки змеевика XII–XIII вв. из Копыси – 2

Рис. 51. Змеевики XIV в.: 1 – Речица (№ 41); 2 – Полоцк (№ 39); 3 – Заславль (№ 17)

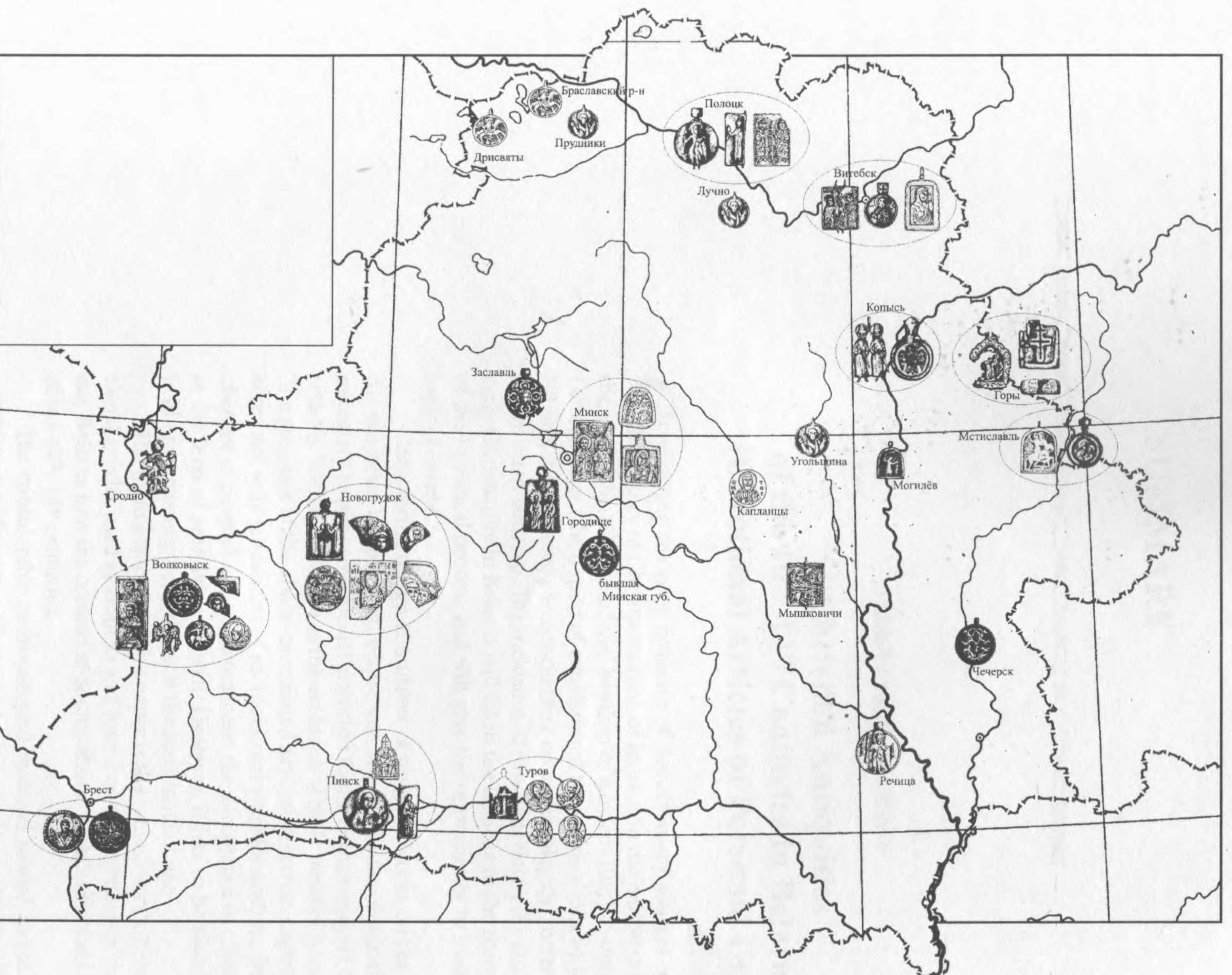

Рис. 52. Картография икон и змеевиков XI–XIV вв.

SUMMARY

Aliaksandr Bashkov

Christian Antiquities of the 10th–14th Centuries in Belarus (Devotional Articles of Personal Use)

Considering the poor evidence of documentary sources concerning the history of Christianization of Belarus in the period of time from the end of the 10th (the official baptism of Ancient Rus') to the end of the 14th centuries (the period of confessional transformations by Jogajla and Vitaut), it is necessary to concentrate on archaeological material related to Christian worship. The inclusion of this material in the studies of the early Christianity in Belarus will fill in the lacunae in the reconstruction of the historical process and will give the opportunity to trace back the logic of events.

Considering the great number of research works on the history of the medieval temple architecture and the evolution of burial rites it is necessary to pay some special attention to the examination of devotional articles. Such items come as the evidence of their owners' personal faith. The presence of the above-mentioned articles at archaeological sites can show not only tendencies of sociocultural transformations, but indicate changes in people's self-consciousness, the acceptance of Christian faith at the level of worldview as well. However, it has to be stated that this field of archaeology of Belarus is the least studied one.

The main objective of this paper is the inclusion of Christian devotional articles used as amulets and found on the territory of the present-day Belarus into the context of sociocultural transformations at the end of the 10th–14th centuries.

The considerable archaeological material related to the Christian cult (devotional articles of personal use in particular) was collected and analyzed in the course of the study.

The role of the state and church hierarchy has always been considered as a determinative one in the process of Christianization. The results of the study show the importance of a subjective factor, i.e. the role

of the activity of an individual bearer of the Christian belief regardless of his social status. It becomes possible to associate the problem of Christianization of Belarusian lands not only with the consequences of state and church institutions' activities but also with the process of cultural communication between Christians and pagans, and among Christians both at macrolevel (contacts between social strata) and at microlevel (personal contacts).

The analysis of some categories of devotional articles, classification, topography and chronology of them point out the pace and the main ways of their penetration on the territory of Belarus as a result of contacts between local inhabitants and Christians.

The first artifacts related to the Christian cult and dated back to the end of 10th–11th centuries appeared as a result of contacts between the regions neighbouring to the trade route from the Varangians to the Greeks and northerners, including Scandinavians. The familiarity with the symbolism of the cross, which occupied the central position in the system of Christian symbolic, led to adoption of Baltic metal cross forms in the 11th century. During this period the occurrence of the articles of the southern origin is rare. From the beginning of the 12th to the first half of the 13th century there was an active influence of South Russian cultural traditions on Belarusian lands. This influence was manifested by the considerable import of different categories of devotional articles and by migration of Christian population from southern lands as well. However, the influence of northern traditions was still strong during this period. They dominate again in the material culture of Belarusian Christians from the end of the 13th and throughout the 14th century. At the end of the 14th century the influence of gathering power East-Russian cultural-political centers became essential. All these changes were related to reorientation of Belarusian lands to different cultural-political centers in the course of historic transformations on the territory of Eastern Europe at the end of 10th–14th centuries.

The acceptance of the borrowed traditions was not an obstacle on the way of the development of regional traits in the Christian material culture. On the contrary, it stimulated the emergence of the specialized production of different categories of devotional articles in Vaukavysk, Navahrudak, Vitsebsk, Polatsk, Maskavichy, Minsk, Vishchyn, Kopys, Homel, Lukoml, Turau. The certain types of metal, bone and stone crosses, amulets, stone and bone icons imparted some special coloring and unique features to the above-mentioned categories of devotional articles of personal use. These specific types make it possible to talk about the existence of some special local variant of Christian material culture on the territory of Belarus. It includes the broad range of cultural achievements of neighbouring lands.

Translated by Hanna Belskaya and Vitali Asheichyk

Научное издание

Башков Александр Александрович
Христианские древности Беларуси конца X–XIV вв.
(предметы христианского культа индивидуального использования)

Корректор: В.А. Лейковская
Компьютерная верстка: В.И. Ходан

Подписано в печать 01.03.2011 г. Формат 84x60/8
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Minion.
Усл. печ. лист. 25,48. Уч. изд. лист. 25,5. Тираж 300 экземпляров. Заказ 1874.

Издатель **И.П. Логвинов**
ЛИ № 02330/013307 от 30.04.2004 г.
220050, г. Минск, пр. Независимости, 19–5
logvinovpress@mail.ru

Печать **ОДО «НовоПринт»**
ЛП 02330/0552786 от 25.02.2009 г.
220047, г. Минск, ул. Геологическая, 59–4–10

Башков Александр Александрович родился в 1972 году в городском поселке Городище Барановичского района Брестской области. Кандидат исторических наук (2000), доцент кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина. Изучает раннее христианство на территории Беларуси, археологические памятники западной Беларуси. Проводил раскопки в Каменце, Волчине (Каменецкий район), Ружанах (Пружанский район), Косово (Ивацевичский район), разведки в Брестской области. Является членом Европейской археологической ассоциации.

